

0492

Средневековый город

М. М. Горюха

Кабинет

Средневековый город

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

Межвузовский научный сборник

Вопросы социально-экономической истории, права,
идейного и культурного развития
западноевропейских городов XI — XVII веков

Дарение

М. М. Горюха

0492

СРГ
Кафедра
истории
средних веков

Издательство
Саратовского
университета,
1989

С23 **Средневековый город: Межвуз. науч. сб. Вып. 9: Вопросы социально-экономической истории, права, идейного и культурного развития западноевропейских городов XI—XVII веков.** Изд-во Сарат. ун-та, 1989. 184 с.

В сборнике рассматриваются предпосылки возникновения и историческое содержание городского права, формирование экономического ядра средневекового города, освободительная борьба горожан, политическая роль королевских легистов, культурная жизнь города, а также социально-экономическое развитие городов позднего средневековья и положение трудящихся масс в них.

Значительное внимание уделено зарождению ранней буржуазии и ее социальной психологии, становлению ренессансного мироощущения, гуманистической педагогики, идейному содержанию искусства Высокого Возрождения (на материале творчества Рафаэля), некоторым важным сторонам философии Позднего Возрождения (Гвиччардини).

В разделе «Тексты» опубликована переписка семейного объединения Сели (Англия XV в.), освещающая деятельность Компании купцов-складчиков Кале.

Для историков, философов, филологов (студентов, учителей, научных работников) и всех, кто интересуется историей средних веков, историей города, историей культуры и искусства.

На обложке — рельеф «Кузнец» с колокольни Джотто во Флоренции

Редакционная коллегия:

доц. Н. И. Девятайкина (отв. секретарь), доц. В. А. Ермолаев, проф. Г. Л. Курбатов, доц. Т. М. Негуляева, и. о. проф. А. И. Озолин, проф. Н. В. Ревякина, проф. А. Д. Ролова, докт. ист. наук А. А. Сванидзе, проф. С. М. Стам (отв. редактор), и. о. проф. М. М. Яброва, проф. В. А. Якубский.

С $\frac{0504020000-289}{176(02)-89}$ 23-89

ISBN 5-292-00331-X

© Издательство
Саратовского
университета, 1989

СТАТЬИ

Т. М. Негуляева

УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДСКОГО ПРАВА

В этой статье делается попытка выяснить некоторые наиболее существенные условия, обстоятельства возникновения и характерные особенности средневекового городского права. Источниками послужили городские хартии германских земель XI—XIII вв., изданные в начале нашего столетия Ф. Койтеном¹.

Западная историография изучением городского права занимается давно, особенно в Германии, где сложились широко известные теории, выводившие городское право из помещичьего или общинного, королевского или бургового². При всем различии этих теорий их роднил сугубо юридический подход к проблеме: источник городского права они искали в праве предшествующем. Этот «континуитет права» дает о себе знать и в современной западно-германской урбанистике³. Так, в работе, посвященной городскому праву Зеста, К. Вельт никак не связывает эволюцию права с этапами го-

¹ Хартии Аугсбурга, Берна, Вены, Вормса, Гослара, Дибурга, Зеста, Липпштадта, Кельна, Мюнстера, Нюринберга, Регенсбурга, Страсбурга, Фрейбурга в Брейсгау, Харегау, Хамма, Шпейера. *Urkunden zur städtischen Verfassungsgeschichte Deutschlands*/Hrsg. von F. Kuntzen: In 2 Bd. Berlin, 1901 (далее отсылки на том и страницы этого издания даются в скобках вслед за приводимым текстом).

² См.: Дживелегов А. К. *Городская община в средние века*. М., 1901.

³ См. статьи Э. Эннен, К. Крещеля, Г. Миттайса и др. в сб.: *Die Stadt des Mittelalters*/Hrsg. von C. Haase: In 2 Bd. Darmstadt, 1972.

родского развития, выискивая в зёстской хартии главным образом сходство и различие с правом Кёльна⁴.

В советской исторической литературе специальных работ, посвященных городскому праву Германии, практически нет. Между тем для изучения средневекового города, особенно в начальный период его существования, городские хартии вольностей — незаменимый, бесценный источник. История права, взятого в контексте социально-экономического развития и социальной борьбы, как закономерное отражение этих процессов, может открыть многое в экономических противоречиях и в противоборстве социальных сил, которыми двигалось развитие средневекового города.

Германские города оставили богатое документальное наследие: именно в XII и в первой половине XIII в. было составлено много записей городских вольностей. Обилие этих источников свидетельствует об интенсивности процесса градобразования и о значительной социальной активности формирующегося сословия средневековых горожан. Документация подобного рода отложилась в архивах очень разных по размерам и по темпам развития городов. Очевидно, условия городской жизни, прежде всего экономические, выдвигали сходные запросы и требования, поэтому в различных хартиях обнаруживается много общего.

Анализ содержания городских хартий позволяет выявить их социальную природу и социальную направленность. Внешне составителем хартии выглядит феодал, хартия дается от его имени и скрепляется его печатью, всячески подчеркивается, что это — акт сеньориальной милости и благоволения (II, 90—149). Однако все содержание свидетельствует, что активная сторона здесь — не сеньор, а горожане, они предъявляли свои требования, добивались записи хартии в борьбе, часто вооруженной, и, «милостиво» урезая свои права и аппетиты, сеньор совершал это вынужденно. В хартии неизбежно отражалась борьба интересов обеих сторон.

Городская хартия — документ нормативный; в ней записано то, что было необходимо, желательно горожанам, к чему они стремились.

Но далеко не всегда записанные, «дарованные» вольности воплощались в жизнь и соблюдались. Достаточно, например, проследить судьбу торговой пошлины, отмена которой в некоторых городах (Кёльне, Фрейбурге в Брейсгау и др.)

зафиксирована уже в самых ранних грамотах и которая неизменно «воскресала» в реальной практике сеньориального режима (II, 118, 124, 165). Реальное соотношение сил в конкретный момент решало, чьи интересы отразятся в данном документе с большей четкостью и в большем объеме. Это же соотношение сил сеньора и города в конкретной политической обстановке предопределяло, будет ли записанное в хартии соблюдаться и сколь долго.

Обращает на себя внимание материал, содержащийся в преамбулах многих хартий. Составители их часто ссылаются на уже существовавшие прежде установления или иные юридические акты, которые до той поры в какой-то мере регулировали жизнь этих раннегородских поселений. Так, по свидетельству хартии Хагенау (1164 г.), этот город «блистал своим правом» еще при жизни отца императора Фридриха I, т. е. еще в первой половине XII в. Аугсбург в 1156 г. жалуется, что он потрясен «мрачным забвением его права», и хартия призвана это забытое и поправное «некими людьми» право восстановить. Аналогичные сведения содержат вводные разделы хартий Бремена (1186 г.), Медебаха (1144 г.), Берна (1218 г.), Гослара (1219 г.). Госларская хартия к тому же содержит интересное замечание: она призвана «собрать воедино права, рассеянные по старым рескриптам», в цельный свод законов (II, 134, 90, 144, 145, 126, 179).

Очень возможно, что, зачастую по крохам собирая (выговаривая, выменивая, покупая, отвоевывая) свои привилегии, горожане в определенный момент ощущали необходимость свести эти частные уступки и установления в цельный свод. Возможно, что в Вормсской хартии 30-х гг. XIII в. сведены воедино привилегии, полученные жителями этого города в 1074 г. от императора Генриха IV и в 1190 г. от Генриха VI (I, 7, 17—18). Грамоты же были вырваны у императоров, когда те, в связи с очередным политическим конфликтом, остро нуждались в поддержке городской общины.

Еще более яркий пример дает право Кёльна. В грамоте 1169 г. недвусмысленно сказано, что до ее составления горожане хранили некую запись своих привилегий, настолько давнюю, что к 1169 г. ее, по словам архиепископа, «источили черви» и прочесть уже невозможно. Новая редакция городских установлений, произведенная по инициативе сеньора, значительно урезала судебные и торговые привилегии горожан (I, 9—11).

Возникающие города росли за счет постоянной иммиграции сельского люда, поэтому почти все хартии так много

⁴ Welt K. Das alte Soester Stadtrecht in seinem Verhältnis zum Kölner Recht. Münster, 1960.

внимания уделяют переселенцам из поместий, беглым чиншевицам-держателям, сервам. Хотя из поместий выплескивалось, так сказать, излишнее население (бежали, как правило, крестьяне, недостаточно обеспеченные землей), однако земельные собственники были весьма обеспокоены утечкой рабочих рук и всячески старались ей препятствовать. В то же время сеньоры сравнительно быстро сообразили, что расступий у стен бурга или монастыря торгово-ремесленный поселок приносит немалый доход и содействовать его росту выгодно. Это и побуждало феодала в какой-то мере идти навстречу требованиям горожан и поощрять приток беглых крестьян из сельской округи. Однако, боясь оскудения собственных вотчин, сеньор чаще всего разрешал оседать в городе сервам других феодалов, а своим собственным либо запрещал, либо требовал от них выкупа, как было, например, в Хагенау (II, 136).

Социальная активность этих поселков обнаруживается с первых шагов их существования, она выливается в определенные правовые требования. Новопоселенцы добиваются льгот в занятиях ремеслом и промыслом, выделения земель для застройки и для удовлетворения насущных хозяйственных нужд (водоемы, выпасы, участки леса для строительства и сбора топлива и пр.), права на регулярно действующий рынок, гарантии соблюдения имущественных прав, безопасности на дорогах и рынках (II, 126). Так товарное производство и товарное обращение с первых же шагов своего существования вступали в противоборство с системой феодальной несвободы, сеньориального произвола и обирательства.

Об интенсивности этого противоборства свидетельствует тот факт, что первые восстания горожан против сеньориального произвола в германских землях вспыхнули очень рано. О восстании 1074 г. в Кёльне известно давно⁵, но, во-первых, никто до сих пор не связал это событие с социально-экономическими процессами в раннем городе, а во-вторых, редко вспоминают, что аналогичные события имели место в 1073 г. в Вормсе, в 1075 г. в Майнце, в 1111 г. в Шпейере; в 1107 г. назревало восстание в Страсбурге, а в 1113 г. снова восстали кельнцы⁶. Есть даже еще более ранняя дата: в 906 г. возникла распря между епископом и «народом города Страс-

⁵ Die Chroniken der niederrheinischen Städte. Cöln; Leipzig, 1885. Bd. 12. S. 42.

⁶ Atlas zur Geschichte. Gotha; Leipzig, 1976. Bd. 1. S. 33.

бурга», и уладить ее удалось лишь после вмешательства императора⁷. Как правило, разного рода «милости», привилегии, грамоты о смягчении сеньориальных поборов появляются после очередного волнения в городах, — без инициативы «снизу» сеньоры не изменяли систему эксплуатации ни в деревне, ни в городе. Сколько бы не клялись императоры и короли, архиепископы и епископы, герцоги и графы в «особом расположении» к горожанам, в «вящей любви и уважении» к ним, в «сострадании к многообразному угнетению», царящему в городах, — даже на минимальные льготы они соглашались, во-первых, не добровольно, а под нажимом, и, во-вторых, за мзду, и порой очень значительную.

Возникая в обстановке постоянного противоборства горожан и сеньоров и отражая его этапы, городские хартии дают богатый материал для изучения коммунального движения в Германии, его причин, целей, форм и характера, и для выяснения той системы феодального обирательства и произвола (т. е. сеньориального режима), против которой коммунальное движение поднималось и велось.

Складывание сеньориального режима в средневековом городе было предопределено господством феодальной земельной собственности: город возникал и рос на чьей-то земле, и собственник земли считал своей собственностью и город. Герцог Конрад Церингенский в хартии Фрейбургу в 1120 г. подчеркнул в первых же строчках, что сие место принадлежит ему «по праву частной собственности». Его наследники в 1200 г. в новой редакции права сочли нужным высказаться еще более определенно: «Установлено... чтобы впоследствии сеньор владел этим городом по праву наследства». Кельнский архиепископ Арнольд в грамоте городу Медебаху в 1144 г. напоминал, что «почтенный город Медебах» издавна «служил алтарю кельнского архиепископа в качестве свободной и полной собственности» (II, 144). Аналогичный материал можно извлечь почти из каждой хартии.

Объектом сеньориальной эксплуатации были городские ремесла и торговля. Вот почему сеньоров прежде всего интересовал городской рынок, они этого и не скрывали. Рынок и ведущие торг купцы на первых порах заслоняли сеньору все остальное в формировавшемся городе. Зачастую для сеньора понятие «купец» (меркатор) и «горожанин» (бюргер) почти идентичны. Ведь, во-первых, любой горожанин так или иначе был вынужден пользоваться рыночным обме-

⁷ Regesten der Bischöfe von Strassburg. Innsbruck, 1908. N 242.

ном, покупая продукты питания и сырье, продавая ремесленные изделия. Во-вторых, что еще важнее, именно купцы могли выложить значительную сумму денег за хартию вольностей, поскольку в торговле накопление средств совершалось гораздо быстрее, чем в ремесле. Хартия Фрейбурга 1120 г. формально обращена к купцам, — именно им герцог Конрад Церингенский разрешил «начать и использовать» рынок во Фрейбурге, им разрешено занимать участки под застройку, они освобождены от торговой пошлины. Купцы, видимо, возглавили то «присяжное сообщество», существование которого признал герцог Конрад, составляя хартию в 1120 г. «согласно их просьбе и желанию» (II, 117). Следует, конечно, учесть, что постоянный рынок не мог бы функционировать только для купцов, без ремесленников, повседневные нужды которых требовали регулярного рыночного обмена. Поэтому обеспечение регулярности и неприкосновенности рынка означало защиту самых насущных интересов не только купцов, но и ремесленников. Однако и купцам нелегко было отстоять и юридически закрепить свои интересы, особенно если противником был император или могущественный церковный князь, вроде кельнского архиепископа. Долгой и упорной была борьба против торговой пошлины. Почти каждая хартия содержит статью об ее отмене или ограничении, но, поскольку именно она составляла львиную долю доходов с города, терять ее сеньоры не хотели, и многократно убиенная в актах различного рода она так же многократно и воскресала. Так, полная отмена торговой пошлины была обещана Фрейбургу в самой ранней хартии 1120 г. Однако редакция 1200 г. недвусмысленно утвердила: «Пусть каждый в этом городе должным образом платит торговый сбор», — кроме клириков и министериалов герцога! В Кельне архиепископы отменили торговую пошлину с местного купечества еще в первой половине XII в., но на протяжении всего XIII в. попытки сеньоров взимать этот побор в самом Кельне и на подступах к городу не прекращались. Горожане Медебаха в 1144 г. жаловались на введение новых поборов с мясного рынка и с купеческих рядов, «отчего рынок пришел в упадок и почти прекратился в этом месте» (II, 124, 165, 144).

Ремесло и ремесленники в городском праве отражены гораздо менее, чем торговля и купцы. На общем фоне Древнейшее право Страсбурга (конец XII в.), где весьма подробно говорится о ремесленниках и их профессиональных организациях, просто уникально. Важно даже само перечисле-

ние ремесел (15), — это позволяет ощутить реальность ремесла как экономической основы городской жизни. Кроме того, в праве отразилась дифференциация ремесел: четыре промысла связано с обработкой кожи, оружейный промысел отделился от кузнечного (II, 271). Многие ремесла имеют свои организации, и это — важное завоевание ремесленников Страсбурга, ведь в XII—XIII вв. далеко не в каждом городе ремесленный люд получил право на такую организацию, поскольку для сеньоров любая форма сплочения горожан была нежелательна. Например, хартия Гослара в 1219 г. запрещала не только купеческие гильдии, но и ремесленные цехи (II, 182). Страсбургские ремесла еще пребывали в зависимости от сеньора, и весьма обременительной: все ремесленники обложены оброком в пользу епископа, обязаны ему пятидневной барщиной, подсудны его суду. Но сам факт внесения в хартию специальной статьи о том, что именно бургграфу принадлежит право назначать магистров ремесленных объединений, свидетельствует, что уже во второй половине XII в. эту сеньориальную прерогативу ремесленники нарушали (II, 272).

Хартии других городов впрямую о ремесле говорят скупо. Но если сборщик торговой пошлины во Фрейбурге контролирует ввоз шерсти и пряжи, кожи и шкур, необработанного дерева, металлов в слитках, красителей, — значит, этого сырья в городе ждут ремесленники соответствующих специальностей (II, 124). Почти в каждой хартии упоминаются монетчики, мельники, пекари, виноделы, мясники, засольщики мяса и рыбы, трактирщики, кузнецы, оружейники. Упоминаются они в связи с тем, что обязаны чем-либо сеньору (платят или выполняют работу), но и, напротив, от каких-то повинностей освобождаются (II, 271—273). Юридического признания ремесленных корпораций почти нигде нет. Однако, если госларская хартия запрещает все ремесленные объединения в городе, кроме сообщества монетчиков, значит и другие ремесла в городе самочинно создают свои корпорации. Если под хартией города Хамма в 1213 г. поставили свои подписи в качестве первых консулов этого города четыре мельника, винодел и сапожник, то это свидетельствует, что социальный статус горожан-ремесленников был уже достаточно высок (II, 150).

Город — прежде всего центр мелкого товарного производства; новый экономический уклад возникает в производстве, а не в сфере обращения. Торговля была неотъемлемой составной частью городской экономики, но сама по себе не

обеспечивала устойчивости новых городских социально-экономических начал жизни. Купцы были богаче, но большинство городского населения составляли ремесленники, даже в таких торговых центрах европейского масштаба, как Кёльн или Страсбург. В первую очередь деятельность ремесленников, их экономические и социальные потребности как самостоятельных товаропроизводителей вызвали к жизни городское право.

Чего же добивалось от сеньоров торгово-ремесленное население городов? На первом месте всегда — мир и безопасность. По возможности не только в рыночные дни и не только в пределах городских стен, но и на дорогах, ведущих к городу. Страсбургская хартия в первой же статье провозглашает: Страсбург основан «по образу других городов на том почетном условии», чтобы «как чужой, так и местный уроженец имел бы в нем мир во всякое время и от всех» (II, 269). Обеспечение мира — воистину «почетное условие» для социально-политической практики XII в., когда мир был исключением, а война правилом. Тем более в Германии, где не прекращалась борьба князей и императора, императора и папства, и это помимо местных распрей. Отметим, Страсбург следует «образу других городов», т. е. все города требуют обеспечения мира. В самом деле, в хартии Фрейбурга 1178 г. 15 статей (из 55) так или иначе охраняют, гарантируют мир, предотвращают насилие и карают за него; в праве Вены 1221 г. таких статей 10 (из 28); в Госларе 6; примеры можно продолжить (II, 117—123; 208—210; 179—183).

Материал этих статей ярко рисует обстановку, в которой жили горожане XI—XIII в.: частые, если не постоянные, войны и смуты, разбой и грабежи, господство кулачного права и грубого произвола, необеспеченность жизни, особенно тех, кто не принадлежал к сословию феодалов-землевладельцев. Это и порождало у горожан насущную потребность в юридическом обеспечении мира, в выработке нового, своего, городского права, т. е. феодальное означало для них бесправие, не защищало их интересов.

В борьбе за охрану мира особенно остро проявлялся антагонизм между городским товарным производством и феодальным господством. Войны мешали нормальной работе ремесленников, передвижению купеческих караванов, подвозу в город сырья и продовольствия, функционированию рынка. Помимо военных невзгод по экономике города больно било вольное хозяйничанье вооруженных феодалов, их вассалов

и слуг, сеньориальный произвол: реквизиции в мастерских и на рынке были возведены в ранг закона (вторая редакция фрейбургского права позволяла слугам герцога забирать у каждого сапожника «столько сапог, сколько пожелают», всякий раз, когда герцог собирался в поход с императором). Сеньор мог без суда и следствия схватить горожанина и держать в заключении, требуя выкупа; или потребовать с купца уплаты долга за того сеньора, из владений которого он приехал, — на это жаловались третьей инстанции кельнские горожане в 1258 г., и архиепископ по сути опровергнул эти жалобы не смог (II, 164). Епископ Буркхард в «Установлениях» городу Вормсу 1023—1025 гг. признает, что в городе «почти ежедневно совершаются зверские человекоубийства», в результате в течение только одного года были «без вины убиты тридцать пять сервов». Епископ Буркхард был вынужден ввести систему жестких наказаний и денежных штрафов, высота которых (более двухсот шиллингов за убийство) заставляла думать, что убийцами, как правило, были вассалы и материалы епископа (I, 22).

Обычное феодальное право практически никак не защищало ни жизнь горожанина, ни его имущество, ни его достоинство. И главный враг, главный нарушитель городского мира сидел в замке или в епископском дворце: это был сам сеньор, его вассалы и его многочисленная челядь. Для феодалов, церковных и светских, город был объектом систематического грабежа.

Поэтому все статьи городских хартий, охраняющие мир, несут ярко выраженный антисеньориальный характер. Например, право Вены 1221 г. требует, чтобы «дом каждого горожанина служил защитой и местом обитания ему самому и какому угодно... пришельцу». Неприкосновенность жилища — гарантия безопасности. От кого? От тех, кто имеет обыкновение «вторгаться в дом другого» с луком, копьем или с обнаженным мечом, т. е. речь идет о сеньоре, его вассалах или челяди, а «пришелец» в данном случае, скорее всего, беглый крестьянин (II, 208). Запреты обнажать в городе «острое железо», входить в город с натянутым луком, «носить за поясом или в сапоге кинжал», которыми пестрят городские хартии, — все это антидворянские запреты.

Не следует забывать, что первоначально все материальные основы власти — суд, администрация, войско — находились в руках сеньора. Он судил горожан, где хотел и как хотел, предпочитая судебный поединок, при котором горожа-

не неизбежно оказывались слабее дворян и министерялов. В силу самой природы товарно-денежных отношений, основанных на расчете, горожане (сословие, не владевшее оружием) стремились разрешать свои споры путем разумного судебного разбирательства. Хартии многих городов уже в XII в. запрещают судебный поединок.

Мало-помалу сеньор и сам начинал понимать, что без обеспечения мира город желаемых доходов ему не даст. Недаром Буркхард, епископ Вормса, сокрушаясь по поводу «убитых без вины сервов св. Петра» (числом тридцать пять!), отметил: «И эти убитые заслуживали большей похвалы, чем кто-либо из раскаявшихся убийц». Еще бы! Тридцать пять ремесленников, обязанных оброком и службами епископу, тридцать пять человек, которые неминуемо должны были выйти на рынок и уплатить торговую пошлину, убиты «из-за ничего, или во хмелю, или из-за гордыни» в безрассудном гневе, а сеньор-епископ не досчитался весьма заметного дохода и поневоле берет под охрану городской мир.

Мало того, защита мира и порядка в городе и в его округе сама по себе становилась источником дохода. Трудно сказать, сколько раз довелось герцогу Церингенскому самому расплачиваться за разбой в округе Фрейбурга, (как он обещал), но вот штрафы за нарушение мира он, как высший судья, получал немалые: за убийство — 60 солидов, за драку с чужеземцем — столько же; если кто-либо из горожан «лишался покровительства сеньора», он терял дом и «все, что имел в городе», — все это доставалось сеньору-герцогу. Аналогичные примеры дают почти все городские хартии (II, 118—119).

Не менее острой потребностью, чем охрана мира, была для горожан личная свобода. Она происходила из самой сущности самостоятельного товарного производства, которое не может нормально функционировать без свободы товаропроизводителя в распоряжении своей личностью, временем, имуществом. Борьба горожан за личную свободу начиналась с того самого момента, как на земле какого-либо сеньора возникла ремесленно-торговый поселок. И поскольку приток убежавших из поместий крестьян не прекращался на протяжении столетий, городской общине важно было отстаивать личную свободу этих иммигрантов ныне и в будущем. В результате редкая хартия не содержит статьи, по которой любой человек, прожив в городе определенный срок, обычно год и день, становился «свободным в сообществе других

горожан», если его в течение этого срока не достигала поместная полиция (II, 119, 126, 137, 179). Если же сеньор находил в городе своего серва, он мог требовать с него причитающиеся платежи, как было в Хагенау, или вернуть его в поместье, как было в Берне. Однако сначала сеньору надо было доказать, что этот человек — его серв, а процедура доказательства была достаточно сложной. В той же Бернской хартии сказано: если сеньор, отыскавший в городе своего серва и доказавший свои права на него, не уводил серва тотчас же, то серв все равно обретал свободу (II, 136, 128).

Борьба за личную свободу в городах тесно переплеталась с борьбой против поборов и служб сервильного происхождения: против поголовного, посмертного и брачного поборов, против права постоя, фуражных сборов. В ходе этой борьбы сервильные повинности отменялись (или существенно ограничивались). Тем не менее, сеньор и здесь не сдавал позиции сразу и навсегда. Поэтому, например, посмертный побор в хартии Фрейбурга, отмененный в 1120 г., в редакции конца XII в. отменяется снова (II, 117, 121), — видимо, после 1120 г. его, вопреки хартии, то и дело взыскивали с горожан.

Еще более поучителен пример Шпейера. В 1111 г. император Генрих V освободил горожан от «наихудшего и непосильного побора» (посмертного), из-за которого «весь город находился под угрозой крайней бедности». Эту волю горожане завоевали в кровопролитной борьбе против епископа и записали золотыми буквами на фасаде собора. Но и запись не помогла. В 1182 г. горожане жаловались, что епископ Ульрих снова требует с них посмертный побор, правда, под другим названием. Фридрих Барбаросса подтвердил привилегию 1111 г. (надо полагать, жалоба шпейерских горожан подкреплялась денежным подношением), предписав: впредь «никогда никакая персона да не осмелится тревожить их (горожан) по сему случаю» (I, 14—15, 17). Но насколько соблюдали это предписание преемники епископа Ульриха, трудно сказать.

Упорное стремление сеньоров сохранить сервильные поборы с горожан проглядывает почти во всех хартиях. Жалуя в 1219 г. городское право Анвейлеру, император Фридрих II отменил поголовный побор, но сохранил посмертный. В Аугсбурге, по хартии 1156 г., епископ удержал за собой посмертный побор с тех горожан, которые были женаты на крепостных женщинах (II, 138, 91).

Весьма обременительным для горожан было сеньориальное право постоя, — приходилось обеспечивать ночлегом, едой и всем необходимым феодала, его свиту, слуг, лошадей. Недаром каждая статья, отменявшая или ограничивавшая это право, упоминает, что на постоя надо располагаться «мирно и без ущерба для горожан» (Хагенау, Берн); добиваться размещения «посредством просьб», а не занимать дома и конюшни насильно (Страсбург). Шпейерская хартия 1111 г. предписала, чтобы никто из слуг не смел «для обслуживания своего сеньора забирать в городе у пекарей, или у мясников, или у людей иного рода какую-либо утварь против их желаний». Хартия 1182 г. этот запрет повторяет, следовательно, сеньоры и их слуги его нарушали (I, 15, 17).

Во всех городских хартиях много внимания уделяется свободе брака; здесь в сложном узле сплетались имущественные интересы, проблемы личной свободы и юридического статуса горожан. Особенно ярко высвечены эти проблемы в хартии Вормса 1114 г. Император Генрих V в ответ на «горестный вопль» горожан и жалобы «на бесконечные притеснения, каковым они подвергались в своих браках», установил: откуда бы ни были родом муж и жена, откуда бы они ни пришли в Вормс, в городе они «имеют одно и то же правосудие», и никакой фогт не имеет права расторгнуть их брак и требовать брачной пошлины (I, 17).

В хартии Берна регулируют процедуру брака и имущественного права супругов 12 статей. Главное можно свести к следующему: никто не может принуждать к супружеству; никто не имеет права его расторгнуть; имущественные и юридические права супругов равны; после смерти одного из супругов второй не платит посмертного побора; после смерти обоих наследство получают дети или ближайшие родственники, и они тоже не платят посмертного побора. То же в хартии Вены и в других (II, 126—132, 208). Горожане не только оградили свое имущество от брачного и посмертного поборов. Свобода браков, закрепленная законом, серьезно урезала сеньориальный произвол.

Значительную часть хартии любого города занимают статьи, посвященные суду. В руках сеньора суд был инструментом власти и извлечения доходов, — естественно, город был крайне заинтересован вырвать это орудие из рук феодала. К тому же городу с его активной деловой жизнью, с постоянно действующим рынком, частыми кредитными, залоговыми и прочими имущественными операциями был нужен суд, отличный от поместного, — более гибкий и скорый, бо-

лее гласный и справедливый, с рациональной формой судопроизводства. А для этого в суде должны были заседать и судить свои же горожане, а не вымогатель-сеньор и его чиновники.

Анализ городских хартий убеждает, что сначала в сеньориальном аппарате появились чиновники для обслуживания новых, специфических городских потребностей — шультгейс, бурграф, префект и др., — и каждый из них так или иначе кормился за счет горожан. Не случайно с 1156 г. епископ Аугсбурга «по просьбе министерялов, горожан и всего народа» обязался назначать только одного префекта (II, 90). Еще в пору безраздельного сеньориального господства, когда все судьи назначались самим сеньором, горожане добились крайне важного для них правила: суд над ними мог производиться только в их городе. Сеньор не имел права вызывать горожанина в чужой, не городской суд (см. хартии Страсбурга, Шпейера, Вормса, Фрейбурга, Гослара, Мюнстера, Липпштадта и др.).

Влияние горожан в суде усиливалось по мере укрепления их экономических и социальных позиций. Сеньор все еще своей властью назначает судей, но — при согласии «всего народа города», или — судьями могут быть люди настолько уважаемые в городе, чтобы горожане «не утрачивали своей чести», предстая перед ними в суде (Страсбург). (II, 269—270). Ведь в судах сеньора заседали министерялы — его слуги; именно перед ними горожане (особенно купцы) не хотели ронять свое достоинство. Достоинство горожанина тоже имело явно антисеньориальную окраску! Затем горожане добились права избираться в число судей наряду с министерялами. Наконец, горожане стали сами избирать судебную коллегия (коллегия шеффенов, скабинат) и городской совет (коллегия являлась, как правило, частью совета), т. е. по сути стали независимы от сеньора и в сфере права и суда.

Этот путь характерен, главным образом, для епископских городов, таких как Страсбург, Шпейер, Трир, Кельн, Майнц, Вормс. В городах же, принадлежавших светским феодалам, особенно если эти города не были вотчинными центрами и там не успел сложиться аппарат сеньориального управления, судебные должности раньше попадали в руки горожан. Так, герцог Конрад Церинген, стремясь привлечь купцов в растущий на его земле Фрейбург, уже в 1120 г. разрешил купцам самим избирать совет «присяжных рынка», который к середине XII в. превратился в совет консулов города.

Красноречиво замечание сеньора Бернарда де Липпия в хартии городу Липпштадту от 1194 г.: «А поскольку этот новый город еще слаб жителями и укреплениями, я... пожаловал жителям свободное право избирать в судьи честнейших и лучших, кого они пожелают» (II, 148).

Следует учесть, что и этот процесс вытеснения сеньора из городского суда не был мирным и плавным, он осуществлялся в постоянном противоборстве городской общины и феодала. Феодал мог и отобрать уже пожалованную привилегию, и нарушить ее. Особенно ярко это отразилось в «Большом договоре» Кёльна с его архиепископом от 1258 г. (II, 165—171); подобными примерами изобилует история любого средневекового города, и не только в Германии. Каждая хартия была итогом длительной борьбы, ибо право горожан возникало как отмена или ограничение прав сеньора.

Изучение развития городского права требует также учета социальной структуры и социальных противоречий внутри самого городского населения.

Почти все хартии, говоря о совокупности городского населения, употребляют словосочетание «как богатые, так и бедные», «как меньшие, так и старшие» (II, 166, 194, 211). Статьи, определяющие порядок назначения или выбора горожан на какую-либо должность, подчеркивают: назначать (выбирать) следует «достоинейших», «почтеннейших», «самых уважаемых», причем вся известная практика городской жизни убеждает, что в этих определениях моральный критерий в лучшем случае играл подчиненную роль. Даже свидетелем по какому-либо делу может быть только горожанин, «имеющий собственный дом», или тот, кто в состоянии сразу же уплатить фогту 5 солидов «на судебные издержки» (II, 179). Тем более трудно представить, чтобы судьей или консулом мог стать бедняк, снимающий угол или каморку.

Яркую картину имущественного и социального неравенства в среде горожан рисует право Вены 1221 г. Оно отмечает такие категории: «добрый человек и почтенный муж», «добрый человек, но не почтенный муж»; «человек, чья жизнь оценивается в 50 талантов»; «человек, обладающий в пределах городских стен имуществом до 30 фунтов», «домовладелец, который не принадлежит к почтеннейшим и богатым»; «ничтожная персона, например, слуга или жонглер», «человек зависимый или незначительный». За один и тот же проступок представители этих групп караются по-

разному и по-разному возмещается их ущерб (II, 207—210).

Имущественное и социальное неравенство в среде горожан возникало изначально и неизбежно в условиях мелкотоварного производства и рыночного обмена. Но на первом этапе городского развития не оно определяло социальную атмосферу в городе, — недаром так сложно искать сведения о нем в ранних хартиях. Городская община скорее выглядит единой и сплоченной, когда речь заходит о ее насущных экономических, социальных и политических интересах. Необходимость оградить от феодальной эксплуатации и феодального произвола городское товарное производство, городской рынок, обеспечить ремесленнику и купцу личную свободу, свободу распоряжения своим временем и имуществом, — именно эта необходимость объединяла, сплачивала горожан. Главным противником, главной опасностью был сеньор, все остальное до поры до времени отступало в тень и обнаруживалось редко. Это единство и позволило горожанам добиться вольностей, зафиксированных в городском праве. Эти вольности и борьба за них носили антисеньориальный характер. Даже там, где в праве декларируется полнота власти сеньора, а само право больше напоминает список его доходов, получаемых с горожан (Страсбург, Аугсбург, Вормс), — даже там можно обнаружить, что власть эта уже не полна. Дабы извлечь в свою пользу часть городских доходов, сеньор вынужден был считаться с потребностями нового, товарного, хозяйства и с интересами его носителей — самостоятельных, экономически от него не зависимых ремесленников и торговцев. В этой постоянной борьбе городских интересов против сеньориальных, в борьбе за коммунальные вольности рождалось и утверждалось совершенно новое для феодализма городское право. Оно не было продолжением ни римского, ни обычного, ни феодального права; оно было вызвано к жизни новыми экономическими и социальными силами и новыми общественными противоречиями, порожденными развитием городского товарного производства и товарного обмена. Возникновение и развитие городского права связано с мятежным, освободительным коммунальным движением средневековых горожан. Оно с самого начала нарушало правовую монополию феодального класса, будучи отрицанием феодального бесправия всех недворян и неклириков, отрицанием всевластия феодалов и церкви. По своей

классовой природе и направленности это было антифеодалное право. Именно так оценивал его Ф. Энгельс⁸.

Городское право обеспечило возможность значительного развития товарного производства и обмена в условиях феодализма — в этом его прогрессивное историческое значение.

Л. И. Солодкова

СКЛАДЫВАНИЕ ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННОГО ЦЕНТРА В КЁЛЬНЕ В XI—XIII ВЕКАХ

Ранняя история средневекового Кёльна, по выражению одного из исследователей, погружена в потемки. Среди скудных сведений чаще других попадаются упоминания о рынках, торговых пошлинах, купцах и их правах, сеньориальных привилегиях в области торговли. Это не удивительно. Средневековый Кёльн вырос на скрещении речных и сухопутных дорог. Особо важную роль играл Рейн, связывающий Кёльн с городами Фландрии, Лотарингии, Южной Германии, Ломбардии.

В данной статье предпринимается попытка, во-первых, выяснить характер и масштабы кельнской торговли, и во-вторых, проследить процесс развития ремесел, их роль в экономической жизни города. Следует заметить, что первый вопрос отчасти освещен в литературе, правда, главным образом, на более позднем материале, второй же до сих пор не был предметом исследования ни в советской, ни в зарубежной медиэвистике.

Источниками послужили документы из городского и архиепископского архивов, опубликованные в прошлом и нынешнем веках: акты дарений, залогов, продаж; договоры между Кёльном и другими городами; третейские решения по спорным вопросам; грамоты, фиксировавшие права горожан и их обязанности по отношению к сеньору; хроники¹.

⁸ См.: Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 412.

¹ Die Chroniken der niederrheinischen Städte: In 3 Bd. Köln; Leipzig, 1875; Kölner Schreinsurkunden des XII Jh./Hrsg. von P. Hoeniger. Bonn, 1884—1888. Bd. 1; 1893—1894. Bd. 2; Die Kölner Schreinsbücher des XIII und XIV Jh./Hrsg. von H. Planitz und Th. Buyken. Weimar, 1937; Die Kölner Zunfturkunden nebst anderen Kölner Gewerbeurkunden bis

В X в. на берегу Рейна возникает и быстро растет торговое-ремесленное предместье Кёльна — Форштадт. Здесь остаются купцы из Страсбурга, Швабии, Саксонии, Фландрии; действует порт, склады для вестфальского железа, гарцского серебра, рейнских и мозельских вин, зерна: уже в это время Кёльн был крупным хлебным рынком.

До X в. в источниках упоминаются купцы, как правило, иноземного происхождения: евреи, фризы, греки (на территории Старого города, Альтштадта, возникает рынок, называвшийся Греческим; он действует до XV в.), саксонцы, французы. В X—XI вв. заметно набирает силу местное купечество. Об этом, в частности, говорит тот факт, что уже в середине X в. Форштадт был обнесен каменной стеной, на что требовались значительные средства. О важной роли торговли и купечества в жизни города свидетельствует также образование в 1050 г. купеческой гильдии². Очевидно, общие интересы нового социального слоя — потребность монополии в торговле, необходимость охраны имущества и товаров, защиты от феодального произвола — способствовали ранней консолидации кельнского купечества. Рассказывая о знаменитом восстании горожан в 1074 г., хронист утверждал, что в нем приняли участие «600 богатейших купцов»³. Даже если их число преувеличено, оно дает возможность составить представление о значительности купеческого слоя в Кёльне XI в. В XII в. в хартиях многих немецких городов упоминается «право кельнских купцов», в соответствии с которым решались спорные дела⁴.

Одним из самых давних торговых партнеров кельнцев была Англия. По меньшей мере с XII в. в Лондоне имела Торговая палата кельнских купцов. Генрих II Плантагенет, как свидетельствует королевская грамота 1157 г., взял под покровительство купцов из Кёльна и их товары, запретил чиновникам препятствовать их торговле, разрешил продавать

zum Jahre 1500/Bearb. von Loesch: In 2 Bd. Bonn, 1907; Quellen zur Geschichte der Stadt Köln/Hrsg. von L. Ennen und G. Eckertz: In 3 Bd. Köln, 1860—1867; Quellen zur Geschichte des Kölner Handels und Verkehr im Mittelalter/Hrsg. von B. Kuske. Bonn, 1923. Bd. 1; Urkundenbuch für die Geschichte des Niederrheins/Hrsg. von Th. Lacomblet: In 2 Bd. Düsseldorf, 1840—1846.

² Die Kölner Schreinsbücher des XIII und XIV Jh. S. 206.

³ Lamberti annales//Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum MGH/Hrsg. von Pertz. Hannoverae, 1843. P. 156.

⁴ Urkunden zur städtischen Verfassungsgeschichte Deutschlands/Hrsg. von F. Keutgen. Berlin, 1901. Bd. 2. S. 118.

вино на рынках⁵. В 1191 г. Ричард Львиное Сердце подтвердил, что кельнские купцы свободны от пошлины в 2 шиллинга и от прочих поборов и имеют право свободного передвижения по всей Англии. В 1204 г. Иоанн Безземельный за помощь, оказанную его племяннику германскому императору Оттону IV, пообещал им покровительство, охрану жизни, имущества, подтвердил опять же право свободного передвижения по стране «со всеми товарами»⁶. В большинстве королевских привилегий от XIII в. объявляется право свободной торговли кельнцев по всему государству⁷. Ясно, что купцы из Кельна были для англичан выгодными и надежными партнерами. Не приходится сомневаться, что и для них торговля с Англией была весьма прибыльной.

Сам Кельн принимал купцов из разных стран Европы. Грамота императора Оттона III от 1000 г. предписывала всем купцам и торговцам соблюдать мир и правосудие в городе⁸. С середины XII в. утвердилось правило, согласно которому иноземные купцы, плывшие по Рейну, должны были останавливаться и торговать своими товарами в Кельне в течение трех дней (так называемое «стапельное право»)⁹. Позже оно дополнялось новыми предписаниями. В середине XIII в. срок пребывания и торговли в Кельне для купцов «из-за Мааса и других понизовых земель» был увеличен до шести недель. Некоторые товары, например пряности, им предписывалось продавать оптом; на другие (благовония, квасцы) к тому же устанавливалась максимальная цена: не выше 25 талантов за фунт, что было выгодно кельнским купцам. Еще больше привилегий давало местным торговцам предписание 1257 г., запретившее иноземным купцам вступать в Кельне в торговые сделки друг с другом: они должны были покупать товары только у кельнцев и продавать свои только им¹⁰.

В XII в., а возможно, и раньше, в Кельне довольно прочно обосновались итальянские купцы. В архивах отдельных городских округов в списках членов купеческой гильдии от XII в. упоминаются Петр Ломбардец, Аларт Римлянин, Гос-

⁵ Quellen zur Geschichte des Kölner... Bd. 1. S. 1—2.

⁶ Ibid. Bd. 2. N 9.

⁷ Ibid. N 41, 81, 149, 151, 397.

⁸ Urkundenbuch für die Geschichte... Bd. 1. S. 283.

⁹ Quellen zur Geschichte der Stadt Köln. Bd. 1. S. 545.

¹⁰ Urkundenbuch für die Geschichte... Bd. 1. S. 283.

вин Романец и другие с римскими прозвищами¹¹. Можно предположить, что кельнские купцы тоже торговали в Италии, но прямых данных у нас нет.

Одним из давних торговых партнеров Кельна был город Верден. Из текста договора между купцами этих городов от 1178 г. узнаем, что, торгуя в Кельне, верденцы платили «издревле установленную» торговую пошлину¹². Значит, торговые связи были налажены, по крайней мере, с XII в. Кельнцы в Вердене тоже платили пошлину¹³. Для взаимовыгодной торговли требовалось равенство партнеров: в названном договоре затронут вопрос о гарантиях справедливого судебного разбирательства спорных вопросов (например, относительно взыскания долгов с верденских купцов). Договор запретил судебные поединки и установил порядок разбирательства тяжб с помощью судебных заседателей (шеффенов)¹⁴. Правда, купцы и в XIII в. порою обходили суд: архиепископская грамота 1258 г. констатировала, что кельнцы порою конфисковывали товары иноземных купцов-должников, из-за чего и кельнские купцы подвергались арестам и конфискации товаров в других городах¹⁵. Грамота 1178 г. и была, очевидно, направлена против подобной практики.

В отличие от верденских купцов, торговцы города Динанта еще в первой трети XII в. получили от архиепископа Фридриха I разрешение беспошлинно торговать в Кельне медью, а также товарами, оставшимися после ярмарочной торговли в праздник св. Северина¹⁶. Такой приоритет можно объяснить тем, что медь служила важным сырьем для кельнского ремесла и ради нее разрешалось беспошлинно продавать остальное. Конечно, купцам Динанта это было выгодно.

Кельнские купцы получали немало привилегий в других германских городах. Так, в 1190 г. король Генрих IV освободил кельнцев от уплаты пошлины в Кайзерверте (городке к северу от Кельна)¹⁷. Император Фридрих II в 1215 г. подтвердил эту привилегию, добавив освобождение от уплаты пошлины в Боппарде (южнее Кельна)¹⁸. В 1247 г. король

¹¹ Quellen zur Geschichte der Stadt Köln. Bd. 1. S. 283.

¹² Urkundenbuch für die Geschichte... Bd. 1. N. 464.

¹³ Ibid. Bd. 2. N 318.

¹⁴ Ibid. Bd. 1. N 326.

¹⁵ Ibid. Bd. 2. N 452.

¹⁶ Ibid. Bd. 1. N 441.

¹⁷ Ibid. N 524.

¹⁸ Quellen zur Geschichte der Stadt Köln. Bd. 2. N 48, 79.

Вильгельм освободил кельнцев от пошлины в Вердене¹⁹. Как видим, кельнцы старались добиться для себя привилегии у каждого из королей, ибо в условиях беспошлинной торговли могли рассчитывать на высокие прибыли.

О богатстве отдельных кельнцев можно судить по архиепископской грамоте 1144 г.: там среди прочего говорится о горожанине Германе, который построил новую церковь²⁰. По всей видимости, «некий Герман» (как называет его архиепископ) — один из богатейших купцов. То же можно сказать о горожанине, основавшем в начале XII в. монастырь²¹.

В источниках, где речь идет о пошлинах, ярмарках, торговых привилегиях, купцы Кёльна чаще всего называются «кельнскими горожанами». Это, конечно, не значит, что каждый житель Кёльна был торговцем, но свидетельствует о ведущей роли торговли в жизни города. На кельнских рынках, по словам хрониста XI в., торговали «товарами всех видов»: продуктами, одеждой, обувью, посудой, домашней утварью²². Примечательно, что несколько рынков, в том числе специализированных, находилось в Форштадте и Оберсбурге (верхней слободе), прилегающих к Рейну: Старый рынок, Сенной, Дровяной, Обувной, Железный. В Альтштадте было лишь два рынка: Греческий и Новый. Среди районов, разраставшихся особенно интенсивно в XII в., ведущую роль, несомненно, играл Форштадт. Здесь были многочисленные торговые ряды, склады, городские весы, монетный двор. Рыночный округ, где находились две церкви св. Мартина — Мартин-Большой и Мартин-Малый (в Кёльне св. Мартин считался покровителем торговли; кроме того, он был патроном вино- и сукноторговцев, кожевников), был главным местом торговли в городе. В Форштадте же были ремесленные мастерские. Именно в нем в XII в. возвели «Дом горожан» (с XIV в. его именуют ратушей, Домом совета).

Оживленная торговля в Кёльне служила стимулом для развития городского ремесла. Как известно, средневековые ремесленники одной специальности селились неподалеку

¹⁹ Urkundenbuch für die Geschichte... Bd. 2. N. 318.

²⁰ Quellen zur Geschichte der Stadt Köln. Bd. 1. N. 53.

²¹ Urkundenbuch für die Geschichte... Bd. 1. N. 518.

²² В кельнских источниках рынки обозначались по-разному: forum butiri — масляный рынок, forum piscium — рыбный рынок; или описательно, как «место, где продают...»: forum, ubi pelles venditur — рынок, где продают меха; in loco, ubi sal venditur — в месте, где продается соль и пр.

друг от друга. «Ларцовые книги» городских округов Кёльна называют следующие «ремесленные» улицы и кварталы: Гончарную, Кузнечную, Мельничную, Мясницкую, Башмачную, Оружейную, Ювелирную, Скорнячную, Сапожную, Бочарную, Оружейную; улицу Кожевников, Копьевщиков, Щитовщиков, Колокольщиков и др.²³.

О высоком уровне развития ремесла говорит и его ранняя дифференциация. С металлами и сплавами в XII в. работали оружейники, копьевщики, щитовщики, панцырники, колокольщики, кузнецы. Щитовщики, к примеру, работали отдельно от медников. Обработкой кож занимались собственно кожевники, башмачники, сапожники, изготовители детской обуви. Причем, одни башмачники изготавливали изделия только из бычьих шкур, другие — из козьих и овечьих (они шли на модельную обувь)²⁴. Судя по источникам, эти ремесленники жили даже на разных улицах. В скорняжном деле были специалисты по беличьему, собольему, лисьему, кроличьему мехам, по овчине. Сырье по большей части было привозным, что опять-таки свидетельствует о ведущей роли торговли²⁵. Среди ткачей были изготовители шерстяных одеял и ковров, красильщики, стригальщики, собственно ткачи; «Ларцовые книги» упоминают кроме того мельников, ювелиров, каретников (их устав был записан в 1180 г.), маляров, токарей, живописцев, мясников, рыбаков, пекарей²⁶. По косвенным данным можно судить о наличии в городе каменотесов и каменщиков, т. к. в записях сделок относительно недвижимости упоминаются каменные дома, каменная мостовая. Для обслуживания потребностей многочисленных церквей и монастырей наверняка были изготовители свечей и пр., хотя документы о них не говорят. Всего в XII в. насчитывалось около 60 ремесленных профессий²⁷; по числу ремесленников его можно сравнить с Любеком и Страсбургом XV (!) в.²⁸.

С XII в. ведущей отраслью кельнского ремесла становится сукноделание. К 1149—1159 гг. относится известие о про-

²³ Kölner Schreinsurkunden des XII Jh. Bd. 1. S. 41, 48, 56—57, 81—83, 95, 141; Bd. 2. S. 25, 74, 90.

²⁴ Die Kölner Zunfturkunden... Bd. 1. S. 21.

²⁵ Ibid. Bd. 1. S. 22.

²⁶ Urkundenbuch für die Geschichte... Bd. 2. S. 353—354; Kölner Schreinsurkunden des XII Jh. Bd. 1. S. 1—11; Bd. 2. S. 11—12.

²⁷ Die Kölner Zunfturkunden... Bd. 1. S. 14.

²⁸ Ibid. S. 15.

даже прядильни; между 1159 и 1175 гг. составлены грамоты о приобретении пяти небольших шерстоткацких мастерских²⁹. Оба документа записаны в округах св. Мартина и св. Бригиды, в самом центре Форштадта, там, где жили сукноделы. Архиепископская грамота от 1149 г. сообщает об учреждении братства ткачей постельных покрывал³⁰. Это — самое раннее для Кёльна и одно из наиболее ранних для средневековой Германии известие об учреждении ремесленного цеха. Грамота 1149 г. — не цеховой устав, но само ее появление, так же как оформление корпорации, возможно только при значительном числе ремесленников данной специальности. Примечательно, что уже в учредительной грамоте — устава-то еще нет! — сформулированы основные направления цеховой политики: добиваться монопольного права на производство и сбыт продукции (цеху ткачей должны подчиняться все местные и пришлые ремесленники данной профессии) и принудительного членства.

Точная дата возникновения цеха собственно сукноделов неизвестна: учредительная грамота не сохранилась. Но можно с уверенностью сказать, что он возник если не в XII, то в начале XIII в.: в архиепископской грамоте 1230 г. говорится, что ткачи города Дойтца (расположенного неподалеку от Кёльна) подчиняются корпорации кельнских сукноделов: дойтцские сукна не должны были отличаться от кельнских по длине, ширине, весу и качеству шерсти; покупать их могли только кельнские комиссионеры; контроль за качеством осуществлялся кельнскими мастерами-ткачами; в случае несоответствия изделия нормам брался штраф³¹. Таким образом, кельнские суконщики не только контролировали производство сукна в Дойтце, но и были скупщиками этой продукции. Вероятно, уже тогда интересы купечества выступали на первый план.

Важные сведения на этот счет содержит грамота 1247 г., в которой записан устав цеха розничных торговцев сукном, причем в преамбуле сказано, что в основу положен более ранний вариант. К уставу приложен поименный список членов цеха: в нем названо около 200 человек, среди которых не только розничные торговцы сукном, но и торговцы-оптовщики, портные, розничные торговцы полотном, стригальщи-

²⁹ Kölner Schreinsurkunden des XII Jh. Bd. 1.

³⁰ Ibid.

³¹ Quellen zur Geschichte der Stadt Köln, Bd. 2. N 117.

ки, комиссионеры, маклеры³². Следовательно, цех осуществлял контроль за многими операциями, начиная с обработки сырья и кончая пошивом шерстяного платья, продажей сукна оптом, в розницу. Монополией цеха был раскрой привозного сукна и его продажа в Кёльне. Возглавляли цех совет и два ежегодно выбираемых магистра. Корпорация была настолько богатой, что уже в 1247 г. имела дом для собраний на Сенном рынке³³. Ведущее положение в ней занимали торговцы: в их интересах и явно под их нажимом в устав в начале XIV в. был внесен пункт о том, что собственниками сукна являются розничные торговцы³⁴. Тенденция подчинения ремесла интересам купечества в Кёльне прослеживается в течение всего изучаемого периода и многое объясняет в экономической и социальной жизни города, прежде всего — источники богатства и власти купеческого патрициата.

Другие отрасли ремесленного производства в Кельне, о которых уже говорилось, очевидно, уступали по своему значению сукноделению.

Подведем некоторые итоги. Торгово-ремесленный центр в Кёльне стал складываться очень рано, значительно обгоняя в этом отношении остальные города Германии. Географическое положение сделало его уже в IX в. связующим пунктом: скрещение торговых путей, речных и сухопутных, привлекало купцов. Предместье на берегу Рейна, Форштадт, первоначально возникло как купеческое. Там же стало формироваться и ремесленное ядро; уже в XII в. идет широкая дифференциация ремесла, рано складываются цеховые союзы, что свидетельствует о высокой степени развития кельнской промышленности. Однако в XI—XIII вв. ведущей отраслью городской экономики остается торговля, интересы купцов явно преобладают над интересами ремесленников.

Раннее и быстрое превращение Кёльна в крупный торгово-ремесленный центр предопределило столь же ранний накал социальных противоречий: первые акты коммунального движения в городе относятся к XI в., руководящей силой в нем становится купечество.

³² Die Kölner Zunfturkunden... Bd. 1. S. 50—51, 220.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid. Bd. 2. S. 175.

Ю. В. Очерет

**ЛИТЕРАТУРНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ АРРАСА
XII — XIII ВЕКОВ**

Возникновение и развитие городской культуры во Франции было тесно связано с борьбой городов против крупных феодалов и церкви. Наиболее активно она протекала на северо-востоке страны, и соответственно, центрами новой культуры явились крупнейшие города этого района, и прежде всего Аррас. Почему же именно Северо-Востока, а не Юга, где города были крупнее, могущественнее и в экономическом, и в военном отношении (Тулуза, Лион, Бордо и др.)? Дело, по-видимому, в том, что города Юга быстрее и без большой крови добились признания своих прав со стороны сеньоров. Военные столкновения между этими сторонами были сравнительно редки, население городов смешанным: в них издавна селились и дворяне, порою не брезговавшие вкладывать средства в торговлю и кредит. Население северных городов было более однородным, жизнь в них ввиду частых военных столкновений с сеньорами и военными властями была в то время далеко не безопасна. Напряженная освободительная борьба горожан придавала остроту литературным проблемам и особую окраску всей городской литературе.

Аррас XIII в. был довольно большим городом с развитым ремеслом и торговлей. Как экономический и культурный центр он соперничал даже с Парижем: это доказывает не известный автором одной из средневековых поэм под названием «Битва Рая и Ада». Интересно, что название Арраса долгое время было боевым кличем фламандцев, да и в социально-экономическом развитии, и в умонастроении аррасцев было много общего с характером граждан богатых и мятежных коммун Фландрии. С кличем «Аррас» фламандцы бросались на штурм замков и крепостей сеньоров и представляли считаться с собой многих сильных феодалов, став для горожан Северо-Востока символом мужества и стойкости. Французский король Филипп-Август специальным указом от 1194 г. в знак признания воинской доблести и бесстрашия аррасцев разрешил им ношение ножа за поясом¹.

¹ Guy H. Adan de le Hale. Essais sur la vie et les oeuvres littéraires du trouvère de le Hale. Genève, 1970. P. XI.

Аррас был богатым городом. Многие европейские монархи, в том числе короли Франции и Англии, обращались к его ростовщикам с просьбами о займах; далеко за пределами страны были известны ткани и предметы домашнего обихода, изготовляемые его ремесленниками. Но, пожалуй, не меньшую славу принесли Аррасу поэты. Имена представителей известной в ту пору во всей Франции Аррасской школы поэзии вошли в историю средневековой литературы.

Одним из «отцов» средневековой светской драмы, а также жанра фавлю и, особенно, «прощаний» считается аррасский трувер Жан Бодель (конец XII — начало XIII вв.)². Родом из Арраса и другой выдающийся поэт французского средневековья — Адам де ла Аль (XIII в.), пьесы которого «Игра под листвою» и «Игра о Робере и Марион» вошли в сокровищницу литературы этого периода, а его «Прощание с Аррасом» (Songé d'Arras) признано одним из лучших образцов жанра «прощаний». В Аррасе жили поэты — Жан Бретель и Бод Фастуль. Наконец, аррасские литературные общества, так называемые «братства жонглеров и горожан» (confréries), переименованные затем по образцу придворных литературных обществ в Пюи, были одними из первых и наиболее известных во Франции. В песне Жильбера де Берневилля говорится о боге, который для познания прелести земной жизни и сладости возвышенной поэзии спустился на землю и поселился в Аррасе. Заболев, он излечился только благодаря прекрасным песням и веселым шуткам, услышанным в Аррасе от местных труверов. И если дух поэзии с тех пор обитает здесь, то этим город обязан богу, и эту божью милость и доверие нужно оправдать, отдавая и далее все силы поддержке духа возвышенной поэзии. Так поется в песне, широко известной в то время не только в Аррасе, но и во всей Франции³.

Начиная со второй половины XIII в., в городской литературе все отчетливее намечается тенденция к сближению с литературой куртуазной, проявляющаяся в более широком использовании ее богатого опыта и достижений, особенно в области художественной формы. Причину этого заметного сближения сословных литератур следует, по-видимому, искать в существенных изменениях в общественной жизни страны и прежде всего в упрочении коммунальной независи-

² Foulson Ch. L'oeuvre de Jean Bodel. Rennes, 1958.

³ Adler A. Sens et composition du leu de la Feuillée. Michigan, 1946. P. 33.

мости городов, в их внутренней социальной эволюции, в возрастании роли патрициата, а также в усилении королевской власти.

Города продолжали расти и развиваться, и это определяло важнейшую линию социальной эволюции. Мысль о том, что горожанин по богатству своего духовного мира может быть равен дворянину, а то и превосходить его, все настойчивее пробивала себе дорогу и в реальной жизни, и в литературе, разрушая саму основу куртуазной морали и идеологии, вымышленный мир куртуазной поэзии. В этом сближении двух сословных литератур не горожанин шел к миру поэтических иллюзий, созданному фантазией куртуазных поэтов, а рыцарство все более училось смотреть в глаза жизненной реальности. Городской поэт брал у куртуазной поэзии яркие краски, придававшие изображаемой им сухой, мрачноватой правде жизни эмоциональную возвышенность, поэтическую трепетность.

Проводником куртуазных вкусов стала патрицианская верхушка, влияние которой в политической и культурной жизни города непрерывно росло. Она господствовала не только в городском управлении, но и в городских литературных обществах, «братствах жонглеров и горожан». Именно богатые горожане избирались чаще всего председателями этих обществ, т. к. их деятельность была связана с большими денежными затратами (организация литературных вечеров, поэтических конкурсов и состязаний, литературной части официальных городских празднеств, материальная помощь молодым талантливым поэтам). Богатые горожане стремились подражать аристократам в образе жизни, не отстать от них ни в роскоши быта, ни в литературной образованности.

По образу аристократических «*Cours d'amour*» («Судов любви») в городах были образованы «*Puys d'amour*» («Кружки любовной поэзии»), пришедшие на смену братствам жонглеров и горожан, организовывались поэтические диспуты, состязания, конкурсы на звание «короля поэтов»: богатые патриции, подобно знатым дворянам, покровительствовали бедным городским поэтам. Все это способствовало повышению интереса к литературе и искусству в городах. Впрочем, немало этому помогал общий подъем экономики городов, рост их богатства, развитие ремесел, эстетического вкуса, свидетельством чего было изготовление ярких, расписанных рисунками тканей, художественно оформленных предметов домашнего обихода, архитектура, скульптура.

Не следует также забывать о сельском происхождении горожан, в том числе богатых. В их сердцах порой еще не совсем угасла знакомая каждому жителю деревни любовь к шумным празднествам, к народной песне и танцам. Они пели в хоре, участвовали в постановках пьес по случаю больших событий и церковных праздников. Некоторые из них становились даже известными поэтами. Жан Бретель, например, как предполагают многие исследователи, был богатым горожанином.

В организации первых литературных обществ во Франции принимала участие и церковь. В то время она еще надеялась использовать литературу и искусство для усиления своего влияния. Позднее, потерпев крах в своих попытках, церковь объявит искусство, театр прежде всего, и литературу своими врагами. Но в конце XII — начале XIII вв. она еще изображала себя их другом и покровителем. Первые литературные общества во Франции, так называемые общества милосердия (*Carités*) или общества ревностных (*Confréries des ardents*), нередко имели характер религиозных общин. Бывало, они даже создавались духовенством в период массовых эпидемий чумы для оказания помощи больным, ухода за ними, организации похорон и, что уже имело непосредственное отношение к литературе и искусству, для организации церемоний и торжеств по случаю религиозных праздников. Этим еще лишь полулитературным обществам давали имена святых. Аррасское братство (*Confrérie de Notre-Dame des ardents*) носило имя девы Марии: она якобы передала местному епископу Ламберту чудодейственную свечу, исцеляющую от проказы, и при этом воспользовалась посредничеством двух аррасских жонглеров — Итье и Нормана⁴.

Подобных обществ в Аррасе было несколько, но остальные, созданные при цеховых союзах, имели меньшее значение. В «Обществе девы Марии» главенство принадлежало не богатым горожанам и не духовенству, а жонглерам. В его уставе сказано: «Данное братство основано жонглерами, и только жонглеры в нем являются сеньорами...» (*Ceste carité est estoré des jogleors et les jogleors en sont signors...*) Это предопределило характер деятельности общества и его роль в культурной жизни Арраса. Его собрания, как это тогда

⁴ Frappier J. Le theatre profane en France au moyen âge. Paris, 1960. P. 37.

было принято, начинались с молитвы; затем решались вопросы благотворительной деятельности, и лишь после этого переходили к литературной части собрания. Поскольку хозяевами общества были жонглеры, последняя часть заседания занимала все большее место, ее программа становилась раз от разу насыщенной. Общество из религиозного превращалось в литературно-театральное, в своеобразную Академию искусств Арраса.

Это, конечно, встречало сильное противодействие со стороны духовенства, что вынудило жонглеров позднее преобразовать свое *Carité des ardentés* в чисто литературное общество — *Puy d'Arras*. Так шел процесс постепенного обмирщения, секуляризации литературы и искусства, характерный для культурной жизни большинства средневековых городов.

Уставы литературных обществ дают представление об их деятельности. Ежегодно избирался председатель общества, которого называли обычно *Prince du Puy*. По причинам, изложенным выше, это был чаще всего богатый человек. Театральные представления давались не только по случаю больших праздников и важных событий, но также в честь главного праздника общества, «дня риториков» (*fête des rhétoriciens*). Председатель был обязан устраивать в своем доме литературные вечера, которые, впрочем, больше походили на обыкновенные попойки, чем на заседания общества. На обеде в честь «дня риториков» обычно присутствовали самые уважаемые граждане города, а также известные поэты — и свои, и приглашенные из других мест. Организовывались конкурсы поэтов, победителям которых присваивался титул «короля менестрелей» и вручалось подобие короны из серебра. В «день риториков» происходили, как правило, выборы председателя. Видимо, это бывало 1 мая, в день первой постановки «Игры в беседке», в которой есть стихи, обращенные к новому *Prince du Puy*.

Интересно, что в заседаниях обществ в качестве зрителей, а иногда и участников, присутствовали женщины⁵. Из различных архивных документов известны даже имена некоторых из них. Некая Эда, например, была арбитром многих поэтических состязаний. Другая поэтесса, некая Маруа, представила на суд ценителей и знатоков поэзии свое стихотворение. Увлекалась писанием стихов и Беатриса, подруга Жана Бретеля. Среди имен поэтов, представленных в со-

⁵ Dinaux A. *Trouvères Cambrésiens*. Paris, 1836. P. 9.

хранившемся списке членов аррасского общества, есть и некая Берта Жонглерша⁶.

Одной из главных забот общества были, конечно, театральные представления. Постановки осуществлялись силами общества. Ставились большие пьесы-мистерии на религиозные сюжеты, такие как «Чудо о Теофиле» Рютбефа, «Игра о святом Николае» Жана Боделя, «Игра под листвой» Адама де ла Аля. На празднества приглашались поэты из других городов. Если кто-то не мог приехать, он просил прочесть свои стихи одного из граждан города. Бретель, например, нередко делал это вместо своих друзей Майе де Гана и Жана Эррара. Поэтические состязания пользовались не меньшим вниманием и популярностью, чем театральные представления. В жюри конкурсов («Трибуналы любви») входили известные поэты, победители подобных конкурсов в прошлом, представители местной знати и наиболее влиятельные граждане города. Они должны были «защищать любовь» (*maintenir amour*). Исходили из критериев куртуазной поэзии. «Галантность» богатых буржуа-патрициев была преимущественно показной, простым следованием моде, дабы не отстать от дворян, показать свое превосходство над простым людом. На закрытых заседаниях общества, где обсуждение шло вперемешку с возлияниями, «любители» и «ценители» изящной литературы охотно принимали произведения с более грубым, порою даже с непристойным содержанием.

Очень много споров возникает по поводу названия общества — *Puy*. Некоторые связывают его с названием центра местности — городом *Pouéi*. (Но тогда не совсем понятно, почему литературное общество в самом этом городе называлось иначе — *Cert.*) Возможно, происхождение этого слова связано с куртуазным представлением о неземном происхождении любовного чувства, о существовании каких-то необыкновенных мест обитания неземной, возвышенной любви⁷ (*Verger d'Amour* (Сад любви) — у Гильома де Лоррис, *Hopital d'Amour* (Обитель любви) — у Алена Шартье, *Temple de Cupido* (Храм Купидона) — у Клемана Маро). Наиболее правдоподобной представляется гипотеза, которая выводит происхождение этого слова от латинского *podium* — возвышенность, гора, что должно было служить намеком на гору Парнас, место обитания муз.

⁶ Gny H. *Op. cit.* P. XLI.

⁷ Dinaux A. *Op. cit.* P. 9.

Литературные общества сыграли очень важную роль в активизации культурной жизни в северофранцузских городах средневековья. Они способствовали распространению в них опыта более развитой куртуазной литературы, особенно в области художественной прозы. Со своей стороны, городская литература шире охватывала действительность, ее поэзия имела более глубокое общественное звучание. Личные мотивы в ней переплетались с проблемами и конфликтами общественного характера. Это прежде всего можно сказать о «прощаниях», жанре именно городской лирической поэзии.

Рассматривая деятельность средневековых литературных обществ, братств, необходимо учитывать ее противоречивость. Все эти «пиюи», «дворы», «трибуналы любви» были соединяющими звеньями в цепи контактов между городской и куртуазной литературами, через которые шли два встречных потока влияния: со стороны куртуазной литературы — через членов жюри поэтических состязаний, меценатствующих патрициев и представителей местной знати, и со стороны городской литературы — через постоянный приток поэтов из числа талантливых горожан, членов обществ. Эти последние в какой-то степени воспринимали куртуазную манеру, но лишь внешне, в душе же они сохраняли и выражали в своей поэзии воспитанное в них с детства и постоянно прививаемое городом демократическое, гораздо более реалистическое видение мира.

В условиях постоянного возрастания роли городов в феодальном обществе и усиления процесса политической централизации Франции росло влияние городской литературы и передовых идей, которые она несла, на общество в целом, что не могло не сказаться на общем характере французской литературы периода классического средневековья.

Именно городская литература стала наследницей и продолжательницей народных традиций, пробивавшихся еще в раннем средневековье. С другой стороны, в творчестве лучших аррасских поэтов получили дальнейшее развитие традиции Боделя. В поэзии Адама де ла Аля, Бода Фастуля, Жана Бретеля отчетливо проявляется ощущение свободы, духовного единства, силы, высокого достоинства, которое вдохновляло горожан северофранцузских коммун, смело поднявшихся на борьбу против феодального произвола, душившего свободное развитие того ремесла, торговли и кредита, которыми жили горожане.

Тенденция к угасанию городской культуры Арраса наме-

тилась к концу XIII в. Она была связана с распадом духовного единства внутри городской коммуны, с усилением процесса социального расслоения, обострением социальных противоречий в ней. Так разрушалась — прежде всего в связи с выделением и возобладанием городского патрициата — та почва, на которой выросла знаменитая поэзия Арраса, Амьена, других центров городской культуры средневековой Франции. Этому способствовала и политика королевской власти, постепенно (с начала XIV в.) отбиравшей у коммун те права, которые она им давала в пору, когда остро нуждалась в помощи горожан. К тому же богатые горожане-патриции, осознавая противоположность своих интересов и интересов простых горожан, все чаще шли на компромиссы и на сближение с дворянством, все больше отдалялись от собратьев по коммуне, с которыми прежде их объединяла схожесть образа жизни и общая борьба. Так произошел раскол горожан, а это привело к расколу в городской литературе, а затем и к ее угасанию.

Наиболее характерным примером может служить тот же жанр «прощаний с Аррасом»: он возник в аррасской поэзии XIII в., вместе с ней достиг расцвета и вместе с ней угас. В раннем образце этого жанра, в «Прощании», написанном Жаком Боделем около 1202 г., автор скорбит по поводу вынужденной разлуки с Аррасом, друзьями и близкими. В поэме нет и намека на враждебность, раздражение по адресу кого-либо из горожан или всего города в целом. По-настоящему звучит эта тема в поэме трувера Адама де ла Аля, написанной 70-ю годами позже. Среди причин, вынудивших его покинуть город, автор называет возмущение порядками, патрициями в городе, несправедливость властей, непорядочность большинства горожан. «Аррас! Аррас! — восклицает поэт. — Город дрызг и раздоров, город ненависти, лжи и обмана! Его причисляют к числу славнейших городов Франции, говорят о необходимости возрождения его былой славы. Если Бог не пошлет ему добродетелей и порядочности, я не знаю, кто сможет излечить его от неуправляемой страсти к деньгам, к наживе. Прощай, тысячу раз прощай! Я ухожу в иные края, туда, где иначе понимают Евангелие, Христовы заветы. Здесь же я вижу только сплошную ложь и обман»⁸.

⁸ Цит. по Bordot A. Les gloires littéraires de la France. P., 1866. P. 121. Перевод поэмы Адама принадлежит автору данной статьи.

Литературная жизнь Арраса конца XIII в. выглядит так же безрадостно, как и его социальные порядки. Замирает деятельность обществ, в поэзии не появляется новых громких имен. Город постепенно теряет значение одного из крупнейших культурных центров Франции. Понятие «Аррасская школа поэзии» становится лишь достоянием истории.

И. А. Краснова

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ РЕНЕССАНСНОГО РАЦИОНАЛИЗМА

Рационализм — одна из определяющих особенностей гуманистического мышления итальянского Ренессанса. Его истоки коренились в социальной среде наиболее развитых городов Тосканы. Вот почему так важно выявить те рационалистические начала, которые содержались в социальной психологии богатых пополанов Флоренции, отличавшихся стремлением к наживе, к накоплению капитала, и вместе с тем известной образованностью¹.

Особенности мироощущения флорентийского пополанства XIV—XV вв. подчеркивают многие западные исследователи. Они отмечают рационализм мышления купцов, банкиров и предпринимателей Флоренции, которых определяют как «предкапиталистов», обретших достоинство, уверенность, высокий интеллект, что отличало их от людей средневековья с присущим им чувством страха, зависимости, желанием опереться на авторитет. В частности, известный итальянский историк Армандо Сапори показал качественное различие многих сторон сознания деловых людей ренессансной Флоренции и восприятия мира средневековыми ремесленниками².

Но итальянские и французские историки обычно находят рационализм лишь у крупнейших представителей торгового

¹ См.: Брагина Л. М. Итальянский гуманизм. М., 1977. С. 58—63.

² См.: Le Goff J. Marchands et banquiers du Moyen Age. P., 1966; Renouard G. Les hommes d'affaires italiens du Moyen Age. P., 1968; Saporì A. Le marchand italien au Moyen Age. P., 1952; Tenenti A. Firenze dal Comune a Lorenzo il Magnifico (1350—1494). Milano, 1970.

и банковского капитала, тесно связанных с международной торговлей. Мироощущение среднего слоя деловых людей, экономическая деятельность которых ограничивалась в основном предпринимательством во Флоренции, они склонны приравнять к бюргерскому средневековому сознанию³. Кроме того, рационалистические начала в сознании представителей нарождающейся буржуазии указанные исследователи лишь констатируют, но не связывают их с определенными чертами социально-экономического уклада, который составлял основу их жизнедеятельности.

Выяснение социально-экономических истоков рационалистического восприятия мира, прежде всего у среднего слоя флорентийских пополанов, в связи с новыми функциями их деятельности, остается важной задачей исследования социальных основ ренессансного общественного сознания.

Рационалистические тенденции в среде промышленного и торгового пополанства Флоренции в XIV—XV вв. прослеживаются прежде всего в рассуждениях о соотношении страстей и предусмотрительности (*prudenzia*), которые часто встречаются на страницах купеческих мемуаров, записок и домашних хроник. Так, Паоло Чертальдо термином «предусмотрительность» сопровождает каждый свой завет молодому поколению. «Прекраснейшая вещь — предусмотрительность, поэтому всегда будь предусмотрителен в делах: в доме, и в боттеге, и в любом другом месте»⁴. О рассудительности, предусмотрительности, как самых важных для купца качествах, постоянно ведет речь богатый коммерсант и глава крупнейшей семейной компании Джованни Ручеллаи⁵. Анонимный флорентийский хронист XIV в. утверждал, что коммерция требует рассудительности, организации, методичности: «Это заблуждение, будто торговлей можно заниматься наобум; торговля — дело расчета, если хочешь вести ее с умом»⁶.

«Рассудительность» предстает со страниц купеческих записок как некое рациональное начало, противостоящее пагуб-

³ См.: Saporì A. Studi di storia economica (sec. XIII—XV). Firenze, 1955; Luzzato G. Storia economica d'Italia. Il Medioevo. Firenze, 1973.

⁴ Certaldo P. Il libro di buoni costumi/A cura di A. Schiaffini. Firenze, 1945, P. 114—115.

⁵ См.: Rucellai G. Il Zibaldone quaresimale/A cura di A. Perosa. L., 1960. P. 6—7.

⁶ Цит. по кн.: Le Goff J. Marchands et banquiers du Moyen Age. P. 84—85.

ным страстям, от которых надо предостеречь молодое поколение, поскольку они — прямой путь к разорению и краху. Мать купеческого семейства Алессандра Строцци постоянно поучает детей: «Кто рассудителен, тому во всех отношениях лучше, чем тому, кто поступает по страсти и первому побуждению»⁷. О том, что страсти и увлечения могут низвести человека до уровня животного, а главное, дорого ему стоят, не раз повторяют в своих записках богатые купцы, главы семейных компаний Донато Аччайоли, Веспасиано Бистиччи, Аньоло Пандольфини⁸.

Предусмотрительность, противопоставленная порокам и страстям, состояла в умении обдумать ситуацию, сделать верный выбор и реализовать его. «Ты должен десять раз подумать о разных вещах, прежде чем принять решение». При этом требуется самостоятельность, убежденность в своей точке зрения. «Не надо передавать себя в руки других и действовать только по совету даже очень больших знатоков, потому что тогда придется удовлетворяться только их желаниями»⁹.

Предусмотрительность и благоразумие требовались богатым пополам в делах торговли, спекуляции, отдачи денег в рост, организации больших мастерских — боттег. Их рационализм вытекал из земных, практических интересов в отличие от постулатов христианской морали, которая требовала благоразумия во имя исполнения долга перед богом. Предусмотрительность включала привычку к самостоятельному принятию решений в различных ситуациях, исходя из разумных соображений, а не из слепой веры или страстей, губительных для кошелька. В сознании «деловых людей» рациональному пересмотру подвергалось восприятие пространства и времени¹⁰.

Сознанию пополанов Флоренции свойственны были собственное достоинство, ощущение уверенности в себе, действенная вера в способности самого человека. В этой связи важно рассмотреть их отношение к судьбе-фортуне и спосо-

⁷ Strozzi-Macintosh A. Lettere di una gentildonna fiorentina ai figlioli esuli/A cura di Guasti. Firenze, 1877. P. 101.

⁸ Lucas—Dubreton J. La Renaissance italienne. Vie et moeurs au XV siecle. P., 1957. P. 81—82.

⁹ Strozzi-Macintosh A. Op. cit. P. 218, 101.

¹⁰ Вес Сh. Les marchands écrivains. Affaires et humanisme a Florence (1375—1434). P., 1967. P. 326; Romano R., Tenenti A. Il Rinascimento e la Riforma (1378—1598). Torino, 1971. P. 119—120.

бам борьбы с враждебным купцу-накопителю роком. Понятие «фортуна» обычно обозначало счастливые обстоятельства, способствующие накоплению, процветанию, богатству, или, напротив, силу, враждебную человеку и противостоящую обогащению. «Я вижу, как злобная фортуна преследует нас и насколько разнообразна ее природа», — пишет Филиппо Строцци своему брату. Его дядя Франческо Строцци не устает повторять: «Человек — игрушка в руках фортуны»¹¹. Жалобы на судьбу и ее каверзы довольно часто можно встретить в записках купцов, но почти нельзя найти там ощущения непреодолимости препятствий, которые она создает.

«Записки» купца-писателя Джованни Морелли являются, по сути дела, своеобразным учебником, пособием по борьбе с враждебной человеку судьбой. Каждый новый раздел книги Морелли начинается с того, что объясняет цель своего описания: подсказать «способы, какими можно бороться против фортуны, наступающей нас, и какие способы можно найти в соответствии с состоянием и условиями каждого». Он анализирует жизненные ситуации, а не просто приписывает все слепой силе рока. «Я указываю на то, что надо различать причины: несчастье может произойти от фортуны, или от коварства тех, кто управляет нами, или от нашей глупости»¹². Так же мыслит и Джованни Ручеллаи: «Управляйте делами таким образом, чтобы вы уж лучше страдали бы от плохой фортуны, чем от вашей собственной глупости»¹³. Глупость — вот главная причина «невезения».

Понятие «фортуна» в сознании богатых представителей пополанства отделялось от средневековой идеи о карающей деснице божьей, налагающей возмездие за грехи человека или его предков. Только одно событие своей жизни Джованни Морелли связывает с наказанием господним: смерть сына Альберто. Все остальное он объясняет или вполне реальными причинами, или неблагоприятными обстоятельствами — «фортуной». Эти обстоятельства чаще всего связаны с делом накопления капитала. Паоло Чертальядо полагает, что «фортуна имеет силу лишить человека земных богатств»¹⁴. Ручеллаи также считает, что дела предпринимательства и торговли наиболее подвластны фортуне: «Много есть бесконечных

¹¹ Strozzi-Macintosh A. Op. cit. P. 211, 185.

¹² Morelli G. Ricordi/A cura di V. Branca. Firenze, 1956. P. 175—176, 201—202.

¹³ Rucellai G. Op. cit. P. 8.

¹⁴ Certaldo P. Op. cit. P. 70.

опасностей в торговле и ведении дел по наживе денег, и мы в этом очень подчинены фортуне: легко потерять или сорить деньги, но трудно их нажить»¹⁵.

Таким образом, судьбу богатые пополаны рассматривали в первую очередь как неблагоприятную экономическую конъюнктуру, истинные причины которой не всегда были им понятны. Но отделение в их сознании рока от воли божьей, спорить с которой человек не в силах, привело к тому, что появилась вера в возможность преодоления враждебной фортуны земными, доступными человеку средствами. Морелли советует в этих случаях предусмотрительность и опыт в делах, основанные на напряженном труде, а Ручеллаи предлагает вполне реальный способ победы над роком: «Вы, как это и положено всем, кто занимается изготовлением шерстяных и шелковых тканей и прочим, должны иметь основу своих прибылей во Флоренции более, чем в кредитах, в торговле и деньгах вне ее»¹⁶. Черталдо считает, что судьба не может лишить человека добродетели, а добродетель (*virtù*) Черталдо — практическая деловитость и деятельное поведение. Он не прощает ничего, что может отвлечь человека от постоянного напряжения деловой энергии: ни случай, ни фортуна. «Кому слишком помогает судьба, тот становится глупым». Его рецепт борьбы с роком тоже прост и реален: «Если ты хочешь, чтобы у тебя было достаточно средств, то устрой боттегу для какого-нибудь производства»¹⁷.

Здесь ясно сквозит предпочтение надежной производственно-предпринимательской деятельности рискованным торговым и ростовщическим операциям.

Активный настрой проявляется даже в тех случаях, когда борьба, казалось бы, заведомо обречена на поражение. Морелли знает, что от чумы спастись невозможно: «Я не думаю, чтобы те правила, которые медики предписывают как средства от этого великого бедствия, действительно могли бы помочь». Но отводит в своих «Заметках» более двух десятков страниц медицинским и практическим советам спасения от эпидемии, ибо, по его мнению, «лучше бороться и принять все имеющиеся средства, чем пребывать в бездействии»¹⁸. Его психология наполнена ощущением драматической борьбы, рассчитанной все-таки на победу. Он не возла-

¹⁵ Rucellai G. Op. cit. P. 7.

¹⁶ Morelli G. Op. cit. P. 177; Rucellai G. Op. cit. P. 19.

¹⁷ Certaldo P. Op. cit. P. 133, 99—100.

¹⁸ Morelli G. Op. cit. P. 292, 243.

гает особых упований на внешние силы. Аналогичные профилактические меры рекомендует предпринять своему сыну илова Строщи, когда в Неаполе вспыхивает эпидемия. Она понимает жизнь как борьбу, от которой человек не должен отказываться и в которой нужно добиваться успехов. «Надо сохранить жизнь, чтобы принять в ней положенный груз хлопот и тревог и получить, где возможно, прибыль»¹⁹.

Купцы и предприниматели Флоренции советовали не покоряться пассивно, а соперничать с фортуной, проявляя силу разума, твердость духа и веру в возможность активного вмешательства человека в ход событий²⁰. Флорентийской деловой среде были свойственны новые, не средневековые черты. Ле Гофф убедительно показал, как образ жизни и поведение людей средневековья определяли чувства страха, неуверенности и необеспеченности. Они заставляли человека опираться на солидарность группы, частью которой он был, и уповать на будущую жизнь, которую никогда не могли гарантировать ни добрые дела, ни примерное поведение. Их образ мысли отражал бедность и нужду²¹.

Очень ярко рационализм купеческого мировосприятия прослеживается в религиозных делах. Исполнение обрядов и вся религиозная практика флорентийских пополанов отмечены печатью некоторого рационализма. Джованни Морелли, описывая смерть своего двоюродного брата, хвалит его прежде всего не за соблюдение религиозных обрядов должествующих христианину, встречающему смерть, а за великую «предусмотрительность, с которой он аккуратно распорядился своими земными делами. Усердная предусмотрительность его сама по себе заслуживает наград»²².

Сознание богатых пополанов XIV—XV вв. не свободно от религии, но его пронизывала мысль, что обряды и богоугодные дела должны обеспечить вознаграждение со стороны господина не столько на том, сколько на этом свете. В обычаях богатых семейств Флоренции было строить и украшать фамильные капеллы и часовни при монастырях. При этом мысль о спасении души, как правило, сочеталась с заботой о семейном престиже и почете. В 90-х гг. XV в. флорентийский проповедник Саванарола отмечал: «Церкви строят и

¹⁹ Strozzi-Macchini A. Op. cit. P. 295.

²⁰ См.: Брагина Л. М. Указ. соч. С. 60.

²¹ Le Goff J. La civilisation de l'occident medieval. P., 1967. P. 288.

²² Morelli G. Op. cit. P. 169—170.

украшают для того, чтобы иметь на стене свой герб»²³. Другие источники полностью подтверждают эти слова. Филиппо Строцци построил в Барселоне красивую капеллу, которая обошлась ему в 2000 флоринов. Из Флоренции он выписал каменные плиты стоимостью в 100 дукатов, на каждой из которых был герб дома. Джованни Ручеллаи с этой же целью воздвиг капеллу Санто Панкрацио при монастыре Сан Сеполькро²⁴. Таким образом, действия пополанов по «спасению души» отмечены явной земной расчетливостью.

Раздача милостыни во Флоренции была строго упорядочена, находилась под контролем цехов и компаний и являлась формой религиозной практики, где в значительной мере проявлялось не индивидуальное религиозное чувство, а объединяющие пополанов интересы²⁵. Благотворительность была, в сущности, формой социальной самозащиты богатых пополанов от бедноты. Даже авторы, склонные усматривать глубокий религиозный дух в деловых людях коммуны, вынуждены отмечать отсутствие религиозного чувства, сухость и практицизм в делах веры. Так, Армандо Сапори вынужден признать «тотальное отсутствие непосредственности и искренности» в бухгалтерских перечнях «благотворительных» дел флорентийских компаний²⁶.

Уходы деловых людей в монастырь были делом редким и осуждались трезвомыслящими представителями пополанских фамилий. Купец Донато Веллутти описывает попытку уйти в монастырь своего племянника Бернардо ди Маттео. Он подчеркивает, что юноша «...принял это решение от недостатка опыта и зрелости, повинувшись движению души, без совета с людьми знающими и разумными... Он разочаровался в людях, истомил себя постами, из-за чего плохо ел и плохо спал, и ушел в монастырь Монто Акуто в Чертозе». Родственники воздействовали на него с позиции имущественных интересов и добились своего: «Бернардо покинул монастырь, вернулся в боттегу и стал образцовым деловым человеком»²⁷. В глазах деловых людей бросить дела и торговлю ради молитвен-

ной созерцательности было делом недопустимым. Донато Веллутти очень осуждал одну из своих родственниц за то, что она, поддавшись уговорам монахов, не посоветовавшись с близкими, отдала двух сыновей в монастырь²⁸.

Достаточно ярко проявлялся рационализм в таких редких в жизни делового человека явлениях, как паломничества к святым местам, которые, казалось бы, должны как ничто другое располагать к особому благочестию, вспышкам веры, религиозному энтузиазму. Но вот купец Сиголи совершил путешествие «ко гробу господню». Вернувшись, он подводит баланс паломничеству: отчитывается перед богом, подсчитывает число посещенных святынь, время, проведенное в странствии, количество приобретенных индульгенций. Этот счет он предьявляет господу богу, требуя у него не только спасения души, но и удачи в земных делах²⁹. Один из представителей купеческого семейства Фрескобальди также совершил паломничество в святую землю и написал о нем вполне хладнокровно, без какого-либо религиозного экстаза, обнаруживая скорее любознательность, чем благочестие, норовя с подозрительностью проверить на практике чудеса и действие святынь³⁰.

То, что раньше вызывало ужас, представление о божьей каре, ниспосланной за грехи, стремление покаяться, теперь воспринималось ими трезво и спокойно. Юный Маттео Строцци, сын монны Алессандры, впервые в жизни пережил землетрясение в Неаполе и описал его в письме к матери: он подробно перечислил сколько домов, церквей и прекрасных зданий разрушено и какова степень повреждений. Молодого выходца из купеческой среды прежде всего интересовали материальные ценности и лишь затем страдания людей, оставшихся без крова. Никаких религиозных порывов это событие в нем не вызвало, хотя и ошеломило своей грандиозностью³¹.

Та же трезвая расчетливость накопителей денег обнаруживается в их отношении к богу. Купец Джованни Ручеллаи прочно соединил воедино бога, наживу и кредит: «Во всех делах я рассчитывал на то, что господь пошлет мне процветание и хотел обладать доброй славой и репутацией

²³ Цит. по кн.: Fandani A. Le origini dello spirito capitalistico in Italia. Milano, 1933. P. 639—640.

²⁴ Strozzi-Macchini A. Op. cit. P. 26; Rucellai G. Op. cit. P. 24—25.

²⁵ Ronciere C. Pauvres et pauvreté à Florence au XIV siècle / Etude de l'histoire de la pauvreté. P., 1974. P. 710—711.

²⁶ Saporiti A. Le marchand italien au Moyen Age. P. XX.

²⁷ Velluti D. La cronica domestica. Firenze, 1914. P. 40—41, 44.

²⁸ Ibid. P. 50.

²⁹ Bec Ch. Les marchands écrivains... P. 321.

³⁰ Frescobaldi I. Viaggio in Terra Santa // La storia medievale attraverso i documenti. Bologna, 1974. P. 183.

³¹ Strozzi-Macchini A. Op. cit. P. 139—140.

в моих делах. Эти вещи — расположение господ и добрую славу среди людей — ты оценишь, когда они начнут каждый день приносить тебе большие барыши»³². Такая же уверенность свойственна Морелли: «Только разумные будут иметь выгоду, они знают господ, хорошо работают и помогают себе сами»³³. Чертальядо отражает эти настроения почти в таких же словах: «Кто имеет другого бога, тот ухватит любую фортуна». Он советует бороться с любыми несчастьями или болезнями до конца, «ибо сказал бог: «Помогай себе сам, и я тебе помогу»»³⁴. На этой основе у них с богом складывались своеобразные деловые отношения. Бог становился в их представлении как бы партнером в деловой игре, отношения с ним строились как с прочими контрагентами на принципах делового доверия и взаимных обязательств.

Отсутствие религиозного рвения они часто возмещали денежным штрафом. Григорио Дати в «Секретной книге» признавался, что за 40 лет своей жизни «мало подчинялся велениям божьим». Он не доверяет самому себе и подписывает письменный контракт с богом, в котором устанавливает для себя твердые таксы штрафа за те или иные грехи. Самые малые — за недостаток веры, пренебрежение религиозными обрядами и невнимание к церкви: 5—20 сольди в пользу бедных (нигде эта сумма не превышает одного золотого флорина). Но зато за проступки, ведущие к потере репутации, подрыву кредита и опустошению кошелька, он карает себя штрафом от 5 до 25 золотых флоринов³⁵.

Уверенность в собственных силах и такие партнерские отношения с богом исключали чувство робости перед ним как всемогущим судьей, власть которого требует от человека полной покорности. Многие новеллы Франко Саккетти, флорентийского купца и писателя, свидетельствуют об упадке религиозного духа во Флоренции³⁶. Пополаны Флоренции вплоть до конца XV в. были далеки от религиозной экзальтации, им был чужд символизм, столь свойственный средневековому сознанию³⁷. Мир они объясняли без помощи чудес

³² Rucellai G. Op. cit. P. 5.

³³ Morelli G. Op. cit. P. 318.

³⁴ Certaldo P. Op. cit. P. 139, 148.

³⁵ Dati G. Il libro segreto/A cura di Gargioli. Bologna, 1869. P. 68—71.

³⁶ См.: Саккетти Фр. Новеллы/Пер. В. Ф. Шишмарева, М., Л., 1962.

³⁷ Le Goff J. La civilisation... P. 404—412.

и непосредственного вмешательства божества в дела человеческие. А это подразумевало высокую активность человека в жизни, он больше не довольствовался ролью покорного раба божьего, действовал самостоятельно, руководствуясь собственным разумом.

В чем же источник этой рационалистической направленности мышления пополанов-накопителей? Его следует искать прежде всего в качественном содержании их хозяйственной деятельности. В XIII—XIV вв. она приобретала черты, несвойственные той работе, которую обычно выполняли средневековые ремесленники. Никто из авторов купеческих хроник, их родственников и партнеров сам не работал вручную, не ткал, не красил, не отделявал шерстяные ткани, но руководил процессом производства и сбыта в одной или нескольких больших боттегах. Интересно, что они сами именно так понимали свою работу.

Джованни Ручеллаи именно руководство считает самым сложным и ответственным делом купца и сукнодела. Он требует: «Руководите, предусматривайте и доходите до всего сами, следите за тем, чтобы каждый из работников (факторов) исполнял то, что должен». Он советует детям быть инспекторами и контролерами над имуществом и факторами и не смущаться тем, что это дело «хлопотное и надоедливое». Среди качеств, необходимых человеку, Ручеллаи ставит на первое место умение накапливать деньги, а на второе — «быть прекрасным управляющим своих дел и уметь руководить ими»³⁸. Даже Джованни Доминичи, будущий кардинал, в руководстве по воспитанию детей, написанном для флорентийских вдов, советует: «Учись сама и учи сыновей быть распорядителями и администраторами земных благ»³⁹.

Руководство и управление требовали значительной интеллектуальной работы, большого напряжения ума, больше критичности и расчета, воли, нежели регламентированный целевыми статутами труд мастера средневековой мелкой мастерской. В мемуарах и записках купцов мало готовых рецептов на все случаи жизни, чаще звучит призыв к разностороннему развитию, тренировке воли, ума и характера для принятия самостоятельных решений.

В деятельности торгово-промышленного пополанства Флоренции проступали определенные черты предприниматель-

³⁸ Rucellai G. Op. cit. 5—7.

³⁹ Dominici G. Regola del governo di cura familiare. Firenze, 1860. P. 110.

ства, свойственного буржуазии уже на раннем этапе капиталистического развития. Маркс писал: «С развитием кооперации многих наемных рабочих командование капиталом становится необходимым для выполнения самого процесса труда, становится действительным условием производства. Команда капиталиста на поле производства делается теперь столь же необходимой, как и команда генерала на поле сражения», так как труд нуждается «в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции... Функции управления, надзора и согласования делаются функциями капитала, как только подчиненный ему труд становится кооперативным»⁴⁰.

Деятельность флорентийских богатых пополанов была направлена не на обеспечение своего прожиточного минимума, а на обогащение и накопление капитала. Она приобрела функции руководства, централизации, контроля, что требовало высокой степени самостоятельности и рациональности мышления. Необходимость руководить различными операциями, самому принимать решение в неожиданных ситуациях, нести ответственность за значительные капиталы, вложенные в дело, и за многих людей, которые им подчинялись, наполняли их уверенностью в возможности преодоления неблагоприятных обстоятельств силами самого человека. Дух корпоративности и религиозной покорности постепенно отступает перед запросами и энергией личности, деятельность и мышление которой определяются рациональными началами.

С. С. Прокопович

ОБ ИДЕАЛЬНОМ ГОРОДЕ В ГОРОДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIII — XIV ВЕКОВ И В «ДЕКАМЕРОНЕ» БОККАЧЧО

Социально-экономическая и политическая история города издавна привлекает внимание советских исследователей. Между тем необходимо понять, как реально складывающиеся социально-экономические отношения сказывались на общественном сознании, в какой степени это сознание формировало чувства и ощущения людей. Исчерпывающее пред-

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 342.

ставление об индивидуальном сознании горожанина той эпохи составить трудно; легче выделить сферу коллективного сознания, которое в виде идеала запечатлено в художественных произведениях средневековья.

В данной статье мы попытались выявить особенности сознания горожанина XIII—XIV вв., более всего — его представления об идеальном городе и их трансформацию в «Декамероне» Боккаччо.

Прежде всего следует отметить, что горожане не мыслили жизни вне сообщества себе подобных. «Бог создал человека не во вред другому человеку, а ему в помощь; вот почему люди сами по себе ничего не значат, но лишь когда они собираются вместе», — читаем мы у поэта и литератора XIII в. Гвиттоне д'Ареццо в его письме к флорентийцам¹. Идеальной формой человеческого общежития был, конечно, город, как о том пишет другой литератор XIII в., Эгидий Римский, в своем трактате «De regimine principum», который хорошо знали в Италии, в частности, в итальянском переводе, появившемся в 1288 г. «Природа одарила человека естественной склонностью создавать и учреждать сельские или городские общины, чтобы лучше жить². На первом месте в сознании горожан, как мы видим, стоит идея общины, и город мыслится как одна из общинных разновидностей.

Представление о дальнейшей конкретизации идеи города можно получить, обратившись к творчеству художников. Средневековый город изображался в виде городских стен (с башнями и воротами) и собора (церкви), т. е. при помощи тех элементов, которые имелись в любом городе. Не приходится удивляться, что авторы некоторых средневековых хроник говорят о похожести Флоренции и Рима или Пистойи, Ареццо, Лукки, которые по критериям нашего времени имеют различающиеся черты³. Похожесть средневековых городов как в описании, так и в изображении объясняется тем, что город в ту эпоху воспринимался в первую очередь как символ политической независимости и могущества: художник, изображая город, ориентировался не на передачу индивидуальных внешних черт, а на воплощение некоего единого образца, идеала, стремился показать конкретный

¹ La Prosa del Duecento. Milano; Napoli, 1959. P. 63.

² Ibid. P. 267.

³ См.: Иконников А. В. Смысловые значения пространственных форм средневекового города // Культура и искусство западноевропейского Средневековья. М., 1981. С. 105.

город не таким, каков он есть, а таким, каким он должен быть. Отсюда город осмыслился прежде всего в категориях политики и этики.

Так, например, с идеальным городом у горожанина XIII—XIV вв. неразрывно связывалась прежде всего идея справедливости (*ragione, giustizia*). Вот какое определение дает городу Эгидий Римский: «...поселения и города являются ничем иным, как местом, куда сходятся и собираются люди, чтобы жить хорошо и добродетельно по закону и справедливости»⁴. Закон и справедливость объявляются главными отличительными чертами *любого города* в уже упоминавшемся нами письме Гвиттоне д'Ареццо. Знаменитый флорентинец XIII в. Брунетто Латини видел суть города в том особом укладе, который он определяет как «жизнь по справедливости»⁵. Аллегория Справедливости у Джотто, известного художника XIV в. (капелла Скровеньи в Падуе), — в окружении городской архитектуры, это зрительно сопрягается с идеей города. И наоборот, Несправедливость изображается художником в виде феодального владыки, сжимающего в руке меч, за городской стеной, в окружении дикой природы, леса, где единственное право есть право сильного. Таким образом, переступая черту городских стен, горожанин даже зрительно переносился из царства Закона и Справедливости туда, где царят беззаконие и несправедливость, из места людного в место безлюдное (*deserto*), *из города в антигород*.

XIII в. в истории итальянских городов — период ожесточенной борьбы за власть между политическими группировками горожан. Эта внутренняя борьба ослабляла итальянские города перед лицом внешней опасности. Отсюда — призывы к миру и согласию, которые нередко можно найти в городской литературе того времени. В этих призывах авторы исходят из реально существующей обстановки и в то же время ориентируются на некую идеальную модель города, символ которого — «закон» (*Legge*). Эта модель отчетливо противопоставит дикой природе, «пустыне» (*deserto*), а люди, живущие в городе среди себе подобных, противопоставят диким зверям (*bestie, fère*) — как называет их Эгидий Римский⁶. Гвиттоне д'Ареццо в письме к флорентийцам, написанном

⁴ La Prosa del Duecento. P. 290.

⁵ Ibid. P. 139.

⁶ Ibid. P. 267.

после поражения гвельфов при Монтаперти (1260), заклинает горожан во имя сохранения города прекратить братоубийственную войну. Здесь город и антигород противопоставят друг другу своими основными качествами: первому свойственны «разум» и «правосудие», тогда как во втором «разум попраи» и «правосудие под запретом». С Гвиттоне д'Ареццо во многом перекликаются и канцона Кьяро Даванцати «О сладостная и милая сердцу земля Флоренции» (*Ahi dolce e gaia terra fiorentina*), и «Хроника» Дино Комманьи, который стремится показать, как флорентийцы «из-за своего высокомерия, коварства и корысти разрушили (*disfare*) такой благородный город...»⁷.

Антигородом, пустыней предстает перед нами во Введении к первому дню «Декамерона» зачумленная Флоренция. Первое, что подчеркивает Боккаччо в ее описании: эпидемия опустошила город. Он говорит о его голых стенах (*le mure vote della... città*) и о том, что оставшиеся в живых стремились покинуть Флоренцию и переселиться за город. Чтобы нарисовать картину антигорода, упоминания о пустых стенах для Боккаччо недостаточно. Он настойчиво употребляет слова, рисующие картину «пустыни», в которую превратился недавно еще цветущий город: *abbandonare, abbandono* (покидать, бросать, предавать забвению). Все оставили свое имущество на произвол судьбы, множество мужчин и женщин покинули родной город, свои дома и жилье, родственников. Бедствие изменило самих людей, превратило их души во внутреннюю, нравственную пустыню: оно воспитало в сердцах мужчин и женщин такой ужас, что брат покидал брата, дядя — племянника, сестра — брата и нередко жена — мужа; более того и невероятнее: отцы и матери избегали навещать детей и ходить за ними, как будто то были не их дети.

Все это стало возможным потому, что «при таком удрученном и бедственном состоянии нашего города почтенный авторитет как божеских, так и человеческих законов почти уная и исчез... почему всякому позволено было делать все, что заблагорассудится»⁸. Исчез Закон, место которого занял Произвол, и Флоренция на наших глазах превращается в антигород. Ибо город без закона и справедливости — уже не город.

Антигороду, с описания которого начинается «Декамерон», противопоставит идеальный город (общество рассказчи-

⁷ *Comagni D. Cronica. Torino, 1968. P. 7.*

⁸ Боккаччо Дж. Декамерон. Кишинев, 1977. Введение. С. 29.

ков новелл). У Боккаччо он таков же, как у литераторов-горожан: целостное единство, которое лишь во вторую очередь облекалось внешними чертами-символами — стенами, башнями и пр. Не городские стены делали живущих внутри них горожанами, а исключительно образ жизни, такие нравственные и политические категории, как разум, закон, справедливость, мир, и именно эти черты характеризуют отношения в кружке рассказчиков «Декамерона». «Король», избираемый участниками в качестве главы на день, говорит: «...Я видел и слышал только одно честное, постоянное согласие, постоянную братскую дружбу»⁹. Перед нами полная противоположность картине зачумленной и опустевшей Флоренции, нарисованной Боккаччо в начале книги, — и прежде всего в плане человеческих отношений, этических норм, т. е. как мы убедились, конституирующих элементов идеального города средневековья. Эти нормы воскрешаются в обществе рассказчиков.

Конечно, этот кружок не город в обычном понимании, никаких политических проблем здесь не ставят и не решают. Они могут возникать в сознании автора «Декамерона» лишь опосредованно.

Обратимся в этой связи к представлениям предшественников Боккаччо о том, как на практике должны были реализоваться основные черты, определяющие жизнь идеального города — закон, справедливость, гармония, всеобщее благосостояние, разумность, т. е. какой социально-правовой структурой должен обладать идеальный город.

В итальянском переводе — переложении «Римских деяний» (XIII в.) характерно упоминание о Цицероне, который благодаря своему уму (*senno*) «значительно улучшил жизнь в своем городе, учредив много хороших законов, хороших и славных обычаев»¹⁰. Данте в трактате «О монархии» шагает гораздо дальше: «Ведь так же, как государственный строй не устанавливается ради законов, а законы устанавливаются ради государственного строя, так и живущие сообразно законам не столько сообразуются с законодателем, сколько этот последний сообразуется с ними...»¹¹. В уже упоминавшемся нами трактате Эгидия Римского «О правлении государей» говорится, что для своей пользы и блага города долж-

⁹ Там же. День X, новелла 10. С. 577.

¹⁰ *Volgarizzamenti del Due e Trecento*. Torino, 1964. P. 97.

¹¹ Данте А. Малые произведения. М., 1968. С. 316.

ны подчиняться единому правителю, государю или принцу, которого они сами выберут¹². И снова Данте: «А если мы посмотрим на город, цель которого жить хорошо и в достатке, то должно быть одно управление, и это не только при правильном государственном строе, но и при извращенном. В противном случае не только не достигается цель гражданской жизни, но и сам город перестает быть тем, чем был»¹³. Брунетто Латини также считал, что для процветания города нужно, чтобы им управлял один, но справедливый человек: «Синьор есть голова всему городу, и все люди хотят иметь здоровую голову, потому что когда голова больна, все остальные члены у человека больны; вот почему все должны стараться заполучить себе такого правителя, все мысли которого были бы направлены, чтобы его подданным жилось хорошо, по закону и справедливости»¹⁴.

Этот элемент традиционного представления об идеальном городе дает о себе знать в «Декамероне», в тех законах, по которым строится кружок рассказчиков новелл. Весьма существенно, что с самого начала рассказчики ощущают потребность в выборе правителя, который бы управлял их маленьким сообществом ко всеобщему удовольствию и благу. Этот шаг воспринимается всеми как настоятельная необходимость, неременное условие существования их маленького мирка: «Но так как всё, не знающее меры, длится недолго, я... желаю, чтобы наше веселье было продолжительным, и потому полагаю необходимым нам всем согласиться, чтобы между нами был кто-нибудь главным, которого мы почитали бы и слушались как наибольшего и все мысли которого были бы направлены к тому, чтобы нам жилось веселее»¹⁵.

О выборности правителя писали предшественники Боккаччо, и здесь он отталкивался от традиций городской литературы. Но его герои воспитаны республиканской Флоренцией. Их король, хотя и единовластный глава, однако сменяемый, время его правления ограничено известным сроком, и который он познает не только радости власти, но и «бремя забот». Причем право быть избранным имеет любой, т. е. никакой особостью королевская персона не обладает.

Для кружка рассказчиков «Декамерона» характерны главные этические черты идеального общества, в этом смысле

¹² *La Prosa del Duecento*. P. 271.

¹³ Данте А. Указ. соч. С. 309.

¹⁴ *Volgarizzamenti...* P. 70.

¹⁵ Боккаччо Дж. Указ. соч. Введение. С. 38.

они составляют как бы город. Но если в предшествующей литературе город как некая культурная и этическая модель противостоит дикой природе, у Боккаччо он включает в себя в качестве неотъемлемой части облагороженную природу. Привычные рамки прежней модели существенно расширяются.

Столетие спустя художники, архитекторы Ренессанса будут изображать совершенный город в виде конкретных построек и сооружений. Но и тогда он сохранит свой антропоморфный характер, как некая экстериоризация морально-духовных свойств человеческого существа¹⁶. Такая ориентация на человеческий индивид в общих чертах видна уже у Боккаччо в его новой трактовке привычного представления об идеальном городе.

Говоря о новаторстве Боккаччо, следует подчеркнуть, что рассказчики «Декамерона» черпают — в отличие от традиции — нравственный закон в самих себе, в сознании неповторимой индивидуальности и ценности отдельно взятого человека. Вечное начало, присущее человеческой природе, раскрывается в «Декамероне» как неприятие горя, мук и смерти, и обнаруживает себя, в частности, в весело-приподнятом настроении рассказчиков: «Они увенчали себя дубовыми листьями, руки были полны пахучих трав и цветов; кто повстречался бы с ними, не сказал бы ничего иного, как только то, что смерть их не победит, либо сразит веселыми»¹⁷. Жизнь в идеальном городе — кружке рассказчиков «Декамерона» — строится не только по законам справедливости, но и так, чтобы дать наиболее полный выход радости бытия, переполняющей каждого сочлена этого маленького сообщества и не имеющей ничего общего с той веселостью отчаяния, которой жили некоторые флорентийцы в зачумленном городе и которую можно было бы назвать «пиром во время чумы». Радость бытия, ни на минуту не покидающая рассказчиков «Декамерона», проявляется в эстетическом удовольствии от рассказывания и слушания новелл. Отдельные случаи из жизни, грубые инстинкты словно через фильтр проходят через новое понимание природы у Боккаччо и выступают в конечном итоге преобразенными¹⁸. От грубой природы он

¹⁶ См. в частности: Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 222—227.

¹⁷ Боккаччо Дж. Указ. соч. С. 519.

¹⁸ См.: Ауэрбах Э. Мимесис, М., 1976. С. 222.

восходит к природе идеальной, вечной, и именно ее стремится утвердить в качестве основы человеческих отношений.

Отталкиваясь от традиций средневеково-городской литературы, Боккаччо существенно их переосмысливает: представление об идеальном городе в «Декамероне» прежде всего эстетическое, выявляющее роль красоты и гармонии в жизни человека.

Н. И. Девятайкина

ПЕТРАРКА О ТИРАНИИ

(по трактату «О средствах против всякой судьбы»)

Среди диалогов трактата «О средствах против всякой судьбы», написанного между 1354—1366 гг., есть два, посвященные тирании. Первый называется «О захваченной тиранической власти», второй — «Об отнятой тиранической власти»¹. Важные суждения о тирании обнаруживаются и в ряде других мест трактата.

Актуальность данного вопроса для времени Петрарки несомненна. Республиканский строй в XIV в. оставался незыблемым лишь в отдельных мощных государствах — Флоренции, Венеции, Генуе и некоторых других. Во многих городах-государствах прежние коммунальные порядки были уничтожены или начинали уничтожаться синьорами, кондотьерами, власть которых чаще всего обретала характер тирании. Эта власть, как известно, попадала к ним в руки разными путями: через избрание на народном собрании или в Большом совете, когда на правителя возлагались надежды на смягчение внутренней или внешней напряженности; особые полномочия могли дать синьорам папы или императоры; наконец, при сохранении формальных прав старинных правителей города она могла достаться по наследству. Результат бывал примерно одинаков: синьор присваивал всю полноту внутренней власти, издавал и отменял законы, распоряжался финансами, войском, назначал должностных лиц; права ком-

¹ Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae. Bern, 1610. I. 95. «De occupata tyrannide». P. 285—289; II, 81 «De ammissa tyrannide». P. 363—368 (римская цифра означает номер книги, арабская — диалога. Далее страницы этого произведения будут указываться вслед за цитируемым текстом).

муны либо резко сокращались, либо уничтожались вовсе. Часто коммунальный аппарат превращался в послушное орудие синьора². На место закона вставал произвол, на место справедливости — милости или жестокости, на место свободы — подчинение и раболепие.

Об итальянских синьорах-тиранах Петрарка имел представление не понаслышке. Жизненная ситуация сложилась так, что ему довелось узнать многих из них достаточно близко. Раньше других — правителя Пармы Аццо Корреджо. В юности он учился вместе с Петраркой, очень уважал поэта, сопровождал его в поездке в Неаполь к королю Роберту и в Рим, где поэт был удостоен лаврового венка. После коронации Аццо пригласил Петрарку в Парму, где создал ему все условия для творчества. В городе (незадолго до приезда туда поэта) в результате восстания пополанства была свергнута тирания Мастино делла Скала. Это произошло в мае 1341 г. Через несколько дней после прибытия в Парму Петрарка написал канцону, посвященную восстанию. Стихи прославляли свободу как «сладостное и желанное благо». Поэт выражал надежду, что Аццо восстановит «отеческие законы», поправные «псом» Мастино делла Скала³.

Но вскоре Петрарка с горечью начал понимать, что власть нового правителя мало отличается от прежней, что Корреджо обманул надежды народа на восстановление свободы и справедливости. Петрарка мог воочию увидеть, как правитель превращается в тирана. Это было настолько ему не по душе, что он решил признать канцону ошибкой. Она никогда не была включена в состав его стихотворений, хотя по художественным достоинствам является одной из лучших. Так поэт проявил свою политическую волю и свое политическое сознание⁴.

Судьба Пармы могла послужить одной из исторических подоплек, породивших позднее диалоги о тирании. От личной дружбы с Аццо Петрарка не отказался, даже посвятил ему трактат «О средствах против всякой судьбы». Тем важнее выявить, сумел ли он дать принципиальную оценку политической власти тиранов, тем самым и Корреджо.

² См.: Бернадская Е. В. Политический строй итальянских государств // История Италии. М., 1970. Т. 1. С. 325—326.

³ Анализ этой канцоны дан Р. И. Хлодовским (см.: Хлодовский Р. И. Франческо Петрарка. Поэзия гуманизма. М., 1974. С. 95—97).

⁴ Там же. С. 97.

О сложной политической ситуации в Северной и Средней Италии Петрарка много думал еще до того времени, когда она стала местом его постоянного пребывания. В 1352 г. он писал из Авиньона своему старшему другу Стефано Колонна: «Цизальпийская Галлия, включающая то, что толпа зовет Ломбардией... почти на всем своем пространстве подвластна бессменной тирании, причем та часть, что обращена на запад и расположена у подножья гор — о ненавистная, о несчастная судьба! — стала к тому же колонией заальпийских тиранов... Только город венецов остался единственным храмом свободы и справедливости, да и тот потрясен сейчас военной бурей»⁵.

В 1353 г. судьба столкнула Петрарку с Висконти — правителями Милана. После отъезда, почти бегства, из Авиньона он решил принять их приглашение и поселиться в Милане. Висконти были могущественными тиранами. Они превратили Большой и Малый советы Милана в учреждения, полностью им подчиненные, имели значительные финансы, большие войска. В 1351 г. они сумели закрепить юридически новый режим. О его деспотическом характере хлестко сказал в своей новелле Саккетти: «В аду режут, четвертуют, хватают крюками и вешают, не более и не менее как это делаете здесь вы», — так ответил мельник на вопрос Висконти о том, что происходит в аду⁶.

Оставим в стороне неоконченные до сих пор споры относительно того, что заставило гуманиста поселиться именно в Милане и оставаться там до 1361 г.; У. Дотти убедительно показал: лично для Петрарки это не обернулось ни потерей творческой свободы, ни отказом от гражданских и политических принципов⁷. Он остался независим. Политическая и социальная реальность Милана дала ему в руки драматический материал, не оставшийся втуне при размышлениях о тирании. Сам трактат «О средствах» Петрарка начал как раз в этом городе, там же написал его первый вариант, в том числе интересующие нас диалоги.

Последние годы жизни Петрарка провел неподалеку от Падуи, с правителями которой, из семейства Каррара, он

⁵ Петрарка Фр. Книга писем о делах повседневных. XV, 7 // Петрарка Фр. Эстетические фрагменты / Пер. В. В. Библихина. М., 1982. С. 157—158 (далее: Повседн. Римская цифра означает номер книги, арабская — письма).

⁶ Саккетти Ф. Новеллы / Пер. В. Ф. Шишмарева. М.; Л., 1962. С. 20.

⁷ Dotti U. Petrarca a Milano. Milano, 1972.

был давно знаком. Там при поддержке нобилитета и верхушки пополанства была подавлена Малая коммуна, урезаны компетенции советов. Недовольство рядового пополанства вылилось в волнения 1351 г., когда был убит Джакомо Каррара. Новым правителем стал его сын Франческо, который многократно просил Петрарку написать что-нибудь для него. Петрарка уважил просьбу и в ноябре 1373 г. составил письмо-трактат для правителя Падуи — о принципах управления государством. Антитиранические идеи ощутимо присутствуют и в этом сочинении.

В настоящей статье предпринимается попытка выявить (на материале диалогов трактата «О средствах») существо воззрений Петрарки на тиранию: его оценку этого типа власти, его представления о взаимоотношениях тирана и граждан, тирании и власти пополанства, его суждения о причинах падения тирании, характере борьбы против нее.

Политические идеи итальянских гуманистов, в том числе проблема тирании, становятся предметом пристального внимания в советской литературе⁸. Ценные наблюдения содержатся в работах В. И. Рутенбурга, М. Л. Абрамсон, Н. В. Ревякиной, Л. М. Брагиной и др.; попытку специально подойти к данному сюжету предприняла И. Ф. Ракитская⁹.

В названных работах имеются замечания и относительно политических воззрений Петрарки; всего основательнее об этом говорит Р. И. Хлодовский, по мнению которого вопросы политики и общественного устройства не могли не интересовать Петрарку по одному тому, что он был гуманистом, т. е. писателем, взглянувшем новыми глазами на окружающую его землю и по-новому оценившим ее реальность.

⁸ В русской историографии политические взгляды Петрарки были предметом внимания М. С. Корелина. Он разносторонне описывает дипломатическую деятельность гуманиста, анализирует его политические письма, отношение к Кола ди Риенцо, императору Карлу IV, папам. Вопрос об отношении Петрарки к тирании исследователь переводит в плоскость Петрарка-тираны, считая, что именно на них он возлагал свои надежды после падения республики Кола; сделался преданным слугой миланских синьоров, пожертвовав многими убеждениями. С такой оценкой трудно согласиться (см.: Корелин М. С. Петрарка как политик // Русская мысль. 1888. Кн. 8. С. 63—67).

⁹ См.: Рутенбург В. И. Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974; Абрамсон М. Л. От Данте к Альберти. М., 1979; Ревякина Н. В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV — первой половины XV вв. М., 1977; Брагина Л. М. Итальянский гуманизм. М., 1977; Ракитская И. Ф. Политическая мысль итальянского Возрождения. Л., 1984.

Р. И. Хлодовский считает, что гуманист ненавидел средневековые монархии и тирании, еще больше их социальную опору — феодальное дворянство¹⁰. Взгляды гуманиста на тиранию рассматриваются в книге только в связи с пармским периодом жизни Петрарки.

Современные западные авторы весьма активно обращаются к изучению политических сочинений Петрарки, но по интересующему нас вопросу можно найти только краткие оценки. Т. Берджин пишет, что Петрарка открыто защищал свободу и презирал деспотов и тиранов; Р. Манселли считает политическую позицию гуманиста честной и принципиальной: он никогда не служил синьорам, резко осуждал тиранию, жертвами которой становились бедные и слабые; Б. Коул выявляет антитиранические идеалы Петрарки по его письму-трактату к Франческо Каррара «О наилучшем управлении государством»¹¹. Диалогов трактата «О средствах против всякой судьбы» никто из названных авторов не рассматривает.

Обратимся к ним, и прежде всего попробуем выяснить как, по мнению Петрарки, власть попадает тиранам в руки. В диалоге «О захваченной тиранической власти» разговор идет между Разумом и Радостью. Радость говорит от лица тирана, Разум — от автора (для удобства передачи смысла Радость будет говорить о себе в мужском роде). Так вот, Радость-тиран объявляет много раз только одно: он стал обладателем тиранической власти. Первая фраза: «Я присвоил тираническую власть над моими гражданами» (р. 285). И дальше: я захватил, я добился, я получил, я завоевал власть оружием, я присвоил... Да и диалог называется «О захваченной тиранической власти». Петрарка через реплики Радости определяет тиранию как результат захвата, порою вооруженного. Иными словами, это, как правило, незаконный способ получения власти. Гуманист Салютати потом называет «действительным» тираном такого правителя, который захватывает власть, не обладая правовым титулом господства. Он будет писать в трактате еще и о «скрытых» тира-

¹⁰ См.: Хлодовский Р. И. Указ. соч. С. 102—103.

¹¹ Bergin T. G. Petrarch. N. Y., 1970. P. 81—83; Manselli R. Petrarca nella politica della signorie padane alla meta del Trecento // Petrarca, Venezia e il Veneto. Firenze, 1976. P. 22; Kohl B. G. Francesco Petrarca. Introduction // The Earthly Republic / Ed. by B. G. Kohl, R. G. Witt, E. B. Welles. Manchester, 1978. P. 26—32.

нах. Это те, кто, имея законные основания для власти, правят сурово, не соблюдают законов и справедливости¹².

Петрарка не дает таких определений, но раньше Салютати приходит к выводу, что скрытый тиран ничем не отличается от действительного. Радость-тиран говорит, что он «получил тираническую власть», что «занимает высшее место среди граждан» (р. 286). Разум и в этом случае резко порицает «самых могущественных, но не самых лучших», которые «под завесой законной власти соткали страшную и незаконную тиранию» (р. 285). Он вспоминает Гая (Калигулу?), Нерона, Домициана, Коммода, Бассиана и других того же ряда, «которые только по названию были принцепсами, но имели тиранические намерения и стали в конце-концов тиранами» (р. 286).

Осуждение Петрарки вызывают не только тиранически правившие принцепсы античности. В письмах он называет имена и современных ему правителей; в 1326 г. он пишет другу, сицилийскому поэту Фоме из Мессины: «...твое отечество подвластно враждебному правителю, я бы сказал тирану, если бы не побоялся оскорбить твой слух»¹³. Так сурово отозвался молодой гуманист о вполне «законном» правителе Федерико III Арагонском.

В диалоге «О правлении и власти» Радость несколько раз подчеркивает: Я — законный правитель» («Esse autem iure Rex sum»). На что Разум отвечает: «Меньшее зло захватить власть, но потом действовать так, чтобы показать себя истинным правителем, чем власть, полученную от отца законным и справедливым образом, потрясти тираническими кознями; больше истинной похвалы обретается в ходе дела, чем в его начале» (р. 288).

Факты политической истории античности порождают у гуманиста мнение, что «почти все власти становились тираническими, но благодаря времени и забывчивости людей ткали себе покров законности и обретали прочность» (р. 363). Как видим, для Петрарки «законная» власть отнюдь не окружена тем почтением и средневеково-церковным ореолом, который она имела в средние века. Для него важен не столько способ получения власти, сколько ее содержание. Это не значит, что гуманист не осуждает захвата власти. Осуждает, и прежде всего, потому, что он осуществляется с тираниче-

¹² См.: Ракитская И. Ф. Указ. соч. С. 37—38.

¹³ Петрарка Фр. Повседн. I, 2. С. 58.

скими целями. Примечательно, что реплики о захвате власти вложены в уста Радости, а об отказе от нее (в другом диалоге) — в уста Скорби. Это дает нам представление о нравственном облике тогдашних тиранов.

Петрарка постоянно говорит о том, что тирания — «бремя, ненавистное всем» (р. 363 и др.), вскрывает причины этой ненависти: тираны платят «достойной» платой любящим их глупцам, прижимая их невыносимым ярмом рабства, похищая у них свободу (р. 285). Когда в диалоге 81 речь идет о лишении тирана его власти, то Разум произносит следующее: «Твои граждане вернули себе должную свободу... Тебе рабски служили те, которые достойны того, чтобы ты им служил рабски» (р. 364). Петрарке ясно, что тирания и свобода — несовместимы. Такой подход будет характерен для политической мысли всего Возрождения. Можно полагать, что основой того политического режима, который Петрарке представляется антитезой тирании, должна быть свобода. В диалогах она часто связывается с гражданским равенством. Тирану-Скорби, отказавшемуся от власти, Разум говорит: «Ты был врагом граждан, сделался согражданином: узнай равное гражданство, более скромную фортуна» (р. 368).

Особый вопрос — в каком же по форме, по способу организации власти государстве, по мнению Петрарки, будет лучше обеспечена такая свобода: в республике или при единовластии? Ограничимся пока некоторыми замечаниями. Известно, что гуманист связывал многие надежды на восстановление свободы в Риме и во всей Италии с Кола ди Риенцо и его республиканской политикой. В письме к Стефано Колонна, приведенном в начале статьи, «храмом свободы и справедливости» названа республика Венеция. Позже, когда Петрарка рассуждает о задачах единого правителя, в качестве первой названо сохранение и приумножение свободы¹⁴. Очевидно, главное для гуманиста — сама свобода. Он хотел бы видеть ее в государстве любого политического устройства. И был убежден, что при тирании ей приходит конец. Так или иначе понятие свободы наполняется у Петрарки раннебуржуазным звучанием, она — в равенстве политических прав, в отсутствии произвола, в гражданском равенстве. Такое истолкование свидетельствует о неприятии

¹⁴ Petrarca Fr. De optime republica administranda//Francisci Petrarchae Florentini philosophi, oratoris et poetae clarissimi opera, quae extant omnia, Basileae, 1581.

практики феодального и полуфеодального произвола итальянских синьоров, правителей городов.

Другой неприемлемой для Петрарки чертой тирании является несправедливость. Горячо и с осуждением говорит он устами Разума: «Невинным причиняются обиды и несправедливости, недостойным оказываются благодеяния... Тираны отказываются от справедливости и гуманности» (р. 286, 287). Несправедливость начинается с того, что жажда золота и обогащения толкает тиранов на грабежи и насилия, вплоть до кровопролития. Гуманист с возмущением спрашивает у такого правителя: «С каким лицом, с какой душой ты проливаешь кровь, за сохранение которой должен проливать свою, если ты человек?» (р. 286). Как видим, тираны-правители времени Петрарки в своих практических действиях ушли недалеко от городских феодальных синьоров XI—XII вв. Не посягая прямо на параграфы статусов, конституций коммун и раннебуржуазных республик, они переставали считаться с теми установлениями, которые защищали личность и имущество пополючанства. Призывая к соблюдению справедливости по отношению ко всем гражданам государства, Петрарка выступает как выразитель интересов широких городских слоев.

Защита имущественных интересов пополючанства содержится и в осуждении Петраркой алчности тиранов. Она, по его словам, страшнее чумы: все остальные пороки присущи отдельным тиранам, этот — всем, все остальные досаждают отдельным гражданам, этот — всему народу (р. 366). Петрарка осуждает алчность не только как моральное зло, но прежде всего именно как социальное: ведь тираны посягают на чужое имущество (р. 367). Такие правители, по его мнению, недостойны быть у власти. Те же, кто достоин, должны быть «не тиранами, но экономами для подчиненных» (р. 367). Гуманист вспоминает в этом месте рассуждения Аристотеля и соглашается с ним.

Петрарка упрекает тирана за то, что он «грабит тех, которых должен был бы кормить из своих запасов и одаряет тех, у кого нужно отнимать» (р. 286). Петрарке всегда казалась гуманной практика античных правительств и правителей по помощи малоимущим гражданам. В диалогах он ненавязчиво рекомендует подобное. Такое решение вопроса, конечно, не могло привести к коренному изменению положения бедноты, но оно показывает, сколь чуток был гуманист к нуждам простых людей, как хотел хоть чем-то облегчить их положение. И как ненавидел тиранов, которые, по

его словам, «словно пиявки присосались к кошелькам граждан» (р. 286).

С несправедливостью и алчностью у тиранов, по наблюдению Петрарки, соседствует жестокость, надменность, честолюбие, которые тоже ухудшают общественную атмосферу в государстве: друзьями становятся враги, врагами — граждане (р. 286). Гуманист постоянно подчеркивает неизбежность враждебного отношения граждан к правителю-тирану, который вынужден бояться собственных подданных: «У него не проходит ни один день, ни одна ночь без страха и беспокорства... он отягощен постоянным страхом» (р. 286). Разум предупреждает Радость, что с захватом власти он утратит безопасность и спокойствие (р. 285). Страх, подозрения, необходимость охраны с оружием кажутся Петрарке столь тяжким бременем, что он устами Разума советует тиранам отказаться от такой жизни (р. 368).

Сам моральный облик тиранов в глазах гуманиста отвратителен: они лишены гуманности, добродетели, справедливости, умеренности, бережливости, чести, благочестия, мягкости, милосердия (р. 363). Ясно, что правитель, достойный называться справедливым и гуманным, должен обладать перечисленными этическими свойствами. Действия такого правителя ориентированы на общество, на граждан; они должны ощущать на себе гуманность, справедливость, мягкость, милосердие; они будут радоваться умеренности и бережливости правителя, которая обернется для них стабилизацией материального положения. Да и добродетель, честь правителя тоже важны для его подданных: тогда в достойном гражданине увидят друга, в дурном — врага.

Политическая и моральная физиономия тирании рисуется у Петрарки негативными красками. Отсюда закономерен вывод гуманиста о непрочности власти любого тирана: «Ты строишь дом на песке, стоишь в колючих кустах, сидишь на краю обрыва, нищий среди награбленного, ненавидимый даже в несчастье» (р. 288). Более того, Петрарка считает, что почти всякий правитель, ставший тираном, кончит плохо: «Ты добился состояния несомненных трудностей, сомнительного и скорее всего несчастного исхода» (р. 285). И дальше объясняется почему: «Жизнь тирана всем ненавистна в городе, нет ни одного человека, который не хотел бы, чтобы он плохо кончил, чтобы злой волк был отогнан от стада» (р. 286).

Изгнание тирана видится Петрарке прекрасным и справедливым делом. Скорбь-тиран жалуется, что граждане от-

няли у него власть, свергли, отстранили и т. д. Разум не только не выражает никакого сочувствия, но даже удивляется долготерпению граждан, считает их борьбу совершенно справедливой. И саркастически напоминает тиранам строку из Гомера: «Узнайте справедливость хотя бы поневоле» (р. 364). Единственное, что советуется тиранам, — не рваться вновь к власти, если они хотят умереть своей смертью. Петрарка не без язвительности рекомендует тиранам остерегаться «смешного и позорного примера самого дурного из тиранов — Дионисия», который, будучи свергнут, устроил в изгнании школу для детей, чтобы ту тираническую власть, которую не смог удержать над гражданами, проявлять по отношению к ученикам. «Дикий ум, — продолжает Разум, — был у этого человека, не знающего чести, не терпящего равноправия» (р. 365).

Из реплик Скорби ясно отношение самих тиранов к лишению их власти; они жалуются, печалются, «тяжело это переносят», считают себя невиновными, горюют, что стали частными лицами. Призывы Разума возрадоваться такому изменению судьбы (р. 363), поразмыслить над причинами изгнания и успокоиться мыслью о том, что почетнее и безопаснее жить *среди* добрых граждан, чем *над* всеми гражданами (р. 368), не вызывают должного отклика у Скорби-тирана. В политической действительности того времени тираны правители редко считали для себя должным прислушиваться к советам мудрецов. Но за свои безумия часто платились жизнью.

Разум — Петрарка то в одном, то в другом месте напоминает тиранам о неизбежности дурного конца: «...общая участь тиранов — смерть от меча или от яда» (р. 286). Гуманист вспоминает знаменитую фразу Овидия: «Всякий жаждет убить того, кого он боится». (р. 286). Более того, гуманист считает справедливой и закономерной вооруженную борьбу с тиранами: «...мечом власть тиранов завоевывается, мечом сохраняется, мечом же, вполне возможно, и сокрушена будет совершенно» (р. 286).

В диалогах Петрарка не называет имен современных ему тиранов, но явно имеет многих из них в виду, напоминая о печальном примере тех, «о которых помнят деда и отцы, и тех, время и правление которых видят живущие ныне» (р. 286). Для назидания правителей и придания весомости своим суждениям гуманист называет десятки имен тиранов древности: Александра Ферейского, Дионисия из Сиракуз, Фаларида Агригентийского, Аннона Пунийского, Элеакра Ге-

раблейского, Эфимезиса Аристотимского, колхидонца Набида. Напоминает, что убийство Гиппарха Афинского «доставило бессмертную славу убийцам» (р. 285).

Не забыты и римляне: Гай (Калигула), Нерон, Домициан, Коммод, Бассиан, которые были «только по названию принцепсами», а на деле — тиранами. И все они заплатили жизнью за жестокость (р. 366). Среди этих имен нет Цезаря. Пожалуй, это единственная политическая фигура такого рода, которая вызывала у гуманиста неоднозначное отношение. В письме-трактате к правителю Падуи он говорит со слов Цицерона о благородстве, снисходительности, щедрости, терпимости Цезаря. Ему кажется объективной такая характеристика, потому что Цицерон «имел дело с Цезарем то как с другом, то как с врагом»¹⁵. И все же гуманист вынужден признать, что Цезарь — тиран и заговор против него должен был иметь причины.

«Я не нахожу ничего другого, — говорит Петрарка, — если не некая злобность и высокомерие души... он возвысил себя над отцовскими обычаями, радовался излишним почестям и присвоил себе незаслуженное место. А Рим тогда еще не привык терпеть высокомерие цезарей»¹⁶.

Нельзя не отметить здесь явных симпатий Петрарки к республиканскому строю древнего Рима. Цезарь нашел смерть именно из-за отхода от республиканских традиций и законов. Петрарка не укоряет убийц Цезаря. Потом Салютати займет более мягкую позицию по отношению к Цезарю; он назовет его законным правителем, учредившим порядок в Риме в период гражданских войн, принесшим народу мир и безопасность¹⁷.

Петрарка не первым начал писать о тирании: эта форма власти была для истории не новой. Ее осуждали политические писатели и философы античности, в том числе любимый гуманистом Цицерон. Но если последний защищал уходящие в прошлое привилегии аристократии¹⁸, то Петрарка активно выражал интересы передовых социальных сил своего времени: итальянского попопанства, рождающейся буржуазии, рождающейся интеллигенции. Попопанству и новой буржуазии, связанным с производством, торговлей, была насущ-

¹⁵ Petrarca Fr. De optime... P. 374.

¹⁶ Ibid. P. 375.

¹⁷ См.: Ракитская И. Ф. Указ. соч. С. 40—41.

¹⁸ См.: Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1972. С. 256.

но необходима охрана их накоплений, имущества, личности наконец. Требование свободы, соблюдения справедливости, законности было условием дальнейшего быстрого развития рождающегося крупного капиталистического товарного производства (да и просто товарного тоже) и обмена. Тирании с их произволом, грабежом, насилиями умаляли заинтересованность и возможности промышленников, купцов, мастеров.

Отсюда выростала ренессансная концепция свободы — свободы товаропроизводителей, свободы граждан; только в свободном государстве, обеспечивающем защиту прав и имущества, они могли должным образом жить и успешно действовать. А при тиранах начинала утрачиваться завоеванная раннебуржуазными республиками и государствами законность, справедливость, равноправие, гуманность.

Петрарка не делает различий между «действительными» и «скрытыми» тиранами ни при оценке их политики, их отношения к гражданам, ни при решении вопроса о тираноубийстве. Гуманист и его читатели приходят к выводу о правомерности, справедливости, необходимости борьбы с тиранами с целью их изгнания или даже убийства. И это — не акт жестокости, но законное и оправданное стремление граждан восстановить свои права и вернуть себе попираемую свободу. В насильственной смерти всегда виноваты только сами тираны.

Тиранию осуждали и средневеково-церковные писатели. Фома Аквинский утверждал, что тираноубийство законно, если оно осуществляется в рамках общественного решения; если же любой из граждан возьмется за это, то порядок рухнет. Петрарка не делает никаких оговорок, скорее он допускает и то и другое как равнозначное. Фома не ставит вопроса о свободе как антитезе тирании; много пишет о божественном происхождении власти, считает идеальным единовластие. Тирании, по мнению Фомы, происходят скорее из демократии, чем из монархии. Петрарка и здесь стоит во многом на иных позициях. Для него тирания — перечеркивание республиканских обычаев, свобод, законности, а многие монархии — бывшие тирании, со временем прикрывшиеся завесой законности. У Петрарки главный упор — на обеспечение социальных и политических свобод и полноправия граждан, антифеодалных и антисловных по характеру. У Фомы — на идею «гармонии» власти и подчинения, признание сословных различий как порядка, установленного свыше.

Из взглядов Петрарки на тиранию отчетливо проявляется его представление о наилучшем государе и наилучшем государстве. Правитель — это человек доблестный, гуманный, справедливый, милосердный, не допускающий произвола по отношению к гражданам, соблюдающий законы и право и обеспечивающий безопасность. Идеал правителя у Петрарки вырастает из его идеала человека.

Рассуждений о государстве у Петрарки меньше, чем о государе, но совершенно ясно, что оно покоится на принципах свободы, равноправия граждан, справедливости и законности. Каков правитель, таково и государство. Его антифеодалный характер очевиден.

Драматическая политическая действительность XIV в. порождала у первого гуманиста ноты, близкие к стоицизму. В диалогах время от времени со стороны Разума раздаются советы, что правителю лучше вовсе отказаться от всякой власти, тиранической или законной, поскольку власть — тяжела и несчастная ноша. Самой же лучшее — вовсе не брать в руки власть; частная жизнь честнее, спокойнее, проще. В этих суждениях сказалось, очевидно, разочарование Петрарки во многих современных ему правителях. Но пессимизм не стал ведущей чертой его политической мысли. За несколько месяцев до смерти он пишет письмо правителю Падуи Франческо Каррара, полное оптимистических надежд относительно возможностей хорошего правления и хорошего правителя.

Гуманистический оптимизм Петрарки сказался в том, что он надеялся на живительную силу слова, примера, культуры, их благотворное воздействие на правителей. Он читал возможным решить в рамках этики то, что рождалось реальной политикой, столкновением различных социальных сил. В этом — утопизм Петрарки. Но он был порожден чаяниями, потребностями передовых сил его времени.

Н. В. Ревякина

У ИСТОКОВ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Расцвет итальянской гуманистической педагогики приходится на XV в. В первой половине этого века возникли знаменитые гуманистические школы Витторино да Фельтре и

Гуарино из Вероны, появились педагогические трактаты Верджерио, Веджо, Пикколомини и целый ряд сочинений, где самым внимательным образом рассматривались вопросы образования и воспитания (работы Бруни, Альберти, Пальмиери, Фруловизи, Фр. Барбаро и др.). Но подъем гуманистической педагогики произошел не на пустом месте, необходимые предпосылки для этого сложились еще в XIV в., хотя этот век не дал ни одного педагогического трактата.

На XIV в. падает творчество Франческо Петрарки, вклад которого в становление гуманистической педагогики трудно переоценить. Гуманист дал новую ориентацию философии и вообще знанию на человека и человеческие проблемы, поднял значение наук, изучающих и воспитывающих человека. Его критика схоластической философии и средневекового образования расчищала почву для утверждения новых принципов и методов образования и воспитания. Для развития гуманистической педагогики особенно ценными были мысли Петрарки о связи знания и нравственности, его наблюдения над свойствами знания, переосмысление тривия и введение новых дисциплин. У него уже можно обнаружить контуры новых представлений о миссии учителя как воспитателя и требование к нему быть нравственно совершенным человеком, мысли о приоритете нравственного воспитания, рекомендации некоторых новых методов воспитания и др.

Для становления гуманистической педагогики весьма существенной была и деятельность первых педагогов-гуманистов — их практика и осмысление ряда вопросов образования и воспитания. Первое поколение гуманистов-педагогов — это поколение современников Петрарки. Некоторые педагоги были широко известны, среди них друзья Петрарки и Боккаччо: Пьетро да Мульо (ум. в 1382 г.), преподававший в Падуе и Болонье; Донато Альбанцани (ок. 1326—1411 г.), учивший грамматике в Венеции и Равенне и позже перебравшийся в Феррару, где был канцлером и воспитателем маркиза Эсте; Бруно Казини во Флоренции, Джакомо Аллегрети в Римини и др. К сожалению, мы мало знаем, что именно и как преподавали эти грамматик и риторы, только косвенные данные (оценка этих педагогов их учениками-гуманистами, связь с Петраркой, увлечение античной литературой и, возможно, преподавание ее) позволяют рассматривать этих педагогов в общем русле начинавшегося гуманистического движения.

Если Донато Альбанцани, Пьетро да Мульо и других считать гуманистическими педагогами первого поколения, то

Джованни Конверсино да Равенна (1343—1408), учившийся у них, и Джованни Мальпагини да Равенна (1346—1417), бывший учеником Донато Альбанцани и Аллегрети и секретарем Петрарки, представляют уже следующую плеяду учителей. У Конверсино да Равенна учились Верджерио, Гуарино из Вероны, Витторино да Фельтре, а лекции Мальпагини слушали во Флорентийском университете Бруни, Поджо, Марсупини и др. Это уже новое (третье) поколение гуманистов, из которого вышли знаменитые педагоги и теоретики образования.

В истории становления гуманистической педагогики место Конверсино да Равенна неоспоримо. Он был не только гуманистическим учителем с огромным и разнообразным опытом преподавания, в своих работах он пытался осмыслить с гуманистических позиций некоторые существенные вопросы образования и воспитания.

Джованни Конверсино да Равенна в историографии нередко отождествляли с Джованни Мальпагини да Равенна, отзвуки этой путаницы слышны до сих пор¹. Но еще М. С. Корелин высказал совершенно справедливое мнение о необходимости различать этих гуманистов, что позже было подтверждено Р. Саббадини². М. С. Корелин был первым и единственным в отечественной историографии, кто писал о Конверсино да Равенна и дал оценку его трудам и взглядам. Р. Саббадини посвятил Конверсино да Равенна книгу, в приложении к которой дал большую публикацию фрагментов из его сочинений и писем. В последние годы оживился интерес к Конверсино, были изданы некоторые его сочинения, появились статьи, освещающие его общественную деятельность и его роль в культуре Тревизо³.

Перу Конверсино да Равенна принадлежит целый ряд работ (часть из них до сих пор находится в рукописях). Только недавно издана его «Драматология о предпочти-

¹ См.: Петрарка Ф. Эстетические фрагменты. М., 1982. С. 343 (комм. к письму XXIII, 19).

² См.: Корелин М. С. Ранний итальянский гуманизм и его историография. СПб., 1914. Т. IV. С. 273—276, 388—389; Sabbadini R. Giovanni da Ravenna. Insigne figura d'umanista. 1343—1408. Como, 1924.

³ См.: Корелин М. С. Указ. соч. С. 381—400; Sabbadini R. Op. cit. P. 127—249; Gargan L. Giovanni Conversini e la cultura letteraria a Treviso nella seconda metà del Trecento//Italia Medioevale e umanistica. 1965. Vol. 8. P. 85—159; Kniewald D. Joannes Conversini da Ravenna dubrovacki notar 1384—1387//SAN «Glas» 229. Odelj liter. Beograd, 1957. I jesika. Nova serija. Knj. 3. S. 39—160.

тельном образе жизни», посвященная обсуждению преимуществ монархической и республиканской форм правления⁴. Некоторые этические вопросы обсуждаются в полубеллетристических диалогах «Любовная история Элизии» и «Договор между подагрой и пауком». В его «Книге о достопримечательностях» сообщается об интересных примерах, фактах, событиях, иллюстрирующих человеческие добродетели или пороки. Конверсино принадлежат исторические сочинения «Происхождение фамилии Каррара» и «История Рагузы»; его работа «Рассуждение о жизни» является своеобразной автобиографией автора и как редкий для раннего гуманизма жанр представляет исключительный интерес⁵.

В детстве Конверсино да Равенна прошел через средневековую грамматическую школу с ее зубрежкой и жестокими телесными наказаниями. В дальнейшем он учился у педагогов-гуманистов, познакомился с Петраркой и полюбил гуманитарные науки — поэзию, риторику, историю, а также саму педагогическую работу, хотя о последней высказывался порой горько.

Педагогический опыт Конверсино был разнообразным. Он преподавал в коммунальных грамматических школах в Тревизо, Конельяно, Беллуно, Муджио, Болонье, Венеции, Удине; учил частным образом на дому, был домашним учителем (в семье феррарского феодала), педагогом в школе легистов и позже в Падуанском и Флорентийском университетах; канцлером у Каррара в Падуе и канцлером Рагузы (Дубровника). Более всего он связан с Падуей (1392—1404) и с Болоньей (1359—1365).

Свое публичное преподавание в Болонье, как предполагает Саббадини, Конверсино начал с комментариев к Валерию Максиму⁶. Но еще до этого, будучи совсем юным, он попытался преподавать в школе легистов «Риторику к Гереннию» Цицерона, которую он слушал в Болонье. Позже он

⁴ Giovanni di Conversino da Ravenna. *Dragmaologia de eligibili vite genere*/Ed. and trans. Helen L. Eaker. L., 1980.

⁵ Эта работа была известна во фрагментах, изданных Р. Саббадини (см.: Sabbadini R. *Op. cit.* P. 127—173). В настоящее время появилось первое критическое издание ее (см.: Giovanni Conversini da Ravenna *Rationarium vite*/Introd., edizione, note a cura di Vittore Nason. Firenze, 1986. Далее: *Rationarium vite*). Попытки анализа этого сочинения как жанра автобиографии см.: Zimmermann T. T. *Price Confession and autobiography in the early Renaissance*//*Renaissance Studies in Honor of Hans Baron*. Firenze, 1971. P. 136—140.

⁶ Sabbadini R. *Op. cit.* P. 29—30.

читал этот курс в университетах, добавив к риторике античных поэтов (во Флоренции «Георгики» Вергилия). О своей любви к литературе, сладость которой он вкусил с ранней юности, Конверсино говорил неоднократно⁷.

Чему обучал Конверсино в коммунальных школах, следовал ли он общепринятой программе, нам не известно. Но он сам свидетельствует о трудностях работы в этих школах. Городской совет Беллуно лишил его права преподавания на том основании, что он знает гораздо больше, чем того требует профессия грамматика для обучения детей⁸. Не исключено, что его уроки были слишком сложными и недоступными для детей. Но, возможно, Конверсино пытался изменить давно сложившуюся и чрезвычайно устойчивую систему обучения, стремясь ввести в число предметов античную литературу⁹. Ведь сказали же ему в Беллуно: «Нам этот учитель не подходит, у него слишком много литературы, он слишком много знает»¹⁰. В Конельяно преподавание Конверсино также порицали¹¹. Опыт работы гуманистического педагога в средневековой школе, видимо, и не мог быть удачным, формирующиеся принципы новой педагогики не могли не приходиться в противоречие с традиционными.

У Конверсино эти принципы и новые методы уже налицо, хотя никакой педагогической системы у него нет. Однако есть вопросы, которые наш автор обсуждает чаще и глубже других. Это, прежде всего, взаимоотношения педагога и ученика, атмосфера, в которой осуществляется обучение, связь учителя и семьи, авторитет учителя. Раздумья на эти темы идут у Конверсино из его богатой практики школьного учителя, из трудного детского опыта учения, на всю жизнь запечатлевшегося в сознании; знакомство с работой Квинтилиана помогает ему точнее сформулировать свои мысли.

⁷ Ibid. P. 178, 221.

⁸ Ibid. P. 45: «...est valens et in multo maioribus esset quam professione grammaticae ad docendum pueros».

⁹ Frova C. *La scuola nella città tardomedievale: un impegno pedagogico e organizzativo*//*Le città in Italia e in Germania nel Medio Evo*/A cura di R. Elze e G. Fasoli. Bologna, 1981. P. 119—143.

¹⁰ Sabbadini R. *Op. cit.* P. 177: «Nobis, inquit, preceptor iste minime convenit, nimium litteris exuberat, sapit nimium».

¹¹ Sabbadini R. *Op. cit.* P. 174: «...magister iuniorum libenter legit et studet, ut instruendi cure deficiat».

Характер этих порицаний нам не совсем ясен, кажется, здесь речь идет о недостатке заботы о самом процессе обучения, как его тогда понимали, хотя отмечено желание учителя читать и познавать.

Связь учителя и ученика основывается, как полагает Конверсино, на любви (*delectio*), она похожа на взаимоотношения отца и сына, «когда один, словно сын, должен воспринимать голос учителя, а другой, как отец, должен давать знания, и пока один находит удовольствие в присутствии другого, обязанность говорить и слушать осуществляется ревностно и счастливо». Ведь «обучение должно согреваться, как и все (прочее), дружелюбием и свободным усердием»¹².

В этих раздумьях Конверсино чувствуется горячее желание новой обстановки в школе — обстановки взаимной любви и доброжелательства, отсутствия насилия, что находилось в резком контрасте с порядками, царившими в средневековой школе. Эти порядки Конверсино были хорошо знакомы. Он вспоминает свое обучение у учителя Филиппино, бывшего, по его словам, «палачом учеников»: «С содроганием вспоминает душа жестокие и подлые деяния Филиппино». Конверсино рассказывает о садистском избиении одного ученика учителем, который даже сам испугался, что ребенок умрет, и предпочел скрыться. Другой раз Филиппино избил восьмилетнего мальчика за то, что тот не смог рассказать стих псалма, и так сильно, «что «кровь заструилась». Затем его вопящего, со связанными ногами, голого (учитель, замечает Конверсино, всегда истязал детей голыми, чтобы они со всех сторон были открыты его ударам) Филиппино подвесил до самой воды в колоде. Когда мальчика извлекли из колодца, словно из преисподней, израненным, полуживым, бледным, до смерти передуганным, и уложили в постель, то с трудом смогли вернуть к жизни¹³. Маленький Конверсино не смог вынести этих мучений и дважды пытался бежать, а один раз даже отравить ненавистного учителя. «Терпя жестокость и безумство Филиппино, я всей душой возненавидел учение и всех учителей»¹⁴.

Конверсино выдвигает методы обучения и воспитания, прямо противоположные средневековым. Он отвергает всякую жестокость и предлагает мягкое обращение и похвалу как наиболее эффективные средства, способствующие нрав-

¹² Sabbadini R. Op. cit. P. 194: «...quandoquidem ceu filius alter eruditus vocem suscipere debet, ut pater alius discenda propinare: ac sic dum alter alterius presencia delectatur, dicendi audiendique munus intenta prosperitate periclitatur»; «Erudicio nempe velut omnia familiaritate liberalique studio confovenda est».

¹³ Rationarium vite. P. 69.

¹⁴ Ibid.

ственному воспитанию и стимулирующие умственные способности учеников и лучшее усвоение ими материала. «Заблуждаются те, кто полагает, что при обучении детей грамоте следует применять жестокость. Педагоги больше добиваются умеренностью и милосердием. От мягкого обращения и похвалы воспаляется благородная душа и становится расположенной следовать туда, куда зовет рука ваятеля... Любимого учителя слушать приятнее, верить ему легче, а то, что он рассказывает, запоминается лучше. И, напротив, как свидетельствует Квинтилиан, дети от излишне жестокого исправления никнут; когда учитель свирепствует, с трудом запоминается то, что он говорит; ...то, что радостно воспринимается памятью, надежнее сохраняется... Итак, пусть будет в учителе кротость и мягкость, пусть он увлекает детей идти в школу, а не понуждает ...пусть старается вызвать любовь в учениках, а не страх перед ним»¹⁵.

Отвергая средневековые порядки в школе, Конверсино считает, что и некоторые новые общественные явления — жажда наживы, страсть к богатству — плохо влияют на школьников. Деньги и богатство искажают и портят дело образования: «Там, где страстно заботятся о деньгах, пыл к знанию гаснет»¹⁶. Именно это наблюдает Конверсино в Венеции. Порок венецианской школы для него в том, что образование здесь неглубокое: нет неграмотных (*rudis omnino*), но мало образованных (*eruditi*). — ради торговли бросают школу, презирают ее¹⁷. Венецианские юноши не имеют правильного представления о смысле образования, бездумно меняют наставников и никогда не делают успехов.

Деньги проникают и во взаимоотношения ученика и учителя, делают их связь формальной. Этому способствует общая атмосфера города; венецианцы, говорит Конверсино, относятся к образованию как к торговле перцем и шафраном: когда уплачена цена, всякая близость исчезает¹⁸. А от этого страдает обучение; ведь тот, кто считает, что вполне достаточно купить труд учителя, презрев уважение к нему, покупает службу работника (*operantis ministerium*), но не науку;

¹⁵ Ibid. P. 70.

¹⁶ Sabbadini R. Op. cit. P. 194: «...ubi fervet cura lummalis scientie defervet...».

¹⁷ Ibid. P. 230.

¹⁸ Ibid. P. 194: «Vos haud aliter quam piperis crocive negotium sortimini litterarum: emisso precio ea congressio familiaris illic et evanesit».

когда один стыдится расходов, а другой — труда, получается, что один вяло трудится, а другой поздно срывает плод, поэтому гораздо важнее позаботиться о доброй воле учителя, чем о его службе¹⁹. Позиция Конверсино нам уже известна: учителя и ученика должны связывать прежде всего узы любви.

Неформальной должна быть и связь учителя и семьи ученика. Она не заключается только в жаловании, очень важно внимание семьи к учителю и уважение его: «Вниманием семьи согревается усердие того, кто обучает». В этих рассуждениях Конверсино не только и, пожалуй, не столько призыв к щедрости семьи (известно, что школьные учителя часто бедствовали и тема щедрости была для них актуальна), сколько желание поднять престиж учителя в семье. Ведь высокая оплата труда учителя в Венеции не удовлетворяет Конверсино: «Учителю детей, действительно, выплачивается плата, обусловленная соглашением, но его, обманутого вами во всех знаках близости (внимания), вы не замечаете, будто он языческий откупщик, не понимая, что науки вскармливаются ежедневными людскими услугами (уважением? — *officiis*), и там, где они прекращаются, науки исчезают из забывчивого места»²⁰. Конверсино приводит в пример Падую, где родители стараются оказывать учителю постоянное уважение²¹.

Об этом уважении к труду педагога в семье и обществе, об авторитете учителя много думает Конверсино. Он болезненно переживает чванство и безмерную спесь слушателей в Венеции и больших городах, невнимание учеников, делающих вид, что они не узнают учителя²². Его терзает боязнь надоест людям или внушить презрение, и отсюда его совет учителю думать о своевременном уходе, когда еще им довольны, чтобы не внушать отвращения (согласно пословице «и камнями не отгонишь»), но, готовя свой уход, работать с полной отдачей, чтобы об уходе сожалели²³. Он защищает свое достоинство педагога перед коммунальными властями всякий раз, когда на него жалуются²⁴. Конверсино рисует трудности учительской профессии в обществе — плебейский

¹⁹ Ibid. P. 195.

²⁰ Sabbadini R. Op. cit. P. 194.

²¹ Ibid. P. 194—195.

²² Ibid. P. 230—231.

²³ Rationarium vite. P. 165.

²⁴ Sabbadini R. Op. cit. P. 177—178.

заработок, неустойчивое положение, сложные отношения с родителями, требования которых порой прямо противоположны²⁵. У Конверсино эти трудности могли усугубляться его новыми требованиями к школе, болезненно обостренным восприятием отношения в обществе к учительской профессии, что тоже было новым явлением — свидетельством зарождения самосознания интеллигенции. «О сколь жалок свободный долг (*liberum munus*) педагога!» — с горечью восклицает Конверсино. Но тем не менее он любит эту работу и постоянно к ней возвращается. А когда его сделали канцлером в Падуе, он очень жалел о школе: «На этой жалкой и убогой кафедре грамматики сколь честнее, сколь достойнее, сколь плодотворнее и святее, сколь, наконец, свободнее и надежнее и, с приращением знания и досуга, сколь счастливее я бы старился, для многих полезный, никому не неприятный, более честный в отношении к самому себе»²⁶.

Конверсино высказывается за школьное обучение и не одобряет домашнего, при котором дети остаются невеждами, а нравы их сомнительными. По его мнению, главный порок домашнего воспитания в небрежности и снисходительности взрослых. С небрежностью еще можно мириться, лишь бы пороки домашних не питали пороки детей. Ведь вместо чтения книг детей берут на охоту, приучают к танцам; ругань мальчик ест, пьет, играет, отдыхает, храпит по утрам, ведь ребенок еще нежен, пусть ему будет это позволено; летнее солнце мальчиков расплавит, от зимних холодов закончится тело, весной же хорошо спится — грех умеренный, простительный; осень приглашает к сельским дарам. Так и получается, что «большая часть жизни у наших неженков ускользает, если внимательно посмотреть, из-за лени»²⁷. Озабоченный неэффективностью воспитания в семье, Конверсино отнюдь не считает, что родители должны быть отстранены от воспитания. Напротив, не только отец, но и мать обязана воспитывать детей; когда отец увещевает их, мать одобряет его увещевания и прибавляет свои, и эта двойная и согласная родительская наука, словно две опоры добрых нравов²⁸. Далеко не все стороны процесса образования и воспитания затрагивает Конверсино в своих работах и письмах. Он

²⁵ Rationarium vite. P. 165.

²⁶ Ibid. P. 167—168.

²⁷ Sabbadini R. Op. cit. P. 208.

²⁸ Ibid. P. 211.

совсем не касается содержания обучения и воспитания, его интересуют скорее вопросы организации образования и некоторые дидактические принципы — новая обстановка в школе, новые методы обучения и воспитания; он высказывает мысли о достоинстве труда учителя. Все это будет в дальнейшем глубже и разносторонне обсуждаться Верджерио и Веджо, Пикколомини и Альберти, Фр. Барбаро и Пальмиери. В творчестве Конверсино обозначился — и, думается, это главное у него — поворот к воспитательным задачам образования. Акцент в его рассуждениях на роли учителя и семьи — свидетельство того, что рождающаяся гуманистическая педагогика утверждает целенаправленный характер воздействия на детей.

Вместе с теоретиком Петраркой думающий практик-педагог и гуманистический писатель Джованни Конверсино да Равенна внес свой вклад в становление гуманистической педагогики.

С. М. Стам

АНТИАСКЕТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ИСКУССТВЕ РАФАЭЛЯ [«Мадонна Альба»]

Творчество Рафаэля принято делить на три основных периода: перуджинский, флорентийский и римский. Действительно, это три важнейшие этапа не только биографии художника, но и развития его искусства: у каждого есть свои особенности. Однако за различиями не следует упускать из виду общности.

Искусство Рафаэля никогда не стояло на месте. Каждый из названных периодов не был замкнут в себе и не может быть определен однозначно. Напротив, внутри каждого из них ясно прослеживается нарастание нового, выводящего за рамки специфики данного периода, — как бы предвосхищение следующего. Конечно, же, ватиканские фрески, которыми открывается римская эпоха в творчестве Рафаэля, такие как «Диспут» и, особенно, «Афинская школа», знаменовали начало нового высокого этапа его творчества. Никогда ранее Рафаэлю не удавалось достичь такой композиционной цельности, такой эпической мощи, такой полноты выражения свободы человеческого духа. Но внимательное рассмотрение

показывает, что этот взлет в значительной степени был подготовлен лучшими творениями предшествующего, флорентийского, периода, убеждает в цельности гуманистической основы искусства художника, в единстве вдохновлявших его идейных устремлений.

Указанная преемственность с особенной силой проявилась снова в рафаэлевских мадоннах, этой ярчайшей ветви всего творческого древа художника. Дело не только в том, какое важное место в римском творчестве Рафаэля заняли мадонны и как много они значили для римского Ренессанса: ведь раньше в Риме фактически не было такой художественной традиции; до тех пор здесь писались только средневекововизантийские образа богоматери, — ренессанскую традицию в этой области создал только Рафаэль¹. Главное состояло в дальнейшем углублении сюжета, в нарастании внутреннего драматизма. Напрасно иные критики пытаются уверить, будто «только римские мадонны (Рафаэля) приобретают серьезность и величие»². Такие творения флорентийского периода, как «Грандука» и «Мадонна на лугу», не позволяют с этим согласиться. А с другой стороны, одна из самых поздних собственноручных мадонн Рафаэля, «Мадонна в кресле», полная человеческой простоты и непосредственности, свидетельствует, как связаны между собою эти два периода, какая органическая цельность присуща творчеству Рафаэля.

Не подлежит сомнению, римские мадонны знаменуют более высокую ступень в восходящем развитии искусства художника. Но путь этого подъема шел по тем же основным линиям, которые определяли идейное содержание лучших достижений предшествующего, флорентийского, периода. И это, прежде всего, — активная антиаскетическая позиция, которая была стимулирована могучим идейным влиянием Леонардо да Винчи. Рассмотрение флорентийских мадонн Рафаэля показывает, как горячо, как быстро и как глубоко молодой урбинец воспринимал мятежные идеи винчианца, пафос его творений, проникнутых неприятием культа богоугодной жертвенности, отрицанием аскетизма. Избрав, вслед за Леонардо, в качестве, так сказать, преломляющей линзы для воплощения этой идеи образ Иоанна Крестителя и сюжетные ситуации с его участием, Рафаэль еще во Флоренции

¹ См.: Putschner M. Raphaels Sixtinische Madonna. Tübingen, 1955. S. 247.

² Ibid.

создал целое созвездие мадонн, чарующе привлекательных не только своей гармоничностью, но и глубоко человеческой серьезностью и драматической насыщенностью³.

Как свидетельствуют факты, эта нить не была порвана с переездом в Рим. Она протянулась дальше, почти до последних лет жизни художника («Мадонна в кресле»), свидетельствуя, что указанная проблематика продолжала глубоко волновать его. Не примечательно ли, что именно в то самое время, когда создавались грандиозные фрески в Станца дела Сеньятура, и именно «Афинская школа», Рафаэль создал другой шедевр, выразительно продолживший «флорентийскую» линию, — бесподобную «Мадонну Альба» (Вашингтон, Национальная галерея искусства).

Новейший критик, специально обратившийся к этому творению Санти, Джек Вассерман убедительно доказал эту синхронность⁴. Прав он и в том, что эта картина до сих пор не привлекла к себе того внимания ученых, какого она заслуживает. В свое время А. В. Вышеславцев был склонен ставить ее ниже юношеского творения Рафаэля — «Мадонны Конестабиле»⁵. Вообще большинство авторов, пишущих о Рафаэле, в отношении «Мадонны Альбы», как правило, ограничиваются беглыми замечаниями, да и то — чисто формального свойства. Так, З. Ашнер отметил только целостность компактной композиции всей группы, воспринятое у Леонардо треугольное построение и идущую влево вниз диагональную ось картины⁶. Подобным же образом и Дж. Уокер, автор недавней работы о Вашингтонской Национальной галерее, признавая в этом творении Рафаэля «одно из высших достижений композиционного искусства всей ренессансной живописи», его главное достоинство видит в «изумительной внутренней уравновешенности, стабильности», — и только⁷.

³ См.: Стам С. М. Флорентийские мадонны Рафаэля. Саратов, 1982.

⁴ Картина создавалась в основном в 1509—1510 гг. и, быть может, заканчивалась в 1511 (см.: Wesserman J. The genesis of Raphael's «Alba Madonna»//Studies in the history of art. Washington, 1972. Vol. 8. P. 35—37; Putschner M. Op. cit. S. 267).

⁵ См.: Вышеславцев А. В. Рафаэль. СПб., 1894. С. XVII.

⁶ См.: Aschner S. Raifael, der Maler reiner Schönheit. München, 1920. S. 82.

⁷ Walker J. National gallery of art, Washington. Washington, 1975. P. 178.

Статья Дж. Вассермана немало прояснила предысторию картины, точнее историю долгих и настойчивых поисков Рафаэлем композиционных решений целого, отдельных фигур, их атрибутов и жестов. К сожалению, критика не привлек вопрос, чего же именно так упорно искал художник, что его волновало, почему он пришел именно к такому окончательному решению, иначе говоря, — в чем состоял его замысел? В итоге сама картина привлекла Дж. Вассермана, пожалуй, еще меньше, чем критикуемых им предшественников. Она не представляет в его глазах никакой загадки и легко, скороговоркой истолковывается в духе традиционной поверхностной благочестивой риторики. И критик как будто не замечает, до какой степени его истолкование не соответствует тому, что изображено на картине.

Сколько нам известно, только однажды была сделана попытка приблизиться к смыслу этого произведения Рафаэля⁸, но В. Нимайер, как увидим, подойдя вплотную к двери, ведущей к замыслу художника, к сожалению, так и не решился ее открыть.

Однако обратимся к самой картине. С первого же взгляда «Мадонна Альба» очаровывает ощущением покоя, уравновешенности, тихого гармонического созвучия. Широко и привольно раскинулась зеленая равнина луга, за нею — голубая гладь озера, окаймленного деревьями. И надо всем этим — лазурный купол неба. На переднем плане, посреди луговины, на фоне этой мирной, ласкающей глаз зелени и голубизны, — мадонна. Она сидит на земле, прислонясь к широкому, полусгнившему дубовому пню. (Что это — намек? По-итальянски «дуб» — говеге; это имя знатного рода, который дважды владел папским престолом; в рассматриваемое время его возглавлял Юлий II Ровере). Поза Марии необычна, но свободна, и дышит тем же покоем, что и окружающая природа. Вся ее фигура полна пластической красоты и высокого достоинства: благородный, скульптурно рельефный корпус развернут к зрителю; левая нога, с обнаженной, в римской сандалии, стопой, энергично и свободно выдвинута вперед и влево; на правую, согнутую в колене, положенном на землю, она опирается; крупная левая рука держит на колене книгу. Красивая и сильная шея; великолепная голова, обрамленная бронзовыми волосами, слегка прикрытыми платком; красивое, умное, несколько широко-

⁸ См.: Niemeier W. Die Madonne Alba//Belvedere. 1928.

Рафаэль. Мадонна Альба. 1509—1510. Вашингтон, Национальная галерея искусства

скулое лицо, с высоким и чистым лбом, с большими, выразительными глазами — все привлекает в этой женщине, такой земной и такой возвышенно прекрасной.

И хотя поза Марии и ее облик здесь иные, есть в этой позе, и в облике, и в окружающем широком, вольном ландшафте, и во взаимоотношении человека и природы что-то очень напоминающее одну из лучших «пленэрных» флорентийских мадонн Рафаэля — «Мадонну на лугу» (1505. Вена, Музей истории искусства). Слово та же серьезность и внутренняя сила. Но, вместе с тем, и в фигуре, и в мягких очертаниях и светотеневой лепке открытой шеи, головы, лица — больше женственности, больше трогательной нежности. Той же чару-

ющей нежностью веет и от ее одежд — от простой, но изящной туники, мягко прикрывающей грудь, и от широко ниспадающих складок плаща, легко и свободно лежащих на зеленой земле. Эта поэтическая мягкость, которой овеяна центральная фигура всей композиции, есть, видимо, та главная сила, которая неотразимо привлекает к картине.

На коленях мадонны — младенец-Иисус во всей живой прелести и нежности раннего детства. Слева перед ним, на траве, присел на пятки мальчик постарше — Иоанн Креститель. В его руках камышовый крест, к которому тянется младенец. Все три фигуры, кажется, образуют единую сплоченную группу, созвучную во всех отношениях. Это впечатление слитности, единства усилено и как бы завершается циркулярной формой картины (тондо), дающей впечатление совершенной цельности и гармонии. При этом тондо мастерски уравновешено: горизонт поставлен высоко — небу оставлено не больше трети высоты, что дает устойчивость всей композиции, особенно фигуре Марии; линии горизонта выразительно вторят несколько горизонталей: полосы пологого берега, мысов и заливов озера, длинные ряды деревьев. Все дышит гармонией, тихим безмятежным покоем. Не удивительно, что чаще всего картина воспринимается как идиллия. Отзыв Г. Стречи в этом отношении типичен: «Как прекрасную идиллию ничто из произведений Рафаэля не может превзойти его живописного тондо «Мадонна Альба»⁹.

Идиллия? Но где же на лице мадонны улыбка? Где свет радости? Нет в нем и тихой умиротворенности. На нежном, прекрасном этом лице — печать сосредоточенной настороженности, даже скорби. Взгляд обращен не на сына, но поверх его головы и круто влево, на Иоанна Крестителя, и в этом пристальном и печальном взгляде — какая-то горькая мольба. Свою правую руку Мария положила на плечо Иоанна: она о чем-то настойчиво просит его.

Очевидно, все не так просто, как кажется с первого взгляда, и объяснения настроения и поведения матери следует искать в том, что происходит между детьми. Младенец совершенно обнаженный, сидит на правом колене Марии; Иоанн Креститель, в звериной шкуре пустытника, по всей видимости, подошел откуда-то слева и, подсев к младенцу, протягивает ему камышовый крестик. Маленького Иисуса привлекает эта игрушка, он тянется к ней, пытается ухватить ее

⁹ Strachey H. Raphael. L., 1900. P. 82.

правой рукой, но в то же время что-то в ней его пугает, и он отклоняется в сторону матери. Марию крест беспокоит еще больше: она знает, к какому трагическому концу приведет он ее сына, — в ее левой руке книга, которую она, очевидно, только что читала¹⁰. Мать пытается отвести от своего сына жертвенную судьбу. Положив правую руку на плечо маленького аскета, она просит его уйти, прекратить эту опасную забаву. Но тот не собирается уходить. Не обращая внимания на просьбы мадонны, он удовлетворенно следит за тем, как младенец интересуется крестиком и, возведя глаза к небу, видимо, зовет маленького приятеля через жертвенную муку к небесному блаженству.

Вот где источник острого беспокойства матери. Начало конфликта — в действиях Иоанна Крестителя. Для уяснения этого много дают дошедшие до нас наброски к картине, в которых отразился путь напряженных поисков художником не только общего художественного решения, но в первую очередь той формы, которая позволила бы наиболее полно раскрыть идейно-нравственное содержание образа Иоанна, отвечавшее замыслу Рафаэля. На одном из подготовительных рисунков (около 1510. Роттердам, Музей Бойманса — ван Бёнингена¹¹) Креститель принес младенцу-Иисусу в подоле своей пустынной хламиды груды каких-то плодов (фиников?) и с настойчивой просьбой смотрит вверх и вправо (на мадонну), очевидно прося ее разрешить сыну принять эти дары и отпустить младенца с ним. На другом наброске (Париж, Лувр¹²) пришелец из пустыни притащил младенцу ягненка (жертвенное животное), которого тот, не без опаски, пытается погладить по голове.

Таким образом, с самого начала Иоанн выступает как искуситель: своими дарами он пытается увлечь доверчивого младенца ролью жертвы, предназначенной богу. Испытание совершается как бы в форме игры, но всюду проступает ее зловещий смысл. Наиболее отчетливо он раскрывается в тех рисунках Рафаэля, которые дошли до нас в копиях Чезаре да Сесто (около 1510), особенно на листе из коллекции Ко-

¹⁰ Примечательно, что на одном из эскизов композиции «Мадонны Альба» (копия — в лильском Дворце изящных искусств) Рафаэль даже пытался изобразить книгу в правой руке Марии — между фигурками обоих мальчиков, как знак намерения матери отделить ее ребенка от маленького пустычника, проповедующего отшельничество и жертву.

¹¹ См.: Wasserman J. Op. cit. Fig. 22.

¹² См.: Ibid.

ролевской библиотеки в Виндзоре¹³. На одном из них мальчик Иоанн изображен верхом на барашке, с длинным камышовым крестом под мышкой. Здесь соединены вместе и агнец и крест — оба символа мистической жертвы, которыми фанатичный аскет старается увлечь младенца Иисуса¹⁴. Второй рисунок показывает, как художник искал формы изображения следующей фазы искушения: уже сам младенец, увлеченный приятелем, взбирается на барашка.

Нужно отметить, что эту ситуацию, прямо повторяющую то, что впервые изобразил Леонардо да Винчи на знаменитом картоне к «Св. Анне» (1501), Рафаэль еще прежде сделал центральной темой своей картины «Св. семейство с ягненком» (Мадрид, музей Прадо), созданной в 1507 г. во Флоренции¹⁵. Очевидно, при создании «Мадонны Альба» мысль художника двигалась в том же русле.

Но на упомянутом Виндзорском листе копий Чезаре да Сесто с оригиналов Рафаэля, в правом верхнем углу, в глаза бросается еще один любопытнейший эскиз — иной вариант всей композиции¹⁶. Мария сидит на земле, опираясь на левую руку, младенец-Иисус — верхом на ее согнутой правой ноге. Мальчик Иоанн, коленапреклоненный, благоговейный, с улыбкой преподнес младенцу какую-то птицу; приподняв крылья, она села на плечо ребенка, вытянула шею и длинным, острым клювом клюет его в грудь (!). Младенец в ужасе закрычал, — рот резко раскрыт, волосы встали дыбом. Мать придерживает его правой рукой, чтобы он не упал, и упорным взглядом, полным укоризны, неприязненно смотрит на Иоанна Крестителя.

В этой попытке иного композиционного решения Рафаэль непосредственно отталкивался от композиции микельанд-

¹³ См.: Ibid. Fig. 6. Дж. Вассерман убедительно обосновывает достоверность этих копий. Чезаре да Сесто (1477—1523), сделавшись в Милане учеником Леонардо, копировал многие его рисунки к «Св. Анне» и к утраченной «Мадонне с мотовилом». Перебравшись в 1510 г. в Рим, он подружился с Рафаэлем и неустанно копировал его собственноручные рисунки к ряду мадонн, особенно к «Мадонне Альба». Хороший рисовальщик и добросовестный копист, он смог приблизиться к наиболее верной передаче рафаэлевской манеры начертания (дукта), пластичности и живости его оригинальных рисунков (см.: Wasserman J. Op. cit. P. 49).

¹⁴ Как Иоанн Креститель, сидя на ягненке, манит к себе маленького Христа, можно видеть на другом рисунке в копии того же Чезаре да Сесто (Париж, Лувр). См.: Wasserman J. Op. cit. Fig. 7.

¹⁵ См.: Стам С. М. Флорентийские мадонны Рафаэля. С. 57—60.

¹⁶ См.: Wasserman J. Op. cit. Fig. 6.

желовского круглого рельефа «Мадонна Таддеи» (1505—1506. Лондон, Королевская академия), который во Флоренции он копировал дважды. Но драматизм ситуации, гибельность «дара» маленького аскета выражены у урбинца острее и еще острее подчеркнута коварство искушения, скрытого под видом игры. Как ни странно, при всей обстоятельности Джека Вассермана, этот рисунок вовсе не привлек его внимания.

Таким образом, перед нами не беззаботная и не обоюдоравная игра двух детей. Очень важно отметить, что художник резко противопоставил друг другу обоих мальчиков как два противоположных человеческих типа. Младший — наивный, увлекающийся и доверчивый, старший — искушенный, настойчивый, хладнокровно соблазняющий. Младенец-Иисус строен, гибок, черты его лица тонки, и хотя это отнюдь не маленький взрослый, как было принято в иконописи, а живой, естественный ребенок, — от всего его облика веет и детской непосредственностью, и, одновременно, какой-то интеллектуальностью, высоким и чистым благородством. Его абсолютная нагота обостряет ощущение его непосредственности, открытости и незащищенности перед замыслами искушенной хитрости. Напротив, Иоанн Креститель плотен сложением, тяжеловат, пожалуй даже толст, — и не столько телом, сколько лицом. В лице этом — что-то самодовольное и туповатое.

Это впечатление нравственной противоположности художник мастерски закрепил и усилил средствами цвета. Кожа мальчика-пустынника темна от загара; темны и жестки волосы. Напротив, голова младенца-Христа покрыта нежными золотистыми кудрями, а его тело сияет почти ослепительной белизной. И тогда как одно неотразимо привлекает взгляд, другое отталкивает¹⁷.

Противопоставление двух важнейших (и, согласно традиции, глубоко единомысленных) персонажей евангельского мифа само по себе было еретичным. Правда, оно не было новостью в искусстве Высокого Возрождения. Начатое мятежником из Винчи, подхваченное Микельанджело¹⁸, оно широко

¹⁷ Позволим себе высказать предположение: быть может, это цветовое противопоставление в картине Рафаэля помогло Тициану найти гениальное художественное решение его картины «Дикий Кесаря» (1518, Дрезден, Картинная галерея)?

¹⁸ См.: Стам С. М. К вопросу об идейном содержании творчества Леонардо да Винчи («Иоанн Креститель»)//Средневековый город. Саратов, 1975. Вып. 3; Его же. Микельанджело и Леонардо//Там же. 1976. Вып. 4.

ко реализовалось уже во флорентийском творчестве Рафаэля¹⁹. И, однако, никогда ранее у Рафаэля это противопоставление не было выражено столь резко, полно, предельно ясно. «Мадонна Альба» предстает перед нами и как прямое продолжение флорентийских мадонн художника, и как новое слово в этом ряду, как еще более зрелое и четкое выражение тех идейных импульсов, которые определяли рафаэлевскую трактовку этого сюжета.

Итак, то, что Рафаэль изобразил на этом тондо, — отнюдь не идиллия. За оболочкой светлой гармонии открывается глубокая драма. Какие-то догадки на этот счет давно уже стали проскальзывать у отдельных более проницательных критиков. Так, В. Нимайер в своей статье 1928 г. фиксировал наблюдение, вынесенное из долгого и пристального рассматривания картины: прекрасные глаза Марии увлажнены набегающими слезами²⁰. Верное и очень многозначительное наблюдение. Оно должно было бы побудить к пересмотру традиционного идиллического и религиозно-апологетического истолкования картины. Но этого не произошло. Нимайер не счел нужным поставить вопрос: чем же непосредственно вызваны эти слезы, что происходит на картине, каковы истинные взаимоотношения действующих лиц?

Но там, где обойден, оставлен нераскрытым замысел художника, там неизбежно нераскрытой останется и форма. Станным образом, дотошная искусствоведческая критика, обычно такая придирчиво-цепкая во всем, что касается формы, до сих пор почти полностью обходит вниманием явные формальные неожиданности, содержащиеся в этой картине. Рафаэль был великим мастером композиции. Прекрасно владел он и формой тондо, — он это доказал еще «Мадонной Конестабиле» (1500—1502. Ленинград, Эрмитаж). И в «Мадонне Альба» он создал великолепный образец уравновешанной «пирамидальной» композиции, вписанной в круг. А вместе с тем наполнил это тондо фигурами и движениями, явно диссонирующими с гармонической завершенностью циркулярной формы.

В самом деле, Мария сидит широко и свободно, но вся ее фигура, со слегка наклоненным влево (по восходящей диагонали) корпусом, еще резче наклоненной в том же направлении головой и с резко выдвинутой влево же (по нис-

¹⁹ См.: Стам С. М. Флорентийские мадонны Рафаэля.
²⁰ См.: Niemeyer W. Op. cit. S. 43.

ходящей диагонали) левой ногой, образует большой, четко очерченный прямой угол, который контрастирует с ласкающей глаз округностью тондо и успокаивающими горизонтальными линиями пейзажа. Но именно большой, через всю картину угол оказывается структурообразующей основой всей композиции. Его впечатление усилено резко согнутым в том же направлении локтем левой руки Марии, держащей книгу. Этот угол, внешний по отношению к корпусу, — даже острый. Он подчеркнут наружными складками плаща (вдоль плеча) и ярко высвеченными предплечьем и кистью, что придает всей позе остроугольный характер. Мало того, левая ножка младенца, ищущая опоры и защиты в лоне матери, почти точно повторяет ее жест: она согнута под еще более острым углом, вершина которого направлена в ту же сторону.

Но в ту же сторону — это значит в сторону от Иоанна Крестителя. Слово его фигура извне, слева давит на группу Марии и младенца. А эта группа сопротивляется. Художник со всею силой дает это почувствовать с помощью почти прямой вертикальной линии левого края корпуса маленького Иисуса и твердо поставленной правой ноги, на которую он опирается. Эта линия, как отвесная стена, противостоит устойчивости искусителя-пустынника. Более того, если мы поднимем взгляд выше, то увидим над головой младенца, в том же повороте, голову Марии: мать всецело поддерживает и защищает свое дитя. Если же взглянем ниже, то прямо под правой ножкой маленького Иисуса, на одной с нею линии, но чуть впереди, увидим решительно выдвинутую и твердо поставленную на землю левую стопу мадонны. Это жест защиты и, одновременно, противодействия. И становится ясно, что поза твердо поставленной на землю ножки ребенка — только согласное эхо жеста матери: оба они стоят вместе.

И все-таки группа Марии и младенца подается под натиском, исходящим от Иоанна, как бы прогибается в противоположную сторону, вправо. Однако это не мягкий, плавный прогиб, а болезненно острые углы, усиливающие ощущение драматизма происходящего.

Но и это еще не все. На ласковой лазури неба, на переднем плане, художник изобразил только два облачка. Оба — слева, над горой, что виднеется вдаль, и — прямо над головой младенца-Иисуса. Оба — легкие, перистые. Но оба — нервически-извилистые, словно круто переломленные ветром в остром угле. Мучительная нота тревоги пронизывает самую природу, на первый взгляд, такую безмятежную.

Сложна, внутренне противоречива вся композиция картины²¹. Казалось бы, это обычная для рафаэлевских мадонн (начиная с «Мадонны на лугу»), усвоенная от Леонардо «пирамида». Ее вершину образует голова Марии; левая сторона проходит от этой вершины по макушкам голов детей и по внешнему контуру фигуры Иоанна Крестителя; правая — по внешней линии головы и плеча мадонны, по краю дубового пня, а ее мысленное продолжение упирается в округлость тондо. Основание же пирамиды образует горизонталь, намечаемая (слева направо) нижними контурами шкуры и согнутой в колене ноги Иоанна, противостоящего ему колена Марии, пальцами упирающейся в землю ножки младенца-Иисуса, а далее — вдоль горизонтальной линии складки и вытянутого вправо по земле края одежды мадонны; продолжением этой линии можно считать и цветок, растущий рядом с этим краем на том же направлении, и уходящую вправо полосу тени от старого пня. Этот треугольник объемлет все три фигуры сюжета.

Но бросается в глаза, что треугольник этот непривычно для Рафаэля широк и, главное, — рыхл. Его основание достаточно зыбко, особенно справа, и решительно нарушается выдвинутой вперед, за эту линию, левой стопой мадонны. Правую сторону треугольника нарушает торчащий край пня, образующий острый навесной угол, правый же угол пирамиды — важнейший элемент ее устойчивости — вообще отсутствует, зияет пустота! Весьма условна и левая сторона треугольника: вершины голов Марии, младенца и Иоанна не лежат на одной линии. В результате Иоанн Креститель почти выпадает из намеченной пирамиды.

Зато гораздо четче и последовательнее проступает другая композиционная структура. Общая направленность движения двух главных фигур вправо, как бы прочь от непрошенного гостя, объединяет мать и сына в новом, обособленном композиционном единстве. Это тоже треугольник, но не тот, ставший уже традиционным, как пирамида, опирающаяся на прочную горизонталь. Две стороны этого треугольника образует резко надломленная внешняя линия фигуры Марии: от головы (платка) — сверху вниз и направо — вдоль левого плеча до сгиба локтя и от этой точки — резко вниз и

²¹ Критики обычно подмечают в ней только уравновешенность (см.: Strachey H. Op. cit.; Walker J. Op. cit.; Putschner M. Op. cit. S. 124; Wasserman J. Op. cit. P. 61).

влево — до выставленной вперед левой стопы. Этот большой острый угол, как бы уводящий от искусителя, слева почти вплотную замыкается третьей стороной треугольника, идущей почти вертикально (с легким отклонением вправо) от вершины лба (верхнего выступа платка) Марии, через голову младенца и почти отвесную линию его корпуса и правой ноги, к той же выдвинутой вперед стопе матери.

Эта левая грань «пирамиды» словно отрезает группу мадонны и младенца-Иисуса от Иоанна Крестителя. И хотя ручка младенца, нерешительно охватывающая крестик, и рука матери, просительно положенная на плечо маленького аскета, выходят за пределы этого треугольника, они не нарушают отмеченной отгороженности двух основных фигур: обе эти руки художник в большей части покрыл тенью, тогда как лицо, противолежащая фигуре Иоанна сторона корпуса и правая нога младенца-Иисуса сверкают белизной. С помощью цвета и света художник четко отделил две центральные фигуры от третьего персонажа, который в итоге оказывается каким-то внешним, чуждым добавлением к основной группе, цельной в самой себе.

Стоит присмотреться к тому, как мастерски художник добился этой цельности, какими средствами он сумел вызвать у зрителей ощущение гармоничности композиции. Позы Марии и младенца различны, но — сколько созвучий! Головы склонены в одну сторону и под тем же углом, их осевые линии параллельны, одно движение вторит другому; мать всем сердцем со своим детищем. Точно так же позиция правой стопы младенца (как уже было отмечено) как эхо повторяет более сильную позицию левой стопы матери. Точнее было бы сказать: движения матери неотступно (только сильнее) следуют за движениями ее ребенка, подкрепляют их, — она защищает его. И тогда энергичный жест левой ноги Марии — это не только естественное движение свободно сидящего на земле человека, но одновременно и движение защиты ее ребенка, беззащитного перед силами искушения.

А, с другой стороны, поза младенца, основная ось тела которого образует чуть наклонную, почти вертикальную линию, замыкающую открытую сторону большого угла фигуры мадонны, как бы соединяет две крайние точки его сторон — голову и выдвинутую левую стопу — и словно прикрывает собою мать. Так консонанс скрепляет всю основную группу — от верхней до нижней ее точки. Тем же созвучием полны и жесты двух рук — матери и сына — в сторону Иоанна Крестителя. Но роли снова меняются: младенец тонкой об-

наженной ручонкой пытается ухватить заинтересовавший его крестик, и тогда мать свою большую руку в широком рукаве кладет на плечо искусителя, пытаясь увещевать его и защитить свое детище. Так средствами композиции и соотношения жестов художник пробуждает у зрителя ощущение глубокой любви матери к ее ребенку, ощущение органической душевной слитности этих двух человеческих существ, — и здесь первейший источник неотразимой привлекательности картины.

Но в этой группе гармонизовано не только позитивное, но, так сказать, и негативное, отрицающее начало. Напряженный остроугольный сгиб левой ножки младенца, обращенный к матери, вполне соответствует более широкому, но тоже остроугольному, сгибу левой руки Марии. И если правая ножка Иисуса не просто поставлена вертикально, но опять-таки *напряженно* отклонена вправо, словно он и тянется к Иоанну Крестителю, и одновременно хочет оттолкнуться, отдалиться, тем самым выражая противодействие ему, то ведь и жесты мадонны имеют ту же направленность. Ее левая нога, в сущности, выброшена *против* незваного гостя из пустыни, и точно так же, против него, выдвинуты и согнутое правое колено Марии, и протянутая в этом же направлении, с укором и увещеванием, ее правая рука. А справа, из глубины, против него же направлен жест согнутой левой руки мадонны: указательный палец заложен на нужной странице книги, чей остро очерченный переплет, продолжая линию пальца, корешком направлен против Иоанна. Линию этой «стрелки» переплета книги продолжает и усиливает энергично согнутое правое колено Марии, которое словно не дает Иоанну Крестителю пути дальше. Все это, по сути, — движения неприятия и защиты.

Младенец, увлекаемый любопытством, еще в какой-то мере колеблется. Мать же мудра и потому непреклонна в защите своей материнской, человеческой, любви, в своем неприятии аскетической жертвенности. Но и младенец в этом неприятии — с нею. Поразительно энергичный жест его правой ножки, словно отталкивающий искусителя, не только полностью согласуется с движением ноги матери, резко выдвинутой вперед и влево, но, сходясь с ним в одной точке, великолепно усиливает его эффект: все сливается в единое «уйди!», обращенное к незваному пустынноку.

Разумеется, компоновкой фигур и жестов дело не исчерпывается, — это очень важная, но лишь структурная основа. Глубокое духовное родство двух главных персонажей убедит-

тельно выражено в чистоте и благородстве их лиц, всего их облика. Только у младенца этот свет изливается как живая любознательность, простодушие и доверчивость, тогда как у его матери — как сдержанная сердечная нежность, тревога за судьбу сына, горячее стремление уберечь его от губельного искушения. И, наконец, мастерское использование цвета и света позволяет художнику окончательно слить мать и ребенка в единое гармоническое целое и одновременно противопоставить это целое вторжению чуждого элемента, олицетворенного в маленьком отшельнике, назойливо предлагающем свои зловещие дары.

Здесь нужно кратко остановиться на одном моменте, который критики отмечают давно и, можно сказать, единодушно. «В позе мадонны, — писал А. В. Вышеславцев, — чувствуется языческая грация Сафо»²² (имеется в виду, конечно, Сафо рафаэлевской фрески «Парнас»). По мнению Дж. Вассермана, облик этой мадонны в целом напоминает «импозантную богиню»²³. А Мариэлен Пучер вообще считает, что возвышенность образа римских мадонн Рафаэля «ориентирована на красоту и достоинство античных образов»²⁴.

В этом есть несомненная доля истины. Но что же это значит: Рафаэль ориентировал облик христианской богоматери на облик языческих богинь? Критики, не допускающие иного понимания творений Рафаэля кроме правомерно благочестивого, не замечают, что это их наблюдение противоречит их же собственным построениям. Разумеется, художника привлекало не само по себе «язычество», не античный политизм. Но едва ли дело заключалось, как думает Вассерман, просто в том, что, поставленный во главе всех археологических работ в Риме, Рафаэль ближе познакомился с античными древностями, — вот и обул мадонну Альба в римские сандалии. Здесь, очевидно, ближе к истине подошла М. Пучер: речь должна идти об общей ориентировке образа. Но только с большими оговорками. Разве встретим мы в лицах и в движениях Мадонны Фолиньо, Мадонны в кресле, Сик-

²² Вышеславцев А. В. Рафаэль. С. 398.

²³ Wasserman J. Op. cit. P. 60.

²⁴ Putschner Op. cit. S. 247. В свете этих наблюдений — не следует ли видеть в «Мадонне Альба» один из этапов приготовления того образа матери большого юноши (непримиримой Справедливости) в рафаэлевском «Преображении», — по мнению Вазари, центрального образа этой картины, — в котором красота и высокое достоинство античной богини сочетаются с традиционным одеянием мадонны?

стины ту царственную, абсолютную уравновешенность, то само себе равное состояние духа, которым дышат классические образы Геры, Афины, Афродиты? тех эллинских богов и богинь, что жили, по словам Гесиода, «с спокойной и ясной душой»? Нет олимпийской невозмутимости и в лице мадонны Альба, овеянном глубокой печалью, в ее глазах, полных тревоги, мольбы и едва сдерживаемых слез. Возрождение не реставрировало духовного мира античности, оно творило свой, новый, более сложный, эмоционально более насыщенный мир, рождавшийся из борений иной эпохи.

Тогда — в чем же справедливость сделанного наблюдения? «Антикизированность» рафаэлевских мадонн (особенно — римских) была формой утверждения их земного совершенства и достоинства, возвышенной человечности. И в этом, конечно же, содержался скрытый вызов той «небесной» отрешенности, которой требовала религия и которую пытается навязать искусству Рафаэля идеалистическая критика, не сомневающаяся в его безусловном правоверии.

Однако прием «антикизации» служит в картине Рафаэля также для решения и другой задачи. Обратим внимание: этот прием не замыкается на фигуре мадонны, но ярко проявляется в трактовке всей центральной группы. Поза Марии действительно исполнена «классической» грации, но, может быть, именно потому, что прежде всего исполнена свободное, раскованности, достоинства и внутренней силы; энергичское движение выдвинутой вперед левой ноги, как точкой, завершающей утвердительный риторический период, замыкается твердо поставленной обнаженной стопой в римской сандалиии. Полнокровная, осязаемая телесность фигуры, гордая посадка великолепной головы, правильные, благородные черты лица, простое изящество античной одежды — все это создает впечатление глубоко человеческой и вместе с тем очень высокой чистоты. Целиком в том же ключе создан и образ младенца-Иисуса: полная (античная!) нагота, исключительная, поистине праксителевская, живость, пластичность и свобода во всем — во взгляде, в мягких кудрях над высоким лбом, в твердой постановке правой ноги и в своевольном (в то же время — таком естественном!) движении левой ноги, повторяющем жест левой руки матери. Сверкающая белизна лица и тела младенца не только соответствует, перекликается с белизной лица, груди, левой руки его матери, но — еще более яркая — словно бы фокусирует в себе эти ее черты и замыкает собою, завершает цельность и обособленность центральной группы тондо.

Маленький Иоанн — вне этой цельности. И не только композиционно. Он типологически чужд миру главной группы. Напрасно было бы искать в нем черты античного идеала. Фигура его лишена той пластичности, которая так привлекает в фигуре младенца-Иисуса. Напротив, чувствуется какая-то приземистость, тяжеловесность: члены мясисты, шеи почти вовсе нет, непропорционально большая голова ушла в плечи; волосы, как уже было отмечено, темны и жестки; лицо, быть может, не отгаливающим, но и не привлекательное — плосковатое и невыразительное; глаза возведены к небу. В сопоставлении с полным жизни лицом младенца, лицо Крестителя выглядит почти неподвижной маской. Оно представляется смягченным вариантом той тупой физиономии силена, которой Микельанджело наделил Иоанна Крестителя на своем мраморном тондо «Мадонна Питти» (1504—1505. Флоренция, Национальный музей).

Вплотную придвинувшись к основной группе и присев на пятки, пришелец из пустыни почти весь погрузился в свою звериную шкуру, которая никак не вяжется со всем обликом и внутренним строем центральной группы. Если в этой группе действительно веет эллинский дух, то, пожалуй, в облике маленького пустытника есть нечто варварское, во всяком случае — глубоко несозвучное облику двух центральных персонажей.

При всем этом — как можно согласиться с утверждением Дж. Вассермана, что картина отличается «монолитной компактностью целого»?²⁵ Напротив, основная группа образует замкнутый треугольник (Иоанн Креститель — вне его) в центре круга, причем его опора — остроугольная вершина (пальцы выставленной вперед ноги Марии) — обращена вниз и влево, что придает всей группе оттенок крайней неустойчивости. Мария, казалось бы, сидит свободно и прочно, но поза ее построена таким образом и так распределено освещение, что зритель не может отделаться от впечатления, будто ее фигура опирается на высвеченную художником косую линию левой ноги (стопа, голень) и предплечья и вся группа мадонны с младенцем клонится вправо, в направлении резко согнутого локтя Марии, так что и полуразвалившийся дубовый пенёк едва ли сможет ее удержать.

²⁵ Wasserman J. Op. cit. P. 61.

Это — не промах художника, но результат продуманного расчета. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратить внимание на то, как старательно высвечены лежащие на земле складки одежды мадонны. Эти горизонтально положенные полосы света создают дополнительную «опору» для косо расположенной фигуры Марии и всей центральной группы, придавая ей впечатление устойчивости. Этой же цели служит и четко прочерченная горизонтальная складка (там, где край одежды мадонны соприкасается с землей), и горизонтальная тень от пня. Но тот же художник косо (с наклоном вправо!) очертил контур этого пня, на который опирается мадонна, и, можно сказать, отломил весь правый угол треугольника композиции, тем самым лишив ее правой опоры.

Не все спокойно и в пейзаже. Уходящая вдаль зеленая равнина к горизонту замыкается гладью озера, окаймленного куполами деревьев, поселками, полосой леса. Справа, за спиной Марии, мягкий ландшафт переходит в прозрачные дали, и только слева, над головой Иоанна Крестителя, за озером поднимается холм, а за ним сумрачно громоздятся скалистые отроги уже нешуточных гор. Что-то недоброе чувствуется в их далеких, но явственных, суровых очертаниях. Они словно пришли откуда-то из глубины и слева, и их мрачные уступы как бы докатываются — там вдали — до середины картины (за головой маленького Иисуса). Как раз над этими суровыми отрогами остановились в своем изломе два легких, но тревожных, облачка.

В контексте картины эти горы на дальнем плане — приглушенно грозный эмоциональный аккорд, подобный отдавленному грому; он подчеркивает драматизм целого и достаточно ясно связывает этот драматизм с третьим участником действия. Что ж, достаточно многозначительно. Но на подготовительном эскизе (около 1509. Лилль, Дворец изящных искусств) Рафаэль высказался прямее: за фигурой Крестителя видна крутая гора — Голгофа. Художник не оставил на этот счет сомнений: на вершине горы он бегло набросал ее страшные приметы — высокие кресты казни. Они вздымаются прямо над той корзиной с лакомствами (фруктами), которую принес и предлагает младенцу маленький отшельник.

Вообще у Рафаэля очень часто в подготовительных рисунках замысел выражен острее, нежели затем в картине. В смело найденной, необычной позе Марии, да и младенца, — больше динамики. В обеих фигурах резче выражен порыв отталкивания от незваного гостя с его опасными дарами: корпус мадонны наклонен еще круче, левый локоть отведен

Рафаэль. Эскиз к картине «Мадонна Альба» и другие наброски.
Около 1509. Лилль. Дворец изящных искусств

дальше. В каком-то вихревом движении она рвется сама и стремится увлечь своего младенца прочь от искушителя. В ее лице и особенно во взгляде резче выражены тревога, упрек, настойчивое увещание. Во взгляде младенца гораздо острее звучит настороженность, недоверие, хотя и здесь он тянется ручкой — то ли к фруктам в корзинке, то ли к едва намеченному камышовому крестику (художник еще не сделал окончательного выбора). Отметим кстати: хотя на картине Рафаэль отказался от варианта с лакомствами, но и там можно видеть, как в пространстве между правым коленом Марии и грудью маленького Иоанна его отшельническая звериная шкура отвисает так, словно в ее подоле что-то принесено.

Любопытен маленький набросок в правом нижнем углу того же лилльского листа с эскизом общей композиции картины. Мастер искал решения позы младенца-Иисуса в момент, когда Иоанн Креститель принес ему свои дары. Ребенок сидел на правой, согнутой в колене ноге Марии. В испуге он отпрянул вправо и вверх — к матери, протягивая к ней руки. Напряженный, полный ужаса взгляд обращен влево и вниз — очевидно на Иоанна; рот раскрыт в крике. Не находя точки опоры, он почти падает вправо. Позой, общим характером движения эта фигура очень напоминает младенца-Иисуса, отпрянувшего от Иоанна Крестителя с его зловещей птичкой, на мраморном тондо Микельанджело «Мадонна Таддеи». Но в наброске Рафаэля еще больше бурной экспрессии. Затем, в картине, художник избрал иное, более сдержанное решение, однако суть конфликта осталась тою же самой.

Более того, на картине суть эта выражена даже четче: в руках искушителя не плоды, а крест. Именно его принес младенцу-Иисусу пришелец из пустыни, именно он привлекает любопытство младенца и одновременно смутно пугает его. Мария же знает, чем грозит ее сыну увлечение этой игрушкой, и просит, молит Иоанна оставить их. Но маленький аскет остается глух к ее увещаниям. Вот почему лицо ее так печально, а в глазах — слезы.

Только игнорируя эти несомненные факты искусства, можно утверждать, как это делает Дж. Вассерман, что всю картину пронизывает «ненарушимое спокойствие», «гармония и устойчивость»; что художник изобразил полное единодушие Иоанна Крестителя, младенца-Христа и Марии вокруг креста как символа искупления, а Мария даже якобы «созерцает крест с нежностью»; и что в целом перед нами сугубо религиозное, иератическое произведение — «sacred representa-

tion»²⁶. Подобным же образом и М. Пучер утверждает, что крест в руках маленького Иоанна — это центр всей картины²⁷.

Конечно, для религиозного истолкования картины *нужно*, чтобы крест был ее центром; но достаточно взглянуть на картину Рафаэля: ее зрительный и эмоциональный центр образует не крест, а голова мадонны, затем вся ее фигура и теснейшим образом с нею слитая фигура младенца. Композицией, цветом и светом художник выразил это с предельной ясностью. И именно группа мадонны сразу же привлекает внимание зрителя. Все прочее — на периферии: и фигура Иоанна Крестителя, и крест в его руках. То и другое — у края тондо. Более того, художник не счел нужным высветить крест. Темный, под цвет волос и звериной шкуры Иоанна, не поднимаемая над линией горизонта, он мало заметен на фоне пейзажа. И зритель далеко не сразу его замечает. Какой же это центр картины? Если настаивать на таком понимании, тогда нужно признать, что Рафаэль не настолько умел строить композицию, чтобы центральное по замыслу стало художественным центром целого.

Позволим себе напомнить и те подготовительные рисунки, где креста еще нет или он едва намечается, а Креститель приносит младенцу-Иисусу полный подол (или корзинку) фиников. Что же, в этом случае лакомства тоже образуют центр композиции? А ведь на картине крестик в руках Иоанна только заменил собою корзинку плодов.

Чтобы как-то подкрепить свою версию, фидеистская критика — старая и современная — не устает утверждать, будто взгляды всех трех персонажей картины сосредоточены на кресте²⁸.

Но это ли изображено на картине? Если бы младенец взирал на крест, он, естественно, должен был бы поднять глаза к самой крестовине. Взгляд же его обращен вниз. Не палочка же сама по себе его интересует. Совершенно очевидно, что он смотрит на Крестителя — с любопытством, вопро-

²⁶ Wasserman J. Op. cit. P. 61.

²⁷ См.: Putschner M. Op. cit. S. 124.

²⁸ Мадонна «не может оторвать взгляда от креста» (Вышеславцев А. В. Указ. соч. С. 398); она «восторженно смотрит на крест» (Wasserman J. Op. cit. P. 55); «Глаза мадонны символически фиксированы на кресте» (Santi B. Raphael. Firenze, 1977. P. 46). И, как итог, — уже приведенный общий вывод Дж. Вассермана: все три персонажа единодушны вокруг креста как символа искупления.

сом, но и с долей недоверия: принесенная им игрушка интересна, но не опасна ли она? Точно в том же направлении смотрит и мадонна. Как можно утверждать, что ее привлекает крест, когда ее взгляд минует главное в символе — вершину креста? Нет, художник показал с полной ясностью: как и ее ребенок, Мария смотрит на маленького пустынноика. Только — иными глазами, умудренными и взволнованными, полными укоризны, мольбы и набегаящих слез²⁹. Направление этого взгляда подкреплено почти параллельным ему движением руки Марии, в жесте увещевания положенной на плечо маленького искусителя.

Однако этот последний не отвечает взгляду мадонны. Вопреки утверждениям критиков-фидеистов, в маленьком отшельнике не заметно никакого благоговения ни перед мадонной, ни перед ее сыном. Он смотрит поверх головы Марии. Зрачки заведены под самый лоб. Вот он, и только он один, пожалуй, смотрит на крест, а точнее, через него — еще выше, в небеса, куда, посредством мистической крестной жертвы, он манит доверчивого младенца. Но именно смутное ощущение опасности побуждает последнего отклониться в сторону матери, и всю группу мадонны оттолкнуться, отдалиться от зловещего проповедника аскетизма.

Обратим внимание на одну существенную деталь: Иоанн крепко сжимает крест в руках, но при этом он держит его круто отклоненным влево, на себя, в сторону, противоположную мадонне. Увлекая младенца символом жертвы богу, прищелец из пустыни явно хочет оторвать его от матери. Это понимает обеспокоенная Мария, это чувствует и младенец и инстинктивно отклоняется к материнскому лону: между линией креста и правой ножкой маленького Иисуса — острый угол. Нет, крест в руках Иоанна — не центр картины, не фокус всеобщего притяжения, а, если угодно, водораздел, линия разграничения сталкивающихся и взаимно отталкивающихся начал, наполняющих драматизмом картину Рафаэля.

²⁹ Позднее, в другой картине Рафаэля, «Святой Цецилии» (1514—1515. Болонья, Пинакотекка), во взгляде апостола Иоанна (Иоанна Евангелиста), обращенном к Августину, с редкой выразительностью прозвучит аналогичная трогательная мелодия душевного томления и горячей мольбы в защиту высшего добра — человеческих чувств и человеческих ценностей.

Не странно ли, что критика ничего этого словно не замечает?³⁰ Не странно ли, что того же Дж. Вассермана не интересует психологическая характеристика персонажей, данная художником, их взаимоотношения, выраженные позами, жестами, взглядами; что он не видит укоризны, тоски и слез в глазах мадонны, не чувствует атмосферы нарастающего волнения, не слышит щемящей ноты тревоги, которая начинает перекрывать широкую гармоническую мелодию, раньше всего доходящую до зрителя; не замечает раскрытого художником глубокого нравственного конфликта? Его не интересует даже своеобразие композиции — очень смелой и оригинальной; построение каждой фигуры, пейзажа; роль цвета и света как средства выражения замысла художника. Что же остается? Только произвольные декларации.

Декларативность вообще присуща идеалистической критике. Так, Марсель Брион решительно провозглашает: римские мадонны Рафаэля «не имели никакого отношения к бурям времени, к душевным тревогам; в них был только покой, безмятежность, мир, уравновешенность чувства и мысли, душевная ясность и физическое спокойствие, — счастье»³¹. На примере «Мадонны Альба» читатель имеет возможность убедиться, как мало это согласуется с фактами искусства Рафаэля. Мариэлен Пучер также сочла возможным вынести свой безапелляционный и ироничный вердикт: переезд Рафаэля «из «буржуазной Флоренции» к папскому двору» означал полный разрыв «со всяческим «развитием» и «современным искусством»»³². Что это: незнание элементарных фактов или попытка возродить старую версию о «божественной исключительности» Рафаэля? Но ведь еще в конце прошлого века Г. Вельфлин отмечал, что в «Мадонне Альба» чувствуется влияние леонардовской «Мадонны со св. Анной» (Париж, Лувр)³³. Правда, в чем смысл этого влияния, знаменитый критик так и не сказал.

Влияние искусства Леонардо и Микельанджело на римских мадонн Рафаэля отмечается и другими критиками. Но,

³⁰ Разве что — очень редко — в форме отдельных глухих признаний. Так, Вирджиния Крофорд в свое время писала о «Мадонне Альба»: «В картине мало религиозного настроения» (Crawford V. Raphael. L., 1902, P. 64).

³¹ Brion M. La grande aventure de la peinture religieuse. P., 1968, P. 187.

³² Putschner M. Op. cit. S. 248.

³³ Вельфлин Г. Классическое искусство. СПб., 1912, С. 64 (1-е нем. изд. — 1899).

как правило, дело сводится к перениманию композиции, рисунка или только к «энергичной моделировке одежд мадонны»³⁴. И никакого внимания к связи идейного содержания. Вассерман даже отметил влияние на «Мадонну Альба» мраморного тондо Микельанджело «Мадонна Таддеи», которое Рафаэль во Флоренции дважды копировал³⁵. Но критику кажется, что урбинец заимствовал отсюда фигуру Иоанна Крестителя, хотя, по их построению, эти две фигуры совсем несхожи, смысловой же связью критик совершенно не интересуется. И не замечает (как, впрочем, и другие авторы) того, что действительно заимствовано: построение и поворот головы, лепка корпуса, жест правой руки мадонны Альба почти полностью повторяют верхнюю часть фигуры Марии на мраморном рельефе — один из самых женственных и поэтичных образов мадонны, созданных Микельанджело. Скажем больше: почти ту же композицию, что и на картине Рафаэля, можно обнаружить в одном из набросков Леонардо да Винчи, где Мария, почти в той же позе, что и мадонна Альба, пытается удержать младенца, который тянется к Иоанну Крестителю (Виндзор, Королевская библиотека)³⁶.

С этим рисунком Леонардо Дж. Вассерман, видимо, не знаком, но какой же вывод делает он из фактов тех заимствований, которые отмечает? Он видит в них лишнее доказательство «хорошо известного эклектизма Рафаэля»³⁷. Поразительная переимчивость Рафаэля известна, но эклектиским его искусство может показаться только тому, кто не видит, не чувствует всей оригинальности, рафаэлевской неповторимости творений Санти. При таком поверхностном подходе от внимания критики ускользает главное: глубочайшее внутреннее — идейное — родство творчества Рафаэля с искусством двух старших корифеев Высокого Возрождения. Равным образом при этом упускается из виду и та глубокая цельность, которая присуща творчеству урбинца, где каждый новый этап был органическим продолжением предыдущего; римский — просто немислим в отрыве от флорентийского.

³⁴ Santi B. Op. cit. P. 47—48; Wasserman J. Op. cit. P. 47—51.

³⁵ См.: Wasserman J. Op. cit. P. 50.

³⁶ См.: Venturi A. Leonardo da Vinci pittore. Bologna, 1920. Fig. 93.

³⁷ Wasserman J. Op. cit. P. 51.

М. Пучер своей априорной декларацией попыталась оторвать Рафаэля римского периода от всего того бесценно плодотворного, чем насытилось искусство художника во Флоренции, оторвать его от эпохи, от развития современного ему искусства, т. е. прежде всего от воздействия богатейшего духовного мира искусства Леонардо и Микельанджело.

Однако факты говорят о другом. «Мадонна Альба» неодолимо привлекает зрителя чарующей поэзией женской красоты, трогательностью глубокой материнской любви — одновременно и нежной и сильной, — обаятельной чистотой и живостью расцветающего детства, глубоко человеческой теплотой чувств, соединяющих мать и ее ребенка, гармоническим слиянием свободного человека с вольной и ласковой природой — и все это в органическом единстве и цельности. Но чем больше зритель вникает в эту чарующую гармонию, желая полнее упиться ею, тем яснее он начинает различать за этой, казалось бы, безмятежной ясностью нарастающую тревогу. На прекрасном лице мадонны он обнаруживает тень глубокой печали, почти тоски, в ее взгляде — укор, горькую просьбу, в ее глазах, в набрякших веках — набегающие слезы. Та же тревога наполняет напряжением фигуру младенца, который поначалу кажется таким беззаботным. Сквозь гармонию проступает диссонанс. Он исходит от фигуры Иоанна Крестителя и отрезает ее от основной группы. Силы добра и зла поляризуются и осязаемо противостоят друг другу.

Глубокий смысл картины раскрывается как острое, ранящее душу столкновение самых естественных, человеческих качеств любви и доверчивости с холодным, противоестественным аскетизмом, зовущим человека к страданию и жертвенной гибели во имя потустороннего воздаяния.

В этом волшебстве соединения в одной картине и очарования гармонии, и остроты драматизма, в этом насыщении священного сюжета глубокой гуманистической мыслью (с совершенством, какое давалось, пожалуй, только одному Леонардо) — подлинная гениальность рассматриваемого творения урбинца.

Одна из самых ранних римских мадонн Рафаэля, «Мадонна «Альба», свидетельствует неоспоримо, что художник остался верен себе, верен чуждым завоеваниям своего искусства флорентийского периода, верен великим идеям гуманистического свободомыслия Леонардо и Микельанджело, и показал себя достойным и оригинальнейшим продолжателем и поборником этих идей.

В. А. Постников

ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧАРДИНИ О РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ

Отношение Франческо Гвиччардини (1483—1540) к религии — один из самых тонких и сложных вопросов его мировоззрения. Понятна важность этого вопроса для мыслителя XVI в., если спустя два и даже три столетия отношение к религии оставалось пробным камнем для проверки новизны и прогрессивности любой системы взглядов.

Взгляды Гвиччардини отличались противоречивостью, и воззрения на религию не составляли в этом смысле исключения. Затем «сознательное стремление скрыть свои мысли при жизни» привело к тому, что многое высказанное им было «намеренно замаскировано»¹. Наконец, именно в высказываниях Гвиччардини о религии более, чем где бы то ни было еще, проявляется его склонность «к буйной сатире», которую отмечают исследователи².

Взгляды Гвиччардини на религию не остались вне поля зрения советской исторической науки. А. К. Дживелегов, первый советский исследователь трудов Гвиччардини, подчеркивал «равнодушие Франческо к религии», которое сменялось известным интересом лишь тогда, когда религия «из вопроса личной совести превращалась в объект политики»³. М. С. Фельдштейн, сотрудничавший с Дживелеговым при подготовке сочинений Гвиччардини, отмечал, что «Гвиччардини во всех своих заметках... говорит о религии в тоне внешней сдержанности и глубокой внутренней отчужденности, как о предмете постороннем и далеком»⁴. Эти замечания во многом справедливы, но они относятся скорее к форме, которую избрал Гвиччардини для выражения своих мыслей, нежели к ним самим. Анализ же содержания идей Гвиччардини был лишь намечен.

С. В. Житомирская считает Гвиччардини «бессознательным атеистом», в чьих воззрениях вопросы религии «не имеют самостоятельного значения»; им отводится «совершенно пас-

¹ Рутенбург В. И. Италия и Европа накануне Нового времени. Л., 1974. С. 274—275.

² Saitta G. Il Pensiero Italiano nell'Umanesimo nel Rinascimento. Bologna, 1950. Vol. 3. P. 142.

³ Дживелегов А. К. Франческо Гвиччардини // Гвиччардини Ф. Сочинения. М.; Л., 1934. С. 82.

⁴ Фельдштейн М. С. Примечания // Там же. С. 523.

сивная роль»⁵. Однако сформулированный подобным образом тезис вызывает известные сомнения. Пассивное отношение к религии значительно более характерно, чем принято считать в современной науке, для гуманизма XIV—XV вв., когда большинство гуманистов не считали себя атеистами, но вместе с тем их идеи объективно были антирелигиозны. В этом случае термин «бессознательный атеизм» представляется очень удачным; однако XVI в. требует, видимо, несколько иной терминологии.

Нам представляется более доказательной позиция В. И. Рутенбурга. Считая, что Гвиччардини — прежде всего «философ-антиклерикал со своеобразными тенденциями к реформации и даже атеизму», В. И. Рутенбург подчеркивает его осознанное нежелание высказать свои взгляды, стремление замаскировать их под внешней религиозной благопристойностью. Это дает основания, с точки зрения автора, характеризовать Гвиччардини как «скрытого атеиста»⁶. Однако в своих сочинениях, не предназначавшихся, как правило, для печати, Гвиччардини не был столь скрытен. Отраженные в них оценки различных явлений — в том числе и религии — приближались, несомненно, к истинным взглядам Гвиччардини. Анализ этих оценок приводит В. И. Рутенбурга к такому мнению; «резкая и убедительная критика религии со стороны Гвиччардини дает основания считать, что он — ...«скрытый атеист» при жизни и явный — в своих сочинениях»⁷.

Гуманисты не проявляли большого интереса к царству небесному. Их интересы были сосредоточены в царстве земном. Но весьма существенной частью этого царства была церковь, и гуманизм просто не мог не выработать какого-то своего отношения к столь важному социальному институту. Это отношение достаточно хорошо известно. Вся литература Возрождения проникнута острой неприязнью к церковникам, их лицемерию, жадности, сибаритству, властолюбию. Гуманисты немало сделали для расшатывания авторитета католической церкви. Гуманистическая критика нравов духовенства, а подчас и самих институтов католической церкви находила самые различные воплощения: от злой насмешки

⁵ Житомирская С. В. Политические воззрения Франческо Гвиччардини: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1945. С. 192, 241, 145.

⁶ Рутенбург В. И. Гвиччардини // Итальянское Возрождение. Л., 1966. С. 104.

⁷ Рутенбург В. И. Титаны Возрождения. Л., 1976. С. 101.

Боккаччо и сарказма Валлы до жутковатого натурализма Мазуччо Гвардато⁸. Еще у Данте горят в аду папы — от Целестина V до Климента, монастыри предстают вертепами разврата, а монархи — кулями, набитыми «дурной мукой», белое же духовенство именуется «волками грызливыми»⁹. Но Данте не состоял на папской службе. Более того, политическим интригам Бонифация VIII он в известной мере был обязан своим изгнанием из Флоренции, так что имел личные основания для вражды к папству, не говоря уже о его гибеллинских симпатиях.

Гвиччардини можно смело считать продолжателем этой старой традиции — притом что многие годы он занимал высшие административные посты в папском государстве. Знакомые интонации гуманистов начинают звучать в его максимах, когда речь заходит о клире: «Не знаю, кому больше, чем мне, противны честолюбие, жадность и изнеженная жизнь духовенства, как потому, что эти пороки отвратительны сами по себе, так и потому, что каждый из них в отдельности и все вместе мало подходят людям, жизнь которых, по их словам, отдана богу...»¹⁰.

Эта же старая гуманистическая антиклерикальная традиция отчетливо слышна там, где Гвиччардини от общих зарисовок быта и нравов духовенства переходит к чрезвычайно выразительным портретам церковников различного ранга. Так, например, классическим стал «исполненный в скульптурном стиле»¹¹ портрет папы Александра VI из «Истории Италии»: «...особенная энергия и пронизательность, превосходнейший ум, поразительное умение убеждать, а в разных трудных делах — невероятное проворство и ловкость; но эти добродетели обильно перемежались испорченностью: непристойнейшего нрава, без искренности, без стыда, без истины, без веры, без религии, неутомимо жадный, невоздержанный в желаниях, более жестокий, чем варвары, и горячо стремящийся хорошо пристроить своих детей, которых было мно-

⁸ См.: Горфункель А. Х. Гуманизм — Реформация — Контрреформация // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 8.

⁹ Данте А. Божественная Комедия. М., 1967. Ад. XIX; Чистилище, XXII, 76—78; Рай, XXVII, 55.

¹⁰ Гвиччардини Ф. Заметки о делах политических и гражданских // Сочинения (далее: Заметки. Арабская цифра означает номер заметки).

¹¹ Saitta G. Op. cit. Vol. 3. P. 414.

го...»¹². Характеристика, заставляющая вспомнить отзыв Поджо Браччолини (также состоявшего на папской службе) о «лицемерах»: «двуногие ослы с грязной душой», в которых все — «подлость, шутство, ложь, коварство»¹³.

Интересно, что о Савонароле, великом еретике и враге Рима, Гвиччардини пишет с нескрываемой симпатией, восхищается его «благоразумием, дарованиями и высочайшей изобретательностью»¹⁴, хотя сильно сомневается, что флорентийский реформатор «так уж был посланцем бога или пророком»¹⁵. Уже Виллари не без оснований полагал, что восхищался Гвиччардини скорее политическими реформами Савонаролы, чем религиозными¹⁶. Тем более показательно, как человек, не забывший начать автобиографию (не для печати!) с обращения к своим святым покровителям¹⁷ (впрочем, «так делали все — от философов до купцов»¹⁸), относился к деянию, чья цель заключалась в реформе церкви. Здесь не исключено влияние тех «своеобразных тенденций к реформации», которые подметил в мировоззрении Гвиччардини В. И. Рутенбург¹⁹. Конечно, и Гвиччардини, и его гуманистические предшественники заботятся не об исправлении нравов духовенства; их заботит не столько отход от заветов Христа, сколько поправление человеческой природы²⁰.

Нравы клира Гвиччардини, как мы видели, действительно не одобряет, но их исправлением он был озабочен, пожалуй, еще меньше, чем гуманисты. Что же до «поправления человеческой природы», то ее он понимал не совсем гуманистически, хотя еще менее христиански. Для мыслителя, выдвинувшего на первый план своей этики «личный интерес» и «благораз-

¹² Guicciardini F. Storia d'Italia. Bari, 1929, Vol. 1. P. 76.

¹³ Браччолини П. Против лицемеров//Итальянские гуманисты XV в. о религии и церкви. М., 1963. С. 73, 64.

¹⁴ Guicciardini F. Storia Fiorentina//Guicciardini F. Opere. Milano; Napoli, 1953. P. 210.

¹⁵ Saitta G. Op. cit. Vol. 3. P. 415.

¹⁶ См.: Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. СПб., 1913. Т. 1. С. 137.

¹⁷ См.: Гвиччардини Ф. Семейная хроника//Сочинения. С. 231.

¹⁸ Giorda C. Guicciardini e le sue opere inedite. Bologna, 1889. P. 19.

¹⁹ См.: Рутенбург В. И. Гвиччардини. С. 104.

²⁰ См.: Горфункель А. X. Указ. соч. С. 9.

умие»²¹, ложь, коварство и лицемерие не казались, несомненно, таким уже извращением или попранием человеческой природы. Гвиччардини, как мы постараемся показать, подходит к вопросу с совершенно иных позиций. Этический подход ему присущ менее всего, зато, по вполне понятным причинам, ему очень близок политический: Гвиччардини был губернатором в Реджо, Модене, Парме, Болонье, наместником в Романье. Он был довольно близко знаком с тремя папами — Львом X, Климентом VII и Павлом III. Благодаря служебному положению он составил себе очень компетентное представление о деятельности церкви. Его труды на папской службе были удостоены высокой оценки церковников (правда, посмертно): писал же в первые годы XVIII в. феррарский иезуит Джулио Негри, что Гвиччардини всей жизнью своей доказал верность и любовь к папству, за возвышение которого боролся до конца²².

Может быть, Гвиччардини, как уверял патер Негри, действительно готов был живот положить за могущество и расширение пределов власти папства? На этот вопрос Гвиччардини с откровенностью, редкой для человека его профессии и положения, ответил сам: «Три вещи хотел бы я видеть перед смертью... это хорошо устроенную республику в нашем городе, Италию, освобожденную от всех варваров, и мир, избавленный от тирании этих злодеев попов»²³. Отвлекаясь от вопроса о республиканском устройстве Флоренции, следует заметить, что одну из главных причин постоянного присутствия в Италии иноземного владычества («варваров») Гвиччардини видит в существовании светского государства церкви, постоянно привлекающего в страну внешние силы для осуществления своих политических притязаний; это являлось и является важнейшей помехой на пути объединения всей Италии²⁴.

Что же касается сути политических притязаний Рима, то название «тирания попов» достаточно ясно указывает, что

²¹ «Благоразумие» (saviezza) у Гвиччардини — своеобразная аксиологическая категория: навык практического, делового мышления, позволяющий вывести нормы поведения из наличной реальности (см.: Де Сангарин Е. История итальянской литературы. М., 1963. Т. 2. С. 139; Luciani V. Francesco Guicciardini and his European Reputation. N. Y., 1936. P. 211.

²² Гвиччардини Ф. Заметки, 236.

²⁴ Guicciardini F. Considerazioni intorno ai discorsi del Machiavelli sopra la prima decadi di Tito Livio//Guicciardini F. Opere. P. 340.

думал об этом Гвиччардини. И в этой части своих воззрений он выступает наследником гуманистической традиции. Ведь Валла, служивший, как и Гвиччардини, святейшему престолу, писал в «Подложности Константинова дара»: «Мы видим, что разорения и бедствия Италии и многих провинций происходят из одного источника — существования светского государства пап²⁵. Но Валла — не единственный предшественник Гвиччардини в этом вопросе: «Еще Макиавелли... видел в господстве папы источник упадка Италии»²⁶. Абзацы в макиавеллиевых «Рассуждениях на первую декаду Тита Ливия»²⁷, посвященные церковному государству, Гвиччардини подробно и с большим сочувствием разбирает в своих *Considerazioni*²⁸.

Но в своих построениях Гвиччардини не просто следует гуманистической антицерковной традиции, — он исходит из новой философии, прежде всего из нового, в сравнении с гуманизмом, понимания политики вообще и политической власти в частности: основой всякой политической власти он считал насилие. По его убеждению, никакой законной власти вообще не бывает — «законна» она разве что для тех, кто ею в данный момент владеет. Но вдвойне незаконна и насильственна политическая власть духовенства, «ибо для подчинения людей оно пользуется оружием светским и духовным»²⁹. Любопытно, что здесь Гвиччардини повторяет почти буквально Данте:

Меч слился с посохом, и вышло так,
Что это их, конечно, развратило.

Не видишь ты, что церковь, взяв обузу
Мирских забот, под бременем двух дел
Упала в грязь, на срам себе и грузу?³⁰

²⁵ Валла Л. Рассуждение о подложности так называемой Дарственной грамоты Константина // *Итальянские гуманисты XV в. о религии и церкви*. С. 213.

²⁶ Маркс К. Виллафранкский договор // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 13. С. 444.

²⁷ Макиавелли Н. *Рассуждения на первые три книги Тита Ливия*. СПб., 1869. С. 159—160.

²⁸ Guicciardini F. *Considerazioni...* Lib. X. Cap. 1. По справедливому замечанию Виллари, Гвиччардини, подобно Макиавелли, так старался подчеркнуть негативную роль церкви, что игнорировал полупфеодалную раздробленность самой Италии (см.: Villari P. *Niccolo Machiavelli e le suoi tempi*. Firenze, 1881. Vol. 2. P. 290—291).

²⁹ Гвиччардини Ф. Заметки. 48, 317.

³⁰ Данте А. *Божественная Комедия*. Чистилище, XVI, 110—111, 127—129.

Размышления (*considerazioni*) Гвиччардини по этому поводу не были новы для итальянцев! Поэтому вряд ли покажется таким уж удивительным его откровенное признание: «...я всегда естественно желал разрушения папского государства»³⁰. Пожалуй, ни у одного гуманиста XV в. нам не удастся найти столь отчетливо сформулированное чисто политическое решение проблемы светской власти католицизма. Впрочем, в том же ключе Гвиччардини формулирует свое отношение к неведомой прежним гуманистам форме религиозных верований — протестантизму; «...я любил бы Мартина Лютера больше самого себя, так как надеялся бы, что его секта могла бы разрушить или, по крайней мере, подрезать крылья этой преступной тирании попов»³². Реформация занимает Гвиччардини только с одной стороны. Не очищение религии, не возврат к первоначальному христианству времен апостолов и не дьявольская ересь, а неминуемое появление у католицизма влиятельного политического соперника — вот что он пронизательно усмотрел в Реформации. С ней Гвиччардини связывает единственно политические надежды, но не религиозные. Догматические различия между католицизмом и протестантизмом его не занимают вовсе. «Он не согласен с учением Лютера, как и с любым другим догматическим учением, но готов был поддержать его борьбу ради подрыва папства... Можно полагать, что Гвиччардини претил всякий религиозный фанатизм, в том числе и протестантский, и в этом следует искать причину неприятия им учения Лютера»³³.

Хотя дело было не только в отвращении Гвиччардини к фанатизму. Причина была иная, хотя и субъективная, но первостепенно важная для самого Гвиччардини: «Высокое положение, которое я занимал при нескольких папах, заставило меня любить их величие ради моего собственного интереса»³⁴. В этом рассуждении Гвиччардини ничто не напоминает о гуманизме; скорее можно вспомнить его собственное высказывание о тех «проповедниках свободы», которые, «не останавливаясь по дороге», бегом пустились бы под власть олигархии, если бы узнали, что там живется лучше»³⁵. Таких

³¹ Гвиччардини Ф. Заметки, 346.

³² Там же. 28.

³³ Рутенбург В. И. *Титаны Возрождения*. С. 100.

³⁴ Гвиччардини Ф. Заметки. 28.

³⁵ Там же. 328.

рассуждений скорее следовало бы ожидать от какого-нибудь прожженного политического карьериста значительно более поздней эпохи, одного из тех, кто верит в добродетель оппозиции столь же мало, сколь и в мудрость правящих, чем от крестника «чистого созерцателя» Марсилио Фичино.

Несомненно также, что определенную роль для Гвиччардини играли и соображения собственной безопасности: для столь видного человека в административном аппарате папского государства высказывать в 20-е гг. XVI в. свою горячую любовь к Мартину Лютеру было бы не только накладно, но и, мягко говоря, рискованно.

Итак, Гвиччардини не любит клириков, смеется над чудесами, презирает теологию, издевается над благочестием и ненавидит светское государство пап. Правда, на папской службе он при этом остается, обязанности исполняет хорошо и все связанные со службой доходы получает исправно, но эти обстоятельства не способны изменить его в высшей степени нелестного мнения о церкви и священнослужителях. Однако как бы Гвиччардини ни относился к церкви и клиру, объективно они оставались весьма важным фактором политической жизни тогдашних государств. Следовательно, профессиональный политик Гвиччардини не мог ограничиться мечтами об уничтожении светского государства пап и политического влияния духовенства. Он должен был понять, как действует этот фактор здесь и сейчас, и приходит к выводу, что, «несомненно, армия и религия есть главные основания и республик, и монархий, и столь необходимы, что отсутствие каждой из них, можно сказать, есть недостаток жизненно важной и существенной части»³⁶.

Отсутствие столь важного фактора политического устройства неминуемо привело бы к изменениям во всех нормах государственной жизни, которые, «как это неизменно следует из опыта ...порождают скверные результаты»³⁷. Страх перед нарушением политической стабильности, какова бы она ни была, всегда мучал Гвиччардини. Таким образом, мечтая об устранении духовенства из политической жизни, Гвиччардини в интересах нормального течения этой жизни не желает уничтожения религии. Знаменитую фразу Вольтера о том, что, если бы бога не было, его стоило бы выдумать, Гвиччардини, несомненно, встретил бы с большим одобрением.

³⁶ Guicciardini F. Considerazioni... P. 339.

³⁷ Guicciardini F. Dialogo del Reggimento da Firenze//Guicciardini F. Opere. P. 246.

Казалось бы, мы сталкиваемся с парадоксом. Существует мнение, твердо установившееся в исторической науке еще со времен Де Санктиса и Дзанони³⁸, что, выступая, несомненно, как политик-патриот, носитель прогрессивной идеи национального объединения, Гвиччардини в интересах единства и независимости Италии желает уничтожения политической власти духовенства, опирающейся на светское государство пап. И он же считает религию настоятельно необходимой в государственном масштабе. Действительно, «равнодушие (мягко сказано! — В. П.) Франческо (Гвиччардини. — В. П.) к религии кончалось, когда она из вопроса личной совести превращалась в объект политики. Тут интерес к религии... сразу подымался»³⁹.

В сущности же, никакого парадокса здесь нет. По Гвиччардини государство держится на насилии (в равной степени и монархия, и республика). Так что рассуждения об армии как важнейшей опоре всякого государства, все равно монархии или республики, вполне понятны: «Есть... много случаев, когда государство скрепляется кровью, как стены скрепляются известкой»⁴⁰. Но Гвиччардини не зря почти двадцать лет изнутри изучал политический механизм католической церкви: он хорошо знает, что насилие творит не только армия, что принуждать можно «и светским, и духовным оружием»⁴¹. Светским оружием сильна армия, духовным (иногда и тем, и другим) — клир. Не склонность к парадоксам заставила Гвиччардини соединить в мыслях армию с религией, а несомненное для него внутреннее сходство этих двух столпов государственности. Он попросту опасается, что принуждение только «светским оружием» не будет достаточно эффективно для нормального функционирования государственной власти.

Если внимательно проследить мысль Гвиччардини, то окажется: для того чтобы увидеть, наконец, как «скрутят эту шайку злодеев» (папское государство), совсем не требуется военная акция вроде вторжения в Рим протестантских армий (разгром Рима 7 мая 1527 г. доказал Гвиччардини, что это не решит проблемы). Достаточно будет «избавиться от правил христианской религии, как она обычно понимается и толкуется», — и «шайке злодеев» придется остаться без власти

³⁸ См.: Де Санктис Ф. Указ. соч.; Zanoni E. La vita publica di F. Guicciardini Bologna, 1896.

³⁹ Дживелегов А. К. Франческо Гвиччардини, С. 82.

⁴⁰ Гвиччардини Ф. Заметки. 372.

⁴¹ Гвиччардини Ф. Заметки. 48.

«или очиститься от пороков», — добавляет Гвиччардини⁴². Но создается впечатление, что эту реформационную альтернативу он рассматривает как чисто теоретическую.

На примере этого рассуждения мы снова можем видеть, какой значительный шаг вперед сделал Гвиччардини в сравнении с классическим гуманизмом. Гуманисты в своем антиклерикализме выступали против властолюбия клириков, против высшего выражения этого властолюбия — светской власти папства. Гвиччардини начинает свои рассуждения с вопроса, на котором остановились его предшественники, — об уничтожении светской власти духовенства — и идет неизмеримо дальше, ставя вопрос об уничтожении христианской религии как таковой. К этой мысли он приходит через политику: для Гвиччардини религия есть в первую очередь политическая сила, и осмысление ее роли требует политического подхода.

Так возникает у Гвиччардини отчетливое изложение следующей истины: неизменность религии прямо связана с неизменностью политического режима, всего существующего миропорядка в целом. Новый смысл обретает и максима: «Безумными кажутся мне те монахи, что проповедуют предопределение и другие трудные догматы веры; лучше не давать людям задумываться о вещах, усваиваемых с трудом, чем будить в их умах сомнение, которое потом приходится успокаивать словами: такова наша вера, так надобно верить»⁴³. Для Гвиччардини они безумцы еще и потому, что рубят этим сук, на котором не только сидят сами, но и покоится до известной степени стабильность государства!

Таким образом, если свести воедино все, что Гвиччардини высказал о взаимоотношениях религии и политики, впечатление складывается двойственное. Он несомненно находится в рамках гуманистической традиции, когда говорит о деструктивной исторической роли папского государства. Он продолжает и обогащает эту традицию, когда говорит о двойной незаконности власти духовенства, отворачивается от протестантского фанатизма. Но там, где он действительно покидает рамки этой традиции, обращается к вопросу, не укладывающемуся в традицию, — о религии как объекте и факторе политики, — там особенно заметно, как далеко вперед продвинулся Гвиччардини в сравнении с гуманизмом и

⁴² Там же. 28.

⁴³ Гвиччардини Ф. Заметки. 357.

насколько от него отошел. Желая вполне осознанно уничтожения не только развращенного клира, не только церковного государства, но и самой религии, он, по сути, сам закладывает новую традицию, которую в будущем предстоит развивать деятелям Просвещения. Так Гвиччардини еще раз предвосхитил Вольтера с его знаменитым «Раздавите гадину!»

Какие же выводы можно сделать из нашего краткого рассмотрения взглядов Гвиччардини на религию и церковь? Прежде всего он предстает перед нами как последовательный антиклерикал. Гвиччардини не нравится буквально все связанное с духовенством — его государство, его образ жизни, его проповеди, его кастовая мораль и мораль, навязываемая мирянам. Он мечтает об отмене, перестройке, уничтожении всего относящегося к деятельности духовенства. В этом антиклерикализме заметны многие черты, позволяющие считать Гвиччардини преемником радикально-светского, антицерковного течения в гуманизме XIV — XV вв.

В то же время для антиклерикальной позиции Гвиччардини характерны некоторые новые черты, которым трудно подобрать аналогию в творчестве его предшественников. Это прежде всего несомненная симпатия к реформаторской деятельности Савонаролы и Лютера. Однако религиозный фанатизм реформации так же претит Гвиччардини, как и «благочестие» католицизма; в этом отчетливо просматривается та же гуманистическая тенденция⁴⁴.

Если антиклерикализм Гвиччардини есть развитие лучшего в итальянской гуманистической традиции, то его антирелигиозная позиция — несомненно, крупный шаг вперед, от философии Возрождения к философии Просвещения. Таким образом, философские воззрения Франческо Гвиччардини, столь развитые для своего времени, а в некоторых важных моментах и опережающие его, могут с полным основанием считаться одной из вершин итальянской философской мысли.

⁴⁴ Гвиччардини Ф. Заметки. 254.

Т. С. Никулина

**НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЛЮБЕКСКОЙ ТОРГОВЛЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКОВ**

Величие и богатство ганзейского города Любека покоилось на крупной морской внешней торговле. Она носила посреднический характер: любекские купцы доставляли товары от производителей к потребителям (имеются в виду прежде всего торговые операции крупных купцов XIV—XV вв. Виттенборгов, Фекингузенев и др.)¹. И в конце XV в., несмотря на начавшийся кризис Ганзы, Любек в больших размерах торговал сельдью, солью, пивом, свинцом, медью, шведским железом, фландрскими и английскими сукнами, вином, шерстью, пушниной, воском².

Крупная заграничная торговля находилась в основном в руках богатых купцов, правящего слоя патрициата Любека. Так, бургомистр Генрих Касторп (1420—1480) и его брат Ганс везли в Данциг, Ревель, Новгород шерсть, масло, южные фрукты, сало, а обратно — воск, мех³. Четверо братьев Молих торговали с Южной Германией, Ливонией, Скандинавией⁴. Многие члены любекского совета, бургомистры (Яспер Ланге, Давид Дивесс, Гартвиг Штанге, Генрих Витте, Вольтер ван Леннер и др.) вели торговлю шерстью, цинком, серебром, солью, воском, цветными металлами, сельдью, шкурами, льном, ворванью в Англии, Фландрии, Ливонии, Швеции, Пруссии. Объем их торговли достигал 20 тысяч марок⁵.

Собственно торговая история Любека в научной литературе до сих пор освещена недостаточно. Он фигурирует как

¹ Lesnikov M. P. Lübeck als Handelsplatz für Osteuropawaren im XIV Jh.//Hansische Studien. Berlin, 1961. S. 273—292; Idem. Die Handelsbücher des Hansischen Kaufmannes Veckinchusen. Berlin, 1973.

² Lübeckische Pfuudzollbücher von F. Bruns//Hansische Geschichtsblätter. 1904—1905. S. 109—131; 1907. S. 457—499; 1908. S. 357—407 (далее: HGBll).

³ Urkundenbuch der Stadt Lübeck/Hrsg. von Verain für Lübeckische Geschichte: In 11 Bd. Lübeck, 1892—1905. Bd. 11. N 271 (далее: LUB. Первая арабская цифра означает номер тома, вторая — документа); Dollinger Ph. Die Hanse. Stuttgart, 1966. S. 232—233.

⁴ Rörig F. Wirtschaftskräfte im Mittelalter. Weimar, 1959. S. 288—350.

⁵ Stark W. Lübeck und Danzig in der zweiten Hälfte des XV Jh. Weimar, 1973. S. 221—257.

политический центр, глава ганзейского союза⁶. Крупный исследователь истории Ганзы и Любека Ф. Рёриг отмечает решающую роль посреднической торговли и предприимчивых купцов для средневекового хозяйства, но и его работы больше касаются области социальной, чем экономической. О торговле Любека он пишет применительно к XIII—XIV вв.⁷ Ученик Ф. Рёрига Г. Нойманн исследует многие стороны жизни и деятельности крупного любекского купца и политика XV в. Касторпа, но и его торговая деятельность освещена недостаточно⁸.

Особо нужно сказать о работах В. Эбеля, издателя документов, относящихся к истории Любека, прежде всего «Решений любекского совета»⁹. Он в какой-то мере рассматривает любекское ремесло и торговлю в XV—XVI вв., но подходит к историческим явлениям с формально-юридической точки зрения, рассматривая, скажем, действие тех или иных правовых норм при регулировании отношений между ремесленниками и купцами.

Советская историография обратила внимание на собственную торговлю Любека, но более раннего периода — XIV и XV вв.¹⁰

Предлагаемая статья рассматривает торговлю Любека в конце XV — начале XVI вв. В этот период происходят качественные сдвиги в экономике города. Возникают зачаточные формы капитализма, объективно подготовленные развитием цехового ремесла, в котором вопреки уравнивательным ограничениям шло подспудное накопление капиталов и разорение ремесленной массы¹¹. Но в области социально-экономических процессов одно явление неизбежно вызывает другое: разложение цеховой структуры и зарождение, пусть в незначительных размерах, новых предпринимательских форм производства, наблюдаемых в Любеке на рубеже XV — XVI вв., повлекли за собой и определенные сдвиги в тради-

⁶ Daenell E. Die Blütezeit der deutschen Hanse. Berlin, 1905—1906. Bd. 2; Dollinger Ph. Op. cit.

⁷ Rörig F. Op. cit. S. 365, 377.

⁸ Neumann G. Hinrich Castorf. Ein Lübecker Bürgermeister aus der zweiten Hälfte des XV Jh. Lübeck, 1932.

⁹ Lübecker Ratsurteile: In 3 Bd. Göttingen, 1955—1958.

¹⁰ Lesnikov M. P. Die Handelsbücher des Hansischen Kaufmannes Veckinchusen. Berlin, 1973.

¹¹ См.: Стам С. М. Некоторые актуальные вопросы изучения истории средневекового города//Средневековый город. Саратов, 1981. Вып. 6. С. 19.

ционной торговле Любека стапельными товарами¹². Влияние на это оказал и углублявшийся кризис Ганзы.

Материал для анализа новых явлений был извлечен из трехтомной публикации «Решений любекского Совета», таможенных книг Любека 1492—1496 гг., списков грузов и кораблей, «Книги любекского фогта на Шонене», «Записок мятежного бургомистра Вулленвевера»¹³.

Любек имел два основных направления торговли: западное (через Зунд) и восточное, охватывающее Мекленбург, Померанию, прусские и ливонские города (Данциг, Ригу, Ревель), Швецию, Данию, Шлезвиг-Гольштейн. Судя по спискум зундской пошлины, относящимся к 1497—1657 гг.¹⁴, в первой трети XVI в. увеличивается экспортная торговля Любека собственными товарами. Это было новым в торговле западного направления. Пошлина взималась не с груза, а с корабля, проходящего через Зунд. Любек, как и другие вендские города, был освобожден от уплаты пошлин за свой товар. По этой причине в 1497 г. не платили зундскую пошлину 4 корабля, в 1503 — 3, в 1528 — 14. В 1538 таких кораблей из вендских городов через Зунд прошли 200, в 1563 г. — 267¹⁵. Среди них немало было кораблей из Любека.

Экспортная торговля Любека была представлена прежде всего товарами городского ремесла. Вывозили листовой металл, книги, фабрикаты шерсти (decken, sallunen, sallunden-decken), грубое сукно (lübischen laken), изделия из стекла, металлическую посуду, высококачественную кожу, вязаные перчатки, соль. С 1492 по 1496 гг. листового металла было вывезено 3 ластва 273 фата, (ласт — 5 тонн, фат — от 136 до 170 кг) главным образом в Ригу и Ревель. Одним из главных

¹² См.: Никулина Т. С. Зарождение новых форм производства в любекском ремесле второй половины XV — первой половины XVI вв. // Средневековый город. Саратов, 1983. Вып. 7. С. 104—114.

¹³ Lauffer V. Danzigs Schiffs- und Warenverkehr am Ende des XV Jahrhunderts // Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins. 1894. H. 33. S. 7—40; Schäfer D. Zur Orientierung über Sundzollregister // HGBll. 1899. S. 95—112; Idem. Die Sundzolllisten // HGBll. 1908. S. 3—31; Stark W. Die Danziger Pfahlkammerbücher (1468—1476) als Quelle für den Schiffs- und Warenverkehr zwischen den wendischen Hanselädten und Danzig // Rostocher Beiträge. 1967. Bd. 1. S. 57—58; Das Buch des Lübeckischen Vogts auf Schonen von D. Schöfer. Zweite verbesserte Auflage. Lübeck, 1927; Leverkühn A. Jürgen Wullenwever. Seine Handschrift und sein Bild in der Lübecker Stadtbibliothek. Lübeck, 1925. S. 13—15.

¹⁴ Schäfer D. Zur Orientierung... S. 95—112.

¹⁵ Ibid. S. 95—111.

предметов экспорта была шерсть, которая пользовалась спросом на всем восточном побережье Балтийского моря. За тот же период из Любека было вывезено 27 кип, 2 бочки, 1 ящик изделий из шерсти и 15,5 кип грубых сукон. Все партнеры Любека по Восточно-Балтийской торговле были потребителями изделий из любекского стекла, больше всего — Данциг, Рига, Ревель: из 156 ящиков стекла, вывезенных купцами за эти годы из Любека, 140,5 ящика приходится на названные города. Стекло в Любеке изготовлял цех стеклодувов, но к концу XV в. начинает развиваться производство стекла за его рамками, в окрестностях города: очевидно, отсюда оно и шло в подавляющей массе на экспорт¹⁶. В те же места вывозилась металлическая посуда, изготавливаемая в основном из цинка. Историки полагают, что в XIV—XV вв. именно через ввоз из Любека и других ганзейских городов удовлетворялась потребность в цинковых изделиях в Риге и Ревеле¹⁷. Любекские купцы скупали этот товар у членов нескольких цехов¹⁸.

Собственно любекским товаром была особо качественная кожа — кордуан, которая вывозилась в Мекленбург, Померанию, Ригу, Ревель, Стокгольм. С 1492 по 1496 гг. было вывезено 3 тюка, 2 бочки, 2 фата, 1 ящик, 15 десятин (декеров).

Одной из главнейших статей для Любека была торговля люнебургской солью. Начиная с XII в. с этой солью конкурирует любекская из ольдеслойских солеварен. В документах конца XV в. любекская соль фигурирует уже как предмет экспорта: в 1476 г. было вывезено 27 ласт соли в Данциг, в 1494 — 1,5 ластва в Южную Швецию.

Предметом экспорта были и книги. По таможенным книгам 1492—1496 гг. география их вывоза такова: Мекленбург, Померания, Данциг, Ревель, Стокгольм, Швеция, Дания.

Ко второй категории вывозимых Любеком товаров местного происхождения относятся продукты сельского хозяйства и охоты. На первом месте по объему экспорта стоит хмель. С 1492 по 1496 гг. было вывезено 1700 дремотов (дремт — 1/8 ластва), 292 мешка в Мекленбург, Померанию, Данциг, Ригу, Пярну, Ревель, Стокгольм, Южную Швецию, Данию.

¹⁶ Hach Th. Überblick über die ehemalige Glassindustrie in und um Lübeck. Lübeck, 1899. S. 16.

¹⁷ Warncke J. Die Zinngiesser zu Lübeck. Lübeck, 1922. S. 120.

¹⁸ Die älteren Lübeckischen Zunftrollen // Hrsg. C. Wehrmann. Lübeck, 1864. S. 157, 225, 246.

В последнюю особенно много — 1502 дремта, 23,5 ластва, 3 мешка. В Любеке высоко ценились хмельники: в них вкладывался капитал для получения ежегодной ренты, они продавались, покупались, закладывались. Немало вывозилось фруктов. За указанные годы в те же места экспортировали 12 ластов, 46,5 бочек яблок и груш. Охота на местных лис и выдру давала возможность вывозить даже меха, хотя все другие их виды наоборот ввозили.

Данные таможенных книг за 90-е гг. XV в. и списки грузов и кораблей, прибывавших в Данциг, относящиеся к 70-м гг. XV в., позволяют сказать, что начало любекской экспортной торговли отдельными ремесленными товарами (сукном, изделиями из шерсти) относится к середине 70-х гг. XV в., а массовый характер она принимает в 90-е гг.

Что касается любекского ввоза, то он более стабилен, традиционен, отражает потребности в сырье для ремесла, в продуктах питания. Ввозится фламандское и нидерландское сукно, железо и медь из Швеции, сельдь из Сконе и Дании, разные сорта рыбы из Мекленбурга, Померании, Риги, Ревеля, Або (Швеция), вина разнообразных сортов, пиво из вендских городов, мед из Мекленбурга и Померании, южные фрукты, свинец из Венгрии, люнебургская и французская соль¹⁹.

Вместе с тем в город поступает сырье для местных обрабатывающих ремесел: смола, деготь из Пруссии, Риги, Готланд, пенька (для канатов) из Южной Швеции; для кузнечного дела ввозятся железо, медь, свинец; для скорняжного, обувного, дубильного — меха, кожи; для производства сукна, изделий из шерсти — шерсть (главным образом из Мекленбурга); для изготовления украшений — ягтарь из Данцига; для рыболовства — сети из Ливонии, Риги; для строительства — дерево из России, известь из Южной Швеции²⁰.

Любекская торговля конца XV — начала XVI в. давала возможность значительного накопления капиталов, что тоже следует отметить как новое явление. Оно наблюдается в торговле сконской сельдью, которая находилась в руках немецких купцов, прежде всего любекских. В отчете датского фогта в Сконе (1494 г.) указывается, что 202 немецким купцам принадлежало более 3943 ластов сельди, а взятая с торговли

¹⁹ Lübeckische Pfuudzollbücher von F. Bruns//HGBII. 1908. H. 2. S. 357—358, 360—385.

²⁰ Ibid.

ею пошлина составляла 415 марок, 7 шиллингов, 1 пфенниг (55 этих купцов было из Любека; им принадлежало 1284 ластва сельди, пошлина с них — 135 марок)²¹.

Меняются и формы любекской торговли. Наряду с обычной комиссионной торговлей через посредника, в городе с конца XV в. начинают активно действовать мелкие паевые компании. Это было вызвано увеличением количества товаров, расширением товарооборота, которые требовали новых капиталовложений в торговлю. Индивидуальных капиталов становилось недостаточно. В источниках упоминаются два типа паевых компаний: «свободные компании» (vrye selschup, wedderlegginge) и «полные компании» (vulle selschop, maskop)²². «Свободную компанию» образовывали чаще всего два компаньона, вносящие вначале одинаковый вклад. Это определяло ежегодную отчетность компаньонов друг перед другом, а также равное участие в дележе прибыли и риске. Примером может служить торговое объединение, образовавшееся 25 марта 1453 г. Ганс ван дер Гелле вступил в «свободную компанию» с братьями Герре и Хинрике Пеппек. Первоначальный капитал компании составлял 180 марок, доля Ганса — 90. Он обязался делить все прибыли, убытки и риск и ни с кем в подобное объединение не вступать в течение 6 лет²³. Часто аналогичные компании образовывали купцы, живущие в разных городах: скажем, бюргер Любека Дидерик Штрегель и бюргер Девентера Ганс Тарзеле; другие бюргеры Любека объединялись с ревельцами, люнебургцами²⁴.

Более сложным было объединение купцов в «полную компанию». Там один компаньон отвечал за долги другого, возникшие в ходе торговых операций компании, существовало общее имущество, которое образовывалось из первоначальных взносов, последующих прибылей и могло использоваться для уплаты долгов компании. На это имущество не могли претендовать родственники компаньонов²⁵.

Еще одной формой купеческого сотрудничества можно считать судовладельческую компанию. Она состояла из 2—

²¹ Das Buch des Lübeckischen... S. 111.

²² Lübisches Kaufmannsrecht vornehmlich nach Lübecker Ratsurteilen des XV—XVI Jh. Göttingen, 1959. S. 86.

²³ LÜB. 9. N 128.

²⁴ Ibid. 11. N 183; Lübecker Ratsurteile. Bd. 2. N 580; N 775.

²⁵ Lübecker Ratsurteile. Bd. 2. N 128, 334, 558; Bd. 1. N 976; LÜB. 11. N 492.

3 человек, в числе которых обязательно был судовладелец. Члены компании могли быть из разных мест и социальных слоев. Например, нам известен договор 1466 г. между любекским скипером Гансом Роденбеком и шведским рыцарем Биргером Тролле, между двумя любекцами и висмарским бюргером²⁶. Бывали и большие объединения из 9 человек, где участие в прибылях и расходах соответствовало паю, доле²⁷. Интересно заметить, что во главе одной из таких компаний стоял в 1533 г. Юрген Вулленвезер, глава демократического Любека. О ее деятельности становится известно из рукописи Вулленвевера от 29 марта 1533 г.²⁸ У компании было два корабля. Судя по свидетельствам рукописи, в марте возникла необходимость срочно уплатить деньги за продовольствие и месячную плату экипажам корабля соответственно паю каждого компаньона. Денег для этого в кассе компании не оказалось, и Вулленвезер брал займы у города. В документе названа сумма — 364 марки.

Обращает на себя внимание удаленность поручителя сделки от места ее заключения, значительность сумм: 356 марок, 806 марок, 210 марок. Это проливает свет на причины возникновения мелких паевых компаний: нехватка средств для самостоятельного ведения торговых дел. Очевидно, членами таких компаний становилось среднее купечество, не пользовавшееся ганзейскими привилегиями. Паевые компании открывали перед ними возможности участия во внешней торговле.

Новыми явлениями в торговле была покупка и продажа товаров в кредит (*borgkor*, *kor to borge*). Кредитные операции бывали на различные суммы: от 59 любекских марок до оплаты 40 штук нидерландского сукна, двух кораблей соли и пр.²⁹ Свидетельством распространенности купли — продажи в кредит являются дела о поручительстве, которыми пеэрят решения любекского совета. Часто продавец и покупатель были незнакомы и нужно было третье лицо, пользующееся уважением и доверием продавца. Поручитель брал на себя обязательство будущего платежа, и из-за этого часто возникали судебные разбирательства.

История любекской торговли конца XV — первой половины XVI вв. дает нам примеры появления «новых людей» —

²⁶ LUB. 11. N 69; Lübecker Ratsurteile. Bd. 2. N 567; Bd. 3. N 210.

²⁷ Lübecker Ratsurteile. Bd. 2. N 391.

²⁸ Leveghkühn A. Op. cit. S. 13—15.

²⁹ Lübecker Ratsurteile. Bd. 2. N 429; LUB. 11. N. 638.

богатых, предприимчивых, энергичных купцов, чья деятельность была связана с купеческими и судовладельческими компаниями. Так Раймер Зандов состоял в торговой компании с люнебуржцем Андерасом Бекером. Они вели крупномасштабную торговлю солью. Одновременно этот Раймер был членом судовладельческой компании, корабли которой ходили по Балтике на Ревель и дальше. Участвовал он и в торговле со Сконе³⁰. Таких богатых купцов было в Любеке немало.

Возникновение новых тенденций в торговле города имело определенные социальные последствия, прежде всего возрастание роли средних слоев купечества в хозяйственной жизни Любека, что породило их стремление участвовать в политическом управлении, вылившееся в открытую борьбу с патрициатом под руководством Вулленвевера.

М. А. Молдавская

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ГОРОДСКИХ НИЗОВ ВО ФРАНЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

В трудах многих французских историков первая половина XVI в. рассматривается как время благополучия народа и социального мира¹. Очерк, посвященный этому периоду, П. Шаню даже смел возможным назвать «Тишина (*calme*) XVI в.»². Живучесть таких представлений обусловлена недостаточной изученностью положения народа и конфликтов этого века. Лишь отдельные социальные движения привлекли внимание историков³.

³⁰ Lübecker Ratsurteile. Bd. 3. N 12, 210; Das Buch... S. 60, 398.

¹ Noill H. Henri II et la naissance de la société moderne. P., 1944; Lapeyré H. Les monarchies européennes du XVI s. Les relations internationales. P., 1967; Terrase Ch. François I. Le roi et la régence. P., 1970; Guerdan R. François I, le roi de la Renaissance. P., 1976.

² Histoire économique et sociale de la France/Dirigé par F. Braudel et E. Labrousse P., 1977. Vol. I. Part I. P. 46.

³ См.: Копылова В. Н. Восстание «габель» в Гиеме в 1548 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954; Молдавская М. А. «Большой мятеж» в Лионе в 1529 г. // Средние века. М., 1972. Вып. 35; Ее же. Положение городской бедноты в Лангедоке и ее социальные движения в первой половине XVI в. (к истории вопроса) // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1975. Вып. 2; Ее же. Движения городских низов в Дижоне в первой половине XVI в. // Средне-

Разумеется, следует учитывать, что интересующий нас период был во Франции временем успешного развития экономики и культуры, заметного подъема производительных сил, чему благоприятствовало прекращение войн с Англией и завершение территориального объединения страны. Самой благополучной экономической и политической конъюнктурой отмечено первое двадцатилетие XVI в.⁴ Тем не менее первая половина XVI в. отнюдь не была полосой социальной идиллии. Напротив, социальные противоречия, исподволь накапливавшиеся в это время, подготовили те взрывы яростной борьбы, которыми ознаменовались гражданские войны второй половины XVI в.

В данной статье предпринимается попытка обрисовать положение городских низов во Франции в первой половине XVI в. и тем самым выяснить причины народных движений этого времени.

В работе привлечены документы, еще не вошедшие в научный оборот или использованные недостаточно: материалы сборников законов А. Фронтанона, Ф. Изамбера, ордонансы Франциска I (их публикация доведена до 1536 г.), каталог законодательных актов того же времени⁵.

Первая половина XVI в. была временем почти непрерывных, так называемых, «Итальянских войн». В 1513, 1524, 1536 гг. вражеские армии вторгались на территорию Франции. Война влекла за собой обязательные постой и злоупотребления со стороны войск. Население отказывалось предоставлять жилье военным. Столкновения на этой почве были таковы, что нередко войска, в соответствии с инструкцией, разрушали городские мосты и ворота, чтобы попасть в город, взламывали двери домов и брали в плен сопротивлявшихся жителей, «чтобы утратить остальных»⁶.

ковый город. Саратов, 1976. Вып. 3; Ее же. Народные движения в Провансе в первой половине XVI в. // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1982. Вып. 4; Райцес В. И. Восстание в Ажене (Южная Франция) в 1514 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1968; Трофимова О. В. Социально-политическая борьба в Ларошели в первой половине XVI в. // Из истории Франции. Уфа, 1972. Вып. 4.

⁴ См.: Люблинская А. Д. Французские крестьяне в XVI—XVIII вв. Л., 1978. С. 10.

⁵ Fontanon A. Les édits et ordonnances des Rois de France: In 2t. P., 1585—1610; Isambert F. A. Recueil général des anciennes lois. P., 1612. T. XII—XIV; Ordonnances des rois de France. Règne de François I: In 8t. P., 1922—1965; Catalogue des actes de François I: In 10t. P., 1887—1908.

⁶ Ordonnances... T. 4. P. 294—297.

Резко усиливается налоговое бремя. Одна лишь габель — налог на соль, наиболее ненавистный, — в 1523 г. составляла 460 тысяч, а к концу правления Франциска — 1750 тысяч ливров⁷. В первой половине XVI в. по поводу этого налога было издано 8 эдиктов и ордонансов⁸. По мнению П. Шаню, с 1510 по 1550 гг. налоги более чем утроились⁹. Основной прямой налог — талья — в 1515 г. составлял 2800 тысяч ливров, а к концу царствования Франциска I его размеры увеличились до 4269 тысяч¹⁰. Торговля и ремесла облагались все растущими поборами. Система откупов создавала почву для злоупотребления откупщиков за счет налогоплательщиков. В городах распределение налогов зависело от органов местного самоуправления и заседавшая в них верхушка перекладывала большую часть бремени на трудящийся люд. Жалобы на высокие налоги и просьбы об их снижении исходили как от штатов и парламентов провинций, так и от муниципалитетов отдельных городов, сельских общин, цехов. Изредка просьбы удовлетворялись, что, конечно, не изменяло существа налоговой политики.

С конца XV в. отмечается рост цен на продукты и товары широкого потребления. В эдикте 1498 г. властям на местах поручалось устанавливать «разумные цены», сообразно урожаю и условиям каждого года¹¹. В эдикте 1508 г. уточнялось, что власти должны устанавливать цены на продукты и публиковать их дважды в год: 11 ноября и в начале мая¹². Ордонанс 1519 г. предписывал устанавливать таксу на продукты и товары, а также на содержание в гостиницах уже каждые три месяца, возлагая эти обязанности на местных судей¹³.

С 1520-х гг. началась «революция цен», связанная с наплывом драгоценных металлов; ее темпы и уровень в разных районах страны были неодинаковы, цены на различные товары и продукты повышались также неравномерно. А. Сэ под-

⁷ Clamageran. Histoire de l'impôt en France. P., 1868. P. 123.

⁸ См.: Покровская М. А. К вопросу о налоговой политике французского абсолютизма первой половины XVI в. // Учен. зап. Орловского пед. ин-та. Орел, 1964. Т. 22. С. 213—236.

⁹ Histoire économique... Vol. I. Part 1. P. 46.

¹⁰ Clamageran. Op. cit. P. 111—112.

¹¹ Isambert F. A. Recueil... T. XI. P. 379—384.

¹² Fontanon A. Les édits... T. 1. P. 735—737.

¹³ Ibid. T. 1. P. 738—740.

считал, что на протяжении XVI в. стоимость жизни во Франции возросла в 4 раза¹⁴. Ж. Эмбар отмечает то же самое и подчеркивает, что заработная плата росла гораздо медленнее и за этот период увеличилась лишь в 2 раза¹⁵. Р. Перну показал, что плата за жильё вздорожала за XVI в. в 3 раза, цены на мясо выросли в 2, на зерно — в 5 раз. А заработная плата повысилась не больше чем на 50%¹⁶.

Даже учитывая, что нет единого мнения об относительном и абсолютном уровне цен в разные десятилетия и что точные данные о цене многих продуктов потребления отсутствуют, можно сказать: вздорожание коснулось больше всего сельскохозяйственной продукции. С 1530 по 1560 гг. цены на продукты поднялись в среднем на 30—40%, на промышленные изделия — на 25—35%¹⁷. По данным Боргарда, сетье зерна (156 литров) в начале века стоило 10 парижских су, а в 1554 г. — 66 су 8 денье; в районе Парижа, как показал А. Озе, цена сетье зерна (в турецких ливрах) поднялась с 1 ливра 52 су до 22 ливров 27 су; сливочное масло вздорожало с 83 денье в 1503 г. до 1 су 69 денье за фунт в 1548 г.¹⁸

В октябре 1531 г. правительство издало постановление о новом порядке продажи зерна на рынках, направленном против спекулянтов. Отныне под страхом строгих наказаний торговцам запрещалось закупать зерно до окончания розничной торговли, т. е. до того, как мелкий люд закупит потребное ему количество¹⁹. Указ устанавливался для неурожайных и голодных лет²⁰. Это, по мнению правительственных чиновников, должно было предупреждать спекуляцию. В ордонансе от июля 1532 г., кроме того, устанавливались наказания за повышение цен: в первый раз — конфискация про-

¹⁴ Sée H. *Esquisse d'une histoire économique et social de la France depuis les origines jusqu'à la guerre mondiale*. P., 1929. P. 194.

¹⁵ Imbert J. *Histoire économique des origines à 1789*. P., 1965. P. 348.

¹⁶ Pernoud R. *Histoire de bourgeoisie en France*. P., 1960. P. 377—378.

¹⁷ Pigeonneau H. *Histoire du commerce de la France*. P., 1889. T. 2. P. 196.

¹⁸ Beaurgard P. V. *Essai sur la théorie du salaire. Le main-d'oeuvre et son prix*. P., 1887. P. 69; Hauser H. *Recherches et documents sur l'histoire des prix en France de 1500 à 1800*. P., 1936.

¹⁹ Isambert F. A. *Recueil...* T. XII. Part 1. P. 355—356; *Ordonnances...* T. 6. P. 192.

²⁰ Isambert F. A. *Recueil...* T. XII. Part 1. P. 492.

дуктов, во второй — штраф, а в случае третьего нарушения таксы — выселение из города²¹. В указе 1542 г. предписываются более жесткие наказания торговцев и трактирщиков за спекуляцию: после первой жалобы — заключение в тюрьму на 3 дня, после второй — на 8 и выплата штрафа, третья влечет за собой публичное бичевание и штраф²². В 1546 г. правительство вновь указало местным властям на необходимость регулирования цен на продукты и товары, определяя их каждые четыре месяца «в умеренных размерах»²³.

Увы! Ни точные расценки, ни строгие предписания и наказания не могли остановить рост цен, обусловленный не одной лишь «жадностью и злоупотреблениями» торговцев, как казалось авторам официальных документов. Несостоятельность мер борьбы с дороговизной была признана в эдикте Генриха II от июля 1551 г.: «Как ни хороши наши ордонансы, как ни старались мы упорядочить цены, но упомянутые выше вымогательства продолжают, нашими предписаниями пренебрегают». В ордонансе 1557 г. повторяются те же жалобы, рекомендации, угрозы²⁴.

Отчаянное положение городских низов и тревога правительства, опасавшегося народных волнений, здесь проявились весьма отчетливо. Страхом перед возможным народным возмущением были продиктованы попытки регулирования хлебной торговли и другие меры полицейского надзора, имевшие, впрочем, весьма незначительное реальное воздействие. С началом гражданских войн правительственные постановления окончательно утратили значение.

Французские авторы объясняют массовый пауперизм демографическим взрывом, охватившим конец XV и две трети XVI в., когда, по их мнению, рост населения превышал возможности его использования как в деревне, так и в городе²⁵. Однако данные, хотя и неполные, свидетельствуют о неуклонном снижении жизненного уровня в результате дороговизны. В 1500—1518 гг. рабочий строитель в Париже зарабатывал 2,05 турецких су за день, а в 1519—1549 гг. он получал от 3 до 3,33 су²⁶. Но в 1501—1525 гг. рабочий мог купить на

²¹ Fontanon A. *Les édits...* T. 1. P. 738—740.

²² Ibid. T. 1. P. 740—741.

²³ Ibid. T. 1. P. 742.

²⁴ Ibid. T. 1. P. 742—747.

²⁵ *Histoire économique...* Vol. 1. Part 1. P. 420—421.

²⁶ Baulant M. *Le salaire des ouvriers du bâtiment à Paris de 140 à 1726*//*Annales. E. S. C. P.*, 1971. 26 année. N 2. P. 470—471.

однодневную зарплату 14,6 литров зерна или 2 кг 720 г говядины, или 1 кг 870 г свинины, или 8,2 литра вина. В 1526—1550 гг. на дневной заработок он мог приобрести только 10 литров зерна или 2 кг 690 г говядины, или 1 кг 400 г свинины, или 3,1 литра вина²⁷. В 1495 г. косарь в районе Парижа зарабатывал 5 су в день, а в 1540 г. — 12. Но средняя цена зерна в 1490 г. была 0,75 ливра за сетье, а в 1535—1545 — 2,5 ливра²⁸. Как видим, разрыв между ценами и заработной платой все увеличивался. В 1500—1525 гг. стоимость пропитания составляла 35% заработка сельскохозяйственного поденщика, в 1525—1550 г. — уже 55—56%. Заработная плата не поспевала за ростом цен. У того же поденщика она выросла с 1530 по 1560 гг. только на 15—20%, у городского наемного рабочего — на 20—30%²⁹. А. Д. Люблинская отмечала, что в 1550-е гг. заработная плата была на 20—30% выше, чем в начале столетия, а реальный заработок упал за XVI в. не менее чем на 70%³⁰.

В первой половине этого века не раз случались голодовки. Даже в Париже, центре плодородного края, в 1520, 1521, 1523, 1529—1532, 1534 гг. была чрезвычайная дороговизна на хлеб. О голоде говорят различные правительственные документы того времени. В таких случаях запрещался вывоз хлеба за границу и поощрялся его ввоз в наиболее пострадавшие провинции³¹. Почти каждый третий год в XVI в. оказывался годом дорогого хлеба³².

Хлеб был главной пищей городской бедноты, расходы на него составляли 50—60% заработка³³. Ясно, что рост цен на хлеб и другие продукты сказывался особенно болезненно на положение хронически недоедавшего мелкого люда, находящегося на грани нищеты. Когда же в результате недорода, спекуляции, нерадивости муниципальных властей хлеб нерегулярно поступал на рынок даже по повышенным ценам,

²⁷ Barret Fr. Histoire du travail. P., 1955. P. 40.

²⁸ Histoire économique... Vol. I. Part 1. P. 646.

²⁹ Avenel G. Histoire économique de la propriété des salaires des denrées et tout les prix en général depuis l'an 1200 jusqu'en 1800. P., 1898. T. 3. P. 196.

³⁰ См.: Люблинская А. Д. Франция в начале XVII века (1610—1620). Л., 1959. С. 28.

³¹ Fontanon A. Les édits... T. 1. P. 732—733; Isambert F. A. Recueil... T. XII. Part 1. P. 355—356; Catalogue... T. 1. P. 113. N. 658; T. 2. P. 94. N. 4314; T. 2. P. 593. N. 6655; T. 4. P. 42. N. 11194; T. 4. P. 55. N. 11253.

³² Histoire économique... Vol. I. Part 1. P. 441.

³³ Ibid. Vol. I. Part 1. P. 419.

то почва для народных волнений оказывалась подготовленной.

Городские рабочие страдали и от изобилия церковных праздников, в которые им запрещалось трудиться. Точное число рабочих оплачиваемых дней не поддается учету, оно варьировало в разных местностях и отраслях производства. М. Болан пришел к выводу, что парижские строители работали в XV, XVI и большей части XVII в. 272—277 дней в году; а по данным Г. Ришара, строительные рабочие в Лионе и Париже не работали в среднем 5 дней из 7; заработную плату они получали лишь за 100—110 дней в году³⁴. Несомненно, большое количество церковных праздников было одним из факторов, способствовавших снижению жизненного уровня наемных рабочих.

Документы эпохи пестрят сведениями о «ропоте», «мятежах», «волнениях», «беспорядках» в городах и городках разных концов страны. Причины движений были различны. Из нашего материала явствует, что они могли возникать в связи с голодом, непомерным бременем налогов, дороговизной, злоупотреблениями ростовщиков и местных властей. Но при всем разнообразии побудительных стимулов, эти движения являли собой оппозицию против феодализма, усиленную теми тяготами и страданиями, которые несла низам городского населения заря капиталистической эры производства.

Т. А. Принцева

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ ГЕНРИХА VIII. 1509—1533 гг.

(выдача лицензий на экспорт шерсти)

В данной статье предпринимается попытка исследовать практику выдачи торговых лицензий на экспорт шерсти в первой трети XVI в. представителям различных социальных групп английского общества. В таком аспекте торговая политика Генриха VIII Тюдора не была предметом специального рассмотрения.

³⁴ Ibid.; Baulant M. Op. cit. P. 470—471.

О значении торговли шерстью для Англии эпохи средневековья написано немало¹. Но ее место в английском экспорте не оставалось неизменным. Так, в конце XIII в. шерсть составляла половину национального богатства страны². Главную роль в вывозе шерсть играла до 30-х гг. XV в.³. А затем на первое место постепенно начинает выдвигаться экспорт сукна: к 70-м гг. он явно преобладает. Тем не менее и во второй половине XV, и в XVI вв. шерсти вывозилось много, поскольку отечественная мануфактура не могла ее полностью использовать.

Исследователи выяснили, что с образованием компании Стапля (1353 г.) английские купцы монополизировали торговлю шерстью⁴. Однако под контроль компании не попали купцы Бервика и Нькасла-на-Тайне: им разрешалось отправлять низкосортную шерсть из четырех северных графств прямо в Нидерланды⁵. По королевским лицензиям могли вывозить шерсть итальянцы⁶. Более того, королевские лицензии позволяли любому лицу торговать разными товарами в обход Стапля.

Обратимся к анализу лицензий, выданных на экспорт шерсти⁷. Выясняется, что с 1509 по 1533 гг. в вывозе шерсти участвовало 38 лиц, которым было выдано 36 лицензий. Чаще всего они выдавались отдельным лицам, но есть и коллективные разрешения: в данном случае 8 получено двумя и более

¹ Cambridge Economic History of Europe: Trade and Industry in the Middle Ages/Ed. by M. Postan and E. Rich. Cambridge, 1952. Vol. 2; Cambridge Economic History of Europe: The Economy of expanding Europe in the sixteenth and seventeenth Centuries/Ed. by E. Rich and C. H. Wilson. Cambridge, 1967. Vol. 4; Postan M. Medieval Trade and Finance. Cambridge, 1973; Bowden P. J. The Wool Trade in Tudor and Stuart England. Cambridge, 1962; Lloyd T. H. The English Wool Trade in the Middle Ages. Cambridge, 1977.

² Postan M. Medieval Trade... P. 342.

³ Bridbury A. Economic Growth England in the Later Middle Ages. L., 1962. P. 32.

⁴ Postan M. The Medieval Economy and Society. An economic History of Britain, 1100—1500. Los Angeles, 1972. P. 218—219; Ram-say G. D. English overseas Trade during the Centuries of Emergence. L., 1957. P. 11.

⁵ Bowden P. J. Op. cit. P. 108; England's export Trade, 1275—1547/Ed. by E. Carus-Wilson and O. Coleman. Oxford, 1963. P. 25.

⁶ England export Trade... P. 12; Cambridge Economic History... Vol. 2. P. 243.

⁷ Letters and Papers, foreign and domestic, of the Reign of Henry VIII/Ed. by J. S. Brewer, J. G. Gardiner and R. H. Brodie. L., 1862. Vol. I—VI. Parts 1—9 (далее: LP).

партнерами, 2 — мэрами и общинами городов Саутгемптона и Йорка. 5 лицензий разрешают вывоз не только шерсти, но и сукна, кожи, зерна, свинца, олова.

Анализ социального положения экспортеров шерсти позволил выделить три группы получателей лицензий: государственные чиновники различного ранга и лица, служившие при дворе; купцы; корпорации двух городов. В первой, самой многочисленной группе из 21 получателя 14 являлись высокопоставленными придворными: лорд Уиллоби⁸; второй герцог Норфолк⁹; лорд-адмирал флота Э. Говард¹⁰; его зять Т. Нувет; член Тайного совета Г. Уайт; сэр Д. Рассел; первый граф Берфорд¹¹, вице-адмирал в 1512 г., позже (1519, 1523—1525, 1526—1527) был на дипломатической службе; Э. Угтред, капитан из Бервика, последний представитель баронской семьи Угтредов, корни которой уходят в XIII в.¹² и др.

Почти все названные получатели лицензий пользовались личным расположением короля, особенно — Г. Уайт. Представителей первой группы связывали служебные, родственные, деловые нити. Так, королевский знаменосец К. Брандон, адмирал Э. Говард, государственный деятель Э. Гулфорд, рыцарь и сквайр короля Т. Нувет дважды получали коллективные лицензии: в октябре 1510 г. и в июле 1511 г.¹³ Рыцарь В. Браун и сквайр короля У. Сидни тоже объединили свои усилия в торговом деле. Их деловая предприимчивость оказалась очень высокой: по двум лицензиям они вывезли 4000 мешков шерсти (43% того, что падало на долю всей этой группы)¹⁴. Возможно, успеху способствовала предпринимательская жилка семьи Сидни, провинциальных землевладельцев. Кстати, У. Сидни вел в своих владениях добычу угля¹⁵.

⁸ LP. Vol. II. Part 1. P. 121. Лорд Уиллоби имел также лицензию на вывоз пива, ячменя, солода (LP. Vol. II. Part 2. P. 906). Он был не единственным, кто занимался коммерцией в этой семье. Например, Френсис Уиллоби пытался улучшить свои денежные дела через торговлю вайдой (см.: Platt C. Medieval England. L., 1978. P. 240—241).

⁹ The Dictionary of National Biography/Ed. by L. Stephen and S. Lee. L., 1908—1909. Vol. 10 (далее: DNB).

¹⁰ Davies C. S. The Administration of the royal Navy under Henry VIII//English Historical Review. 1965. Vol. LIII. N 315. P. 269.

¹¹ DNB. Vol. 11. P. 340; Vol. 17. P. 444; Vol. 21. P. 1098.

¹² DNB. Vol. 17. P. 445; Vol. 20. P. 15—16; LP. Vol. III. Part 1. P. 71, 172; Vol. III. Part 2. P. 883.

¹³ LP. Vol. I. P. 210, 343.

¹⁴ LP. Vol. I. P. 348; Vol. II. Part. 1. P. 454.

¹⁵ Platt C. Op. cit. P. 244—245.

Двое из придворных торговцев по лицензиям, У. Гонсон и У. Крейн, являлись членами ливрейных компаний, первый — компании бакалейщиков, второй — суконщиков¹⁶. Трудно сказать, где началась деятельность этих лиц: при дворе или в ливрейных компаниях. Так, У. Крейн был не только джентльменом двора, контролером таможни, но и инспектировал строительство королевского флота¹⁷. О Гонсоне пишут как о процветающем бакалейщике и основателе королевской администрации флота¹⁸. Исследователи указывают, что в 1524—1525 гг. Гонсон занимал в ней очень важную должность казначея. В 1525 г. он возглавил компанию бакалейщиков¹⁹. Надо полагать, что У. Крейн и У. Гонсон были как раз теми придворными, в которых могли быть заинтересованы компании суконщиков и бакалейщиков.

Довольно значительную группу экспортеров шерсти в 14 человек составили купцы. Среди них мы видим членов ливрейных компаний, торговцев предметами роскоши, суконщиков, купцов-портных. Некоторые купцы в лицензиях названы просто «merchant»: очевидно, они не принадлежали к какой-либо компании. Среди таковых фигурируют будущий олдермен Лондона Д. Эйлин и будущий мэр Т. Сеймер; их имена встречаются и в одной из коллективных лицензий, выданных купцам²⁰.

Самое удивительное, что в этой группе были и 3 члена компании купцов-стаплеров, для которых не требовалось специального королевского разрешения на вывоз шерсти. Причем, их доля в экспорте шерсти по лицензиям очень велика: 2000 мешков из 4800, проданных представителями всей группы за пределами Англии. Получается, что купцы Стапля сами нарушали монопольные права своей компании. Из четырех выданных им лицензий только в одной содержится объяснение этого: некто У. Браун, минуя Стаплъ, в марте

¹⁶ LP. Vol. IV. Part 3. P. 2655; Vol. III. Part 2. P. 1180.

¹⁷ LP. Vol. III. Part 2. P. 1180; Davies C. S. Op. cit. P. 270.

¹⁸ Scammel G. V. Ship-owning in England, 1450—1550//TRHS. 1962. Ser. 5. Vol. 12. P. 117.

¹⁹ Davies C. S. Op. cit. P. 282—283.

²⁰ Т. Сеймер и Д. Эйлин названы купцами в коллективной лицензии от 17 декабря 1509 г. Как олдермен Лондона Эйлин значится в лицензии на импорт вина (1522 г.) и в разрешении на покупку шерсти из Котсулда (1524 г.). Об избрании Сеймера в 1530 г. мэром Лондона известно из королевского утверждения его в этой должности (см.: LP. Vol. I. P. 106; Vol. III. Part 2. P. 915; Vol. IV. Part 1. P. 136; Vol. IV. Part 3. P. 2943).

1517 г. вывез по разрешению короля 600 мешков шерсти в компенсацию своих убытков, связанных с поставкой зерна королевской армии, находящейся за морем²¹. Д. Комптон и Р. Фермоур вывезли 1400 мешков, получив лицензии в 1513 и в 1516 гг. (Р. Фермоур — на 6 лет)²². Очевидно, торговля шерстью по лицензиям без контроля со стороны компании была выгодна для этих купцов, тем более, что с развитием мануфактурного производства сукна начинается упадок стапельной торговли, уменьшаются доходы членов компании, сокращается их число²³.

В отдельную группу мы выделили двух коллективных получателей лицензий: города Саутгемптон и Йорк. В отношении первого как будто можно говорить об экстраординарности случая: в феврале 1511 г. он получил разрешение беспощадно экспортировать 100 мешков шерсти, чтобы найти средства для восстановления городских стен, разрушенных наводнением²⁴. Йорк же получал лицензии на вывоз шерсти неоднократно. Об этом свидетельствуют письма общины города королевской администрации от 1519 и 1528 гг.²⁵. Думается, оба случая позволяют говорить об общей тенденции в политике короны XVI в. в отношении городов: стремлении предотвратить их упадок, связанный с концентрацией торговли шерстью и сукном в Лондоне. Разрешения на льготную торговлю шерстью были одной из мер правительства по финансовой поддержке провинциальных городов-портов, отстраненных от широких внешнеторговых операций²⁶.

Попытаемся определить степень нарушения монопольных прав компании Стапля, сведя в таблицы данные об экспорте шерсти по лицензиям и общем объеме ее вывоза (таблица). Прежде всего обнаруживается резкая разница между 1509/10—1515/16 и 1516/17—1532/33 гг. Условно назовем выделенные годы «первым» и «вторым» периодами. Видно, что в первый период было довольно значительное количество

²¹ LP. Vol. II. Part 2. P. 974.

²² LP. Vol. I. P. 483; Vol. II. Part 1. P. 115; Vol. II. Part 2. P. 970.

²³ Salzman L. F. English Trade in the Middle Ages. Oxford, 1931. P. 298—300, 344—345; Lloyd T. H. Op. cit. P. 283.

²⁴ LP. Vol. I. P. 217.

²⁵ LP. Vol. III. Part 1. P. 116; Vol. IV. Part 2. P. 1717.

²⁶ Fisher F. J. Commercial Trends and Policies in the sixteenth Century//Essays in economic History/Ed. by E. M. Carus—Wilson. L., 1954. P. 154. Об упадке английских провинциальных городов в XVI в. см.: Штокмар В. В. Некоторые данные тюдоровского законодательства об упадке английских провинциальных городов в XVI в.//Средневековый город. Саратов, 1974. Вып. 2.

Экспорт шерсти из Англии в 1509—1533 гг.

Годы	Количество лицензий	По лицензиям (в мешках)	По Таможенным отчетам (в мешках)
1509/10	2	700	7691
1510/11	6	800	8344
1511/12	2	2200	6598
1512/13	4	1400	5371
1513/14	8	1950	7000
1514/15	2	740	5695
1515/16	3	2620	6870
1516/17	1	600	6588
1517/18	1	40	6506
1518/19	—	—	9187
1519/20	—	—	9511
1520/21	—	—	7352
1521/22	—	—	4646
1522/23	2	120	3465
1523/24	—	—	4275
1524/25	—	—	3255
1525/26	2	не указано	4150
1526/27	—	500	6184
1527/28	1	200	4992
1528/29	1	200	2822
1529/30	—	—	4307
1530/31	—	—	2397
1531/32	—	—	2227
1532/33	1	1000	1567
Всего:	36	13070	131000

лицензий, выдаваемых ежегодно: от 2-х до 8-ми; с 1516/17 гг. — одна, редко две в год. Иными словами, в первый период было выдано более 70% всех лицензий, по которым вывезли 10410 мешков шерсти, во второй — почти в 4 раза меньше, всего 2660.

Общий объем вывезенной за 1509—1533 гг. шерсти — 131000 мешков²⁷. Экспорт по лицензиям составил почти десятую часть этого количества (9,9%). В первый период нарушение монопольных прав компании Стапля наносило ей

²⁷ England's export Trade... P. 70—73.

ощутимый урон: по лицензиям вывозилось в среднем около 20% общего объема шерсти, хотя по годам отмечены резкие колебания — от 9% до 38%. Во второй период права Стапля затрагивались меньше: экспорт по лицензиям составлял 5,3% общего объема, за исключением 1532/33 гг., когда он подскочил до 63,8%.

Выдача лицензий на экспорт шерсти в целом противоречила интересам купцов, членов компании Стапля. Социальный состав получателей лицензий показывает, что больше половины из них были придворными и чиновниками, треть — представителями городской верхушки, членами других компаний. Корона обогащалась за счет торговли лицензиями, придворные — за счет их использования.

Т. В. Мосолкина

**РАЗВИТИЕ БУРЖУАЗНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О БОГАТСТВЕ У АНГЛИЙСКИХ ПРОПАГАНДИСТОВ
КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА**

Страсть к накоплению богатства возникла у людей на очень ранней ступени их развития, но понятие о богатстве менялось на протяжении веков и тысячелетий. Сначала богатство заключалось в обладании большим количеством скота или рабами, затем богатством стала земля и, наконец, золото и драгоценные металлы вообще. Каждый класс вкладывал в понятие богатства свое содержание.

Для феодалов богатство — это возможность вести роскошный образ жизни и доставлять его обладателю удовольствие¹. По сравнению с легкомысленным, веселым и расточительным богатством феодальной знати К. Маркс называл буржуазное богатство трезвым и бережливым².

Но само понятие богатства не оставалось однозначным и для буржуазии. Первоначально так же, как у феодальной аристократии, оно ассоциировалось с накоплением драгоцен-

¹ В подтверждение этого К. Маркс приводит слова Буагильбера (одного из интендантов Людовика XIV): «Истинное богатство... это полное пользование не только предметами жизненной необходимости, но также и всем тем, что является роскошью и что может доставить удовольствие чувствам» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 41).

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 167.

ных металлов. Не случайно Ф. Энгельс отмечал: «Золото искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; золото было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; золото — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег»³.

Но если для феодалов золото существовало в виде сокровищ, то для возникавшей буржуазии драгоценные металлы были прежде всего деньгами. Богатство государства сводилось к накоплению в стране как можно большего количества золота и серебра. Обоснованием подобной точки зрения и основным направлением экономической мысли XV—XVII вв. был меркантилизм⁴.

Однако уже в начале XVII в. появляются попытки определить богатство не только как некоторую сумму драгоценных металлов. Эти попытки исходили от людей, непосредственно связанных с предпринимательской деятельностью.

В данной работе пойдет речь о представителях английских торговых компаний, занимавшихся освоением различных регионов мира. Именно в этой деятельности очень ярко проявились энергия и напористость молодой буржуазии. В сочинениях представителей английского колониализма можно проследить и развитие буржуазного представления о богатстве. Авторами рассматриваемых произведений были очень разные люди. Были среди них и чисто практические деятели, были коллекционеры документов и пропагандисты колониальных предприятий, были и крупнейшие теоретики в области экономической мысли. Но всех их объединяло одно — новое представление о богатстве и источниках его возникновения.

Мы попытаемся проследить, как развивалось буржуазное представление о богатстве, и в чем видели источники богатства авторы начала XVII в.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 408.

⁴ Под меркантилизмом понимается: во-первых, экономическая политика государства; во-вторых, система экономических взглядов, обосновавших эту политику. Теоретики меркантилизма сосредоточили внимание на анализе сферы обращения. Основным теоретическим положением меркантилизма было утверждение, что богатством является лишь то, что может быть реализовано в деньгах. Подробнее о меркантилизме см.: Меркантилизм/Под ред. И. С. Плотникова. Л., 1935; История экономической мысли. М., 1961. Ч. 1; Мордухович Л. М. Очерки истории экономических учений. М., 1957; Его же. Главные этапы истории экономических учений. М., 1970. Ч. 1.

Англия приступила к колониальным захватам позже Испании, Португалии и даже Голландии. И к концу XVI — началу XVII вв. сложилось уже более реальное представление о возможностях колонизируемых стран. Тем не менее, золото продолжало привлекать участников различных экспедиций и предприятий. Это было естественно в условиях развития мирового рынка и товарно-денежных отношений в целом. Как свидетельствует один из первых колонистов Виргинии Дж. Смит, однажды всю полезную работу в колонии оставил из-за погрузки на корабль «огромного количества позолоченного дерьма»⁵. (Все заболели «золотой лихорадкой», приняв за золото похожую на него руду.) Конечно, возможность найти золото никого не оставляла равнодушным. И все же принципиальная новизна произведений начала XVII в. заключалась в том, что в отличие от сочинений более раннего периода они не делали золото главной приманкой колониальных предприятий.

Особенно наглядно это проявилось в произведениях Дж. Смита. Уже в начале своего памфлета «Описание Новой Англии...» Смит заявляет: «Что касается золота, то это был скорее вымысел руководителя, чтобы снарядить экспедицию, которая им проектировалась, чем какое-либо знание по этому вопросу»⁶. Из этих слов Смита можно заключить, что с самого начала золото не являлось для него главной целью экспедиции. Такое же отношение к драгоценным металлам проявлял и другой крупнейший английский пропагандист колониальной экспансии С. Пэрчес. Он писал: «Главная польза Виргинии не в рудниках золота и серебра, а в товарах»⁷. Итак, золото перестает быть основным символом богатства.

Уже в начале XVII в. английские пропагандисты наряду с общепринятым мнением, что богатство это определенная сумма денег, выдвигают совершенно противоположную идею. Например, Т. Мен, член правления Ост-Индской компании и родоначальник английского меркантилизма, еще в 1621 г.

⁵ Smith J. Travels and works of Captain John Smith/Ed by E. Arber. Edinburg, 1910. Vol. 2. P. 408.

⁶ Smith J. A Description of New-England 1616//Tracts and other papers, Relating Principally to the Origin, Settlement, and Progress of the Colonies in North America, from the Discovery of the Country to the Year 1776/Ed. by P. Force. N. Y., 1947. Vol. 2. P. 1.

⁷ Purchas S. Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes. Glasgow, 1905—1907. Vol. 19. P. 240.

давал такое определение богатства: «Богатство государства, как всем известно, состоит в обладании такими вещами, которые необходимы для жизни. Оно состоит из вещей двойного рода: во-первых — из естественных продуктов территории, во-вторых — из искусственных продуктов труда его граждан»⁸. О золоте или деньгах вообще никаких упоминаний нет. Можно предположить, что они включаются в состав «естественных продуктов». Но в другом месте Мен подробно расшифровывает, что богатства Англии состоят «из превосходной шерсти, железа, свинца, олова, шафрана, зерна, съестных припасов, шкур, воска и других естественных богатств...»⁹. То есть можно сделать вывод, что речь идет о таких продуктах, которые можно использовать в процессе производства.

Очень характерно, что Т. Мен, стоявший у истоков меркантилизма в Англии, во многом шел дальше ранних представителей этого течения экономической мысли. Это касается и представлений о богатстве. Вопреки общепринятому мнению о том, что богатство государства связано с накоплением в нем денег, Мен утверждал: даже «если мы переплавим наши золотые и серебряные изделия на монеты... то это даст избыток денег на время, но богаче мы от этого не станем...»¹⁰. Таким образом, буржуазное представление о богатстве не родилось в какой-то данный момент. Оно складывалось постепенно, переходя от примитивного преклонения перед золотом к отождествлению богатства с товарами для торговли и сырьем для промышленности. То есть с теми предметами, которые можно пустить в оборот и которые могут принести доход.

Кроме того, уже в начале XVII в. в рассматриваемых произведениях нашли отражение новые представления об источниках богатства. Даже для поздних меркантилистов основным источником богатства была внешняя торговля. Но уже Т. Мен и Дж. Смит связывали накопление богатства с производством. В их произведениях содержится мысль о том, что источником накопления является труд. По мнению

⁸ Mun Th. A Discourse of trade from England to the East-Indies. Answering to divers objections which are usually made against the same//Hakluytus Posthumus or Purchas his Pilgrimes. Vol. 5. P. 296.

⁹ Mun Th. Englands Treasure by Forraign Trade. Or The Ballance of our Forraign Trade is The Rule of our Treasure//Early English Tracts on commerce/Ed. by J. R. McCulloch. Cambridge, 1954. P. 130.

¹⁰ Ibid. P. 192.

Мена, «трудолюбие, которое увеличивает богатство, и бережливость, которая его сохраняет, являются поистине верными стражами богатства государства...»¹¹. Мен спустя почти десять лет вновь останавливается на том, что богатство возникает в процессе труда: «...наше богатство могло бы быть необычной темой для восхищения и страха всего христианского мира, если бы мы только прибавили искусство к природе, наш труд к нашим естественным средствам»¹². Если Т. Мен был признанным теоретиком меркантилизма, то Дж. Смит был сугубо практическим деятелем. И тем более характерно, что, не занимаясь абстрактными рассуждениями об источниках богатства, он приходит к тем же выводам, что и Т. Мен. Убедая своих соотечественников в выгоды колонизации Северной Америки, он отмечал, что там можно «прилежанием быстро стать богатым, используя лишь половину того времени, которые мы проводим в Англии в праздности»¹³. Сочетание таких понятий, как богатство и труд, является чисто буржуазным. Оно было совершенно чуждым феодальной аристократии, для которой богатство абсолютно исключало необходимость труда.

Очень интересно проследить, какие отрасли производства считали наиболее доходными пропагандисты колониальной экспансии. Этот вопрос тоже решался по-новому.

Одним из главных источников богатства к началу XVII в. начинают считать рыболовство. Например, Дж. Смит утверждал, что рыболовство может не хуже золотых и серебряных рудников обогатить страну. Для доказательства он сравнивает Испанию и Голландию и делает вывод: «Никогда не смогут испанцы со всеми их золотыми и серебряными рудниками заплатить свои долги; их друзья и армия уменьшились наполовину, в то время как голландцы достигли еще большего благодаря их презренной (явно в ироническом смысле. — Т. М.) торговле рыбой... это их рудники; и море является источником этих серебряных ручьев всего их могущества, которое сделало их теперь чудом предприимчивости»¹⁴. В другом месте Смит прямо связывает накопление богатства с развитием рыболовства: «Сельдь, треска и мор-

¹¹ Mun Th. A. Discourse... P. 263. Данное высказывание прекрасно подтверждает определение Марксом буржуазного богатства как трезвого и бережливого.

¹² Mun Th. Englands Treasure... P. 193.

¹³ Smith J. A Description... P. 8.

¹⁴ Ibid. P. 7.

ской налим — это та троица, которая создала их (голландцев. — Т. М.) богатство и многочисленный флот, точно так же, как продолжает это делать и сейчас...»¹⁵. Можно было бы заподозрить Смита в пристрастном отношении к рыболовству: он сам много лет занимался этим делом. Но об этом же ведет речь и Т. Мен: «Рыба в морях его величества в Англии, Шотландии и Ирландии является нашим естественным богатством, и добыча ее не требует ничего, кроме труда...»¹⁶.

Большое значение придавалось и развитию сельского хозяйства. Т. Мен считал: «Хотя наше государство чрезвычайно богато от природы, все же его богатство можно было бы еще увеличить, обрабатывая обширные пустоши...»¹⁷. Сравнивая сельское хозяйство с сукноделием, он отмечал: «Хотя она (суконная промышленность. — Т. М.) является величайшим богатством и наилучшим занятием для бедного люда королевства, все же мы могли бы, может быть, с большей безопасностью, изобилием и пользой для себя заниматься больше обработкой земли и рыболовством...»¹⁸. Мен объясняет такое отношение к сукноделию тем, что производство сукна было тесно связано с торговлей, и колебания на внешнем рынке могли принести убытки государству. Безусловно, подобное рассуждение было чисто демагогическим. Т. Мен как член Ост-Индской компании был мало заинтересован в увеличении выпуска сукна, т. к. оно не находило сбыта в Ост-Индии, и компания обвинялась противниками в том, что она мало участвует в сбыте сукна. Но для нас в данном высказывании важно другое — утверждение о том, что наряду с рыболовством занятие сельским хозяйством было одним из источников богатства.

Несмотря на негативное отношение к сукноделию, Мен придает чрезвычайно важное значение развитию в Англии промышленности (или, как он выражается, ремесел). Причем, развитию ремесла он отводит такое же место, как и внешней торговле. Он считает, что в накоплении богатства «труд должен сыграть свою роль не только в том отношении, чтобы увеличить и наладить нашу торговлю за границей, но и в том, чтобы поддерживать и умножать ремесла

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Mun Th. *Englands Treasure...* P. 130.

¹⁷ Ibid. P. 127.

¹⁸ Ibid. P. 193—194.

внутри страны»¹⁹. И это не было случайным высказыванием. Мен настойчиво возвращается к этому в разное время и в разных произведениях. В 1621 г. он пишет: «...всем нам в целом и каждому в отдельности следует напрячь все силы ума и сообразительности для того, чтобы помочь увеличению естественного богатства страны с помощью труда и ремесел...»²⁰. В 1630 г. он вновь возвращается к этой мысли: «...так как людей, живущих ремеслами, гораздо больше, чем тех, кто добывает плоды земли, то мы должны старательнее всего поддерживать те усилия множества, в которых заключается наибольшая сила и богатство и короля, и королевства, так как там, где население многочисленно и ремесла процветают, там торговля должна быть обширной и страна богатой»²¹. Такое настойчивое повторение одного и того же не было случайным. Безусловно, как представитель системы торгового баланса Т. Мен основное внимание уделял обоснованию важности внешней торговли для процветания страны, но наряду с этим он одним из первых провозгласил труд источником богатства.

Конечно, пропагандисты английской колониальной экспансии были далеки от понимания подлинных источников богатства. Накопление богатства они связывали с развитием каких-то отдельных отраслей производства. Но и это было очень большим шагом вперед. Тот факт, что накопление денежного богатства связывалось с развитием коммерческой и мануфактурной деятельности, способствовал дальнейшему накоплению капитала и переходу от феодального способа производства к буржуазному.

И. Р. Фишер

**ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ
В ФЕОДАЛЬНОМ ПОМЕСТЬЕ ЧЕХИИ
КОНЦА XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКОВ**

Исследование проблематики второго издания крепостничества в Чехии ведется достаточно широко и последователь-

¹⁹ Mun Th. *A Discourse...* P. 296.

²⁰ Ibid. P. 301.

²¹ Mun Th. *Englands Treasure...* P. 133.

но. Главное внимание при этом уделяется различным аспектам вопроса о развитии крупного сельскохозяйственного товарного производства. Довольно разнообразные и подчас весьма интересные формы промышленного производства в позднефеодальном чешском поместье не стали пока предметом специального исследования. Между тем уже в 1955 г. А. Клима писал о существовании в крупном поместье XVII — начала XVIII вв. как рассеянной, так и централизованной мануфактуры¹.

Целью настоящей статьи является попытка исследования статуса промышленного производства в чешском поместье конца XVII — первой половины XVIII вв., его форм и некоторых важнейших особенностей.

Работа эта проведена на основе изучения «Чешского терезианского кадастра», содержащего данные о сельских промыслах, суконных и полотняных мануфактурах, бумажных фабриках и лесопильнях, металлургических предприятиях и др.² Как правило, крестьяне и, особенно, господа стремились скрыть от государственных служащих свои источники доходов. Поэтому объем промышленного производства и его возможные доходы в кадастре обычно не указаны.

В. И. Ленин писал: «Домашней промышленностью мы называем переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает. Домашние промыслы составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство»³. Развитие в деревне мелких промыслов обусловлено, по его мнению, с одной стороны, увеличением числа безземельных и малоземельных крестьян, нуждающихся в «стороннем заработке». С другой стороны, это развитие связано с обогащением меньшинства зажиточных семей, которые получали возможность принимать работников или раздавать работу по домам бедным крестьянам. Таким образом, В. И. Ленин отмечал связь между расколением крестьянства и развитием мелких деревенских промыслов. «...Разложение земледельческого крестьянства, — писал он, — необходимо должно было дополняться ростом мелких крестьянских промыслов. По мере упадка натураль-

¹ Klíma A. Manufakturní období v Cechách. Praha, 1955.

² Tereziánský katastr český: V 3d. Praha, 1964—1970 (далее: ТКС. Римская цифра означает том, арабская — страницу данного издания).

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 328.

ного хозяйства, один за другим вид обработки сырья превращался в особые отрасли промышленности; образование крестьянской буржуазии и сельского пролетариата увеличивало спрос на продукты мелких крестьянских промыслов, доставляя в то же время и свободные рабочие руки для этих промыслов и свободные денежные средства»⁴.

В конце XVII в. такие сельские промыслы, как прядение и ткачество, уже имели в северной и северо-западной Чехии определенную традицию. Причины интенсивного развития именно в этих районах следует искать, по-видимому, в таких исторически сложившихся особенностях региона, как скудость и недостаток пахотных земель (это, преимущественно, гористая часть страны), относительная перенаселенность северной Чехии и обусловленное этими моментами крестьянское малоземелье и безземелье. Оно получило новый «толчок» после 30-летней войны, когда подъем и развитие барщинно-фольварочного хозяйства привели к широкому захвату господами рустикальных земель и, соответственно, росту рядов деревенской бедноты.

В этих условиях для значительной массы крестьянства в поместьях Болеславского, Литомержицкого, Локетского, отчасти Таборского краев названные промыслы являлись не способом расширения своих доходов, а возможностью, нередко единственной, обеспечить свою семью средствами существования.

Именно в этом значении предстает перед нами самый распространенный в названных областях деревенский промысел — прядение. Им повсеместно занимались малоземельные и безземельные крестьяне в поместьях Болеславского края. Например, в Ческом Дубе и Фридштейне «домкаржи весьма бедны и скудно существуют незначительным прядением»; в Грабштейне «24 подсоседка в домиках существуют прядением и поденной работой, часто терпят голод» (деревня Анделска Гора), а в деревне Горни Суха «безземки существуют прядением и тяжелой поденной работой, дабы заработать трудом кусок хлеба, из-за дороговизны терпят великую нужду»; в Либерце «домкаржи-безземки почти все тяжко перебиваются как поденщики и ткачи»; в Львове «домкаржи... живут трудно прядением и поденной работой»; в Закупах «две домкаржи и жители поместья, которые держат только малые наделы или являются безземельными,

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 341.

в большинстве живут поденной работой... или временным прядением для местных нужд»⁵. Все эти сведения — не крестьянские показания, а вынужденные признания государственных чиновников, которые вовсе не были заинтересованы в том, чтобы сгущать краски.

Аналогичную картину отмечали ревизионные комиссии и во многих поместьях Литомержицкого края. В нескольких деревнях панства Бенешов над Плоучници большинство жителей существовали прядением или поденщиной; в панстве Быновец по деревням жило много прядильщиков, в четырех из них они существовали только прядением. В крупном панстве Чешка Каменице кроме прядения крестьяне занимались еще и отбеливанием полотна. В справке ревизионной комиссии для панства Денич записано, что здесь живут самые бедные люди — прядильщики и поденщики. В такой же справке для панства Липова значится, что в своем большинстве местное население живет прядением и содержанием скота. Здесь не только пряли лен, но и ткали полотна, отбеливали их. В панстве Румбурк практически по всем деревням основная часть жителей существовала выращиванием и прядением льна. Почти во всех поместьях Локетского края мы встречаемся с прядением как важнейшим деревенским промыслом. Так, в Кышперке над Огржи жители шести из семи местных деревень подрабатывали прядением шерсти. Равным образом обстояло дело в большинстве населенных пунктов крупных панств Соколов, Стружна⁶.

Ясно, что такая масса прядильщиков и ткачей не могла работать в расчете только на местный рынок. Среди деревенских жителей панств Болеславского, Литомержицкого и Локетского краев нередко упоминаются торговцы пряжей, полотном, шерстью, т. е. скупщики этих товаров у непосредственных производителей (панства Мала Скала, Страж под Ралскем, Свийяны, Чешка Каменице, Румбурк и др.). Не исключено, что это были самостоятельные скупщики и торговцы, сбывавшие затем свой товар в ближайших городах. Но, как убедительно показал А. Клима, преимущественно это факторы — агенты крупных иностранных торговых компаний.

С конца XVI до середины XVIII вв. одним из самых крупных представителей немецкого торгового капитала в этих

⁵ ТКС. I, 74—76, 81—82, 91—92, 94—95, 114.

⁶ ТКС. II, 86, 88—90, 108—109, 121—122, 154—155, 168—170.

краях был нюрнбергский торговый дом Виатис и Пеллер. Его деятельность распространялась на широкую область владений графов Галлас (Лвова, Грабштейн, Либерец, Фридлант), Кинских (Чешка Каменице, Слоуп), Морцин (Кржинец, Врхлаби — в Быдзовском крае), где он имел своих факторов. К 1681 г. для этой фирмы работали ткачи 15 городов и их окрестностей. Ежегодно она продавала более 100 тысяч кусков полотна⁷.

В конце XVII в. большая часть северной и северо-восточной полотняной области Чехии была связана через лужицких факторов с гамбургскими торговцами, а через них — с английским торговым капиталом; в начале XVII в. здесь появились голландские и английские торговцы, скупавшие в местных панствах полотно, которое вывозилось в Голландию, Фландрию, но главным образом — в Англию. Через сто лет факторы этих торговцев уже раздавали работу ткачам в панствах Либерец, Грабштейн, Яблонне, Страж под Ралскем, Осек, Горжепин и Цвиков. Полученные таким образом грубые полотна шли через Прагу в Германию, Италию⁸.

В 1713 г. в панстве Румбурк возникла фирма Роберта Алласона. Факторы собирали для его предприятий полуфабрикаты по деревням. В самом Румбурке он устроил несколько белилен и, по сообщениям управляющего панства Лихтенштейн, дал работу многим прядильщикам, ткачам и др. В 1727 г. преемник Алласона просил у императора ту же привилегию, которую имел с 1713 г. сам Р. Алласон: право на производство пряжи и полотна в Болеславском и Литомержицком краях. В течение всего XVIII в. Алласоны имели центры своей деятельности в Горжепине и Цвикове, а также в Румбурке⁹.

Таким образом, в поместьях северной Чехии первой половины XVIII в. уже существовала рассеянная мануфактура. Капитал здесь представлен немецкими и английскими торговыми фирмами, наемная рабочая сила — многочисленным сельским пролетариатом в лице малоземельных и безземельных крестьян, деревенских прядильщиков и ткачей. Практически их ничто уже не держит в деревне, кроме личной крепостной зависимости и связанных с ней повинностей (в первую очередь — так называемая «ручная» или «пешая»

⁷ Klima A. Manufakturni... S. 137—141.

⁸ Ibid. S. 146.

⁹ Ibid. S. 153.

барщина). После ее отмены в 1781 г. большинство из них должно было образовать резервную армию наемного труда — одно из главных условий капиталистического производства в сельском хозяйстве и городской промышленности.

В этой связи, возможно, стоит говорить о том, что происходящий во второй половине XVII — начале XVIII вв. интенсивный захват и присоединение к домену крестьянских земель имеет определенное отношение к процессу первоначального накопления капитала. Одним из результатов этого процесса было складывание в деревне потенциальной армии наемного труда. (Вместе с тем, скапливающиеся в руках крупных феодалов-землевладельцев земля и другие богатства, как правило, не превращались в капитал, т. к. львиная доля всех поместных доходов расходовалась непродуцируемо.)

Рядом с первичной обработкой льна можно поставить другой распространенный во многих областях Чехии сельский промысел — прядение шерсти. Особенно выделяется в этом отношении Пльзенский край, где производилась лучшая в империи длинная шерсть. Судя по данным Терезианского кадастра, во всех поместьях Пльзенского края крестьянство широко занималось животноводством, особенно — овцеводством. В большинстве местных деревень животноводство, а значит — торговля шерстью, и прядение отмечены как основные крестьянские промыслы. По деревням ряда панств среди ремесленников названы прядильщики и ткачи, среди торговцев — скупщики шерсти и грубых сукон.

О широте охвата этими промыслами местного крестьянства можно судить хотя бы по таким данным: нами подсчитано, что до половины крестьянских хозяйств в панствах Пльзенского края (около 45%) принадлежали «безземкам» и малоземельным держателям. Такие хозяйства просто не могли существовать без занятия наиболее доступным здесь промыслом — первичной обработкой шерсти. Поскольку в местном кадастре названа лишь одна сукновальня¹⁰, можно заключить, что готовую пряжу скупали «подомовые» торговцы, которые перепродавали ее затем в городе. Известно, что шерсть из Пльзенского края вывозилась в Горный Пфальц.

Интересные сведения о крестьянских промыслах сообщает кадастр Чаславского края. Здесь жило огромное число

¹⁰ ТКС. II, 179—180.

крестьянской бедноты: по данным кадастра — до 64%, фактически же больше, т. к. кадастр не учитывал подсоседков и других не ведущих собственное хозяйство крестьян (о них только упоминается в справках ревизионных комиссий).

Развитое овцеводство давало основание для широкого распространения буквально по всем деревням края прядения шерсти. Так, в крупном панстве Полна жители ряда деревень подрабатывали прядением шерсти для суконщиков центра поместья (города Полна) и соседней Иглавы (Моравия). Для иглавских суконщиков пряли шерсть, а также продавали им шерсть-сырец жители нескольких деревень панства Стршитеж над Сазавою. Прядением здесь занимались мужчины и женщины, получавшие за свой труд самое большее 4—5 крейцеров в день¹¹.

Не исключено, что в указанных случаях мы имеем дело с рассеянной мануфактурой, центром которой были цехи суконщиков Полны, Иглавы и других городов. На них и работали жители деревень из близлежащих поместий. В этом мнении утверждают и приводимые А. Климой данные о центрах производства сукна в Чехии. Это Индржихув Градец, Пелгржимов и Початки в Таборском крае, Либерец и Млада Болеслав — в Болеславском, Чеслав, Полна — в Чеславском, Тржебенице — в Литомержицком и другие королевские и подданские города. Производимые здесь грубые сукна вывозились в Линц, а оттуда в Баварию, Штирию, Каринтию, Тироль, Италию, Хорватию, Венгрию, Швейцарию и даже Турцию¹².

Приведенные выше соображения относительно наиболее распространенного в северной Чехии сельского промысла (прядение льна и производство грубых полотен) вполне могут быть отнесены и к прядению шерсти по деревням северо-восточной, центральной, отчасти южной Чехии с поправкой на то, что деятельность крупных иностранных торговых фирм не имела здесь такого размаха, как в северных областях страны.

Некоторые крупные феодалы названных краев Чехии, особенно ее северных областей, в течение всего XVIII в. пытались на базе местного сырья организовать в своих поместьях промышленное производство типа централизованной мануфактуры. Это, прежде всего, сукновальни и суконные

¹¹ ТКС. I, 219—222, 225—227.

¹² Klima A. Manufakturni... S. 119.

мануфактуры. В некоторых панствах Болеславского, Литомержицкого и Локетского краев кадастр называет сукновальни обычно без указания их годовой производительности и возможного дохода. Сукновальня — старая, традиционная форма мелкого товарного производства в поместье. Другое дело — мануфактура как новая форма промышленного производства, сравнительно крупного, а главное — принципиально нового по своему характеру.

Суконных мануфактур в названных краях буквально единицы: одна в Грабштейне (Болеславский край), еще две в Осеке и Горном Литвинове (Литомержицкий край). Известно, что первая была основана владельцем панства, графом Ф. Ф. Галлас, и получила в 20-х гг. XVIII в. ряд привилегий, но просуществовала недолго¹³. В других обширных владениях графа Галлас — панствах Лвова, Либерец, Фридлант — суконных мануфактур, по-видимому, не было. Надо полагать, что, в силу общего для этого времени экстенсивного характера домениального хозяйства, владельцы панств предпочитали продавать шерсть-сырец и не обременять себя хлопотами по устройству крупного суконного производства на месте.

Исключение представляла мануфактура в Горном Литвинове (Литомержицкий край). Владелец обширного панства граф Я. И. Вальдштейн основал ее в 1715 г. Через 15 лет на ней работали несколько сот человек, причем широко использовался труд деревенских прядильщиков на дому. Сырье закупалось не только на месте, но и в других краях и владениях. Изучивший учетные книги мануфактуры за 1731—1744 гг. А. Клима пришел к выводу, что больше всего сукна отправлялось в Вену и Прагу, затем в Триест, Линц, Штирию, Любляну. На основании других документов он заключил, что в течение первой половины XVIII в. все работы на этой мануфактуре производили зависимые «домашние» работники¹⁴. Следовательно, это была так называемая «крепостная» мануфактура, где весь процесс производства был основан на использовании труда крепостных крестьян.

С 1697 г. существовала суконная мануфактура в принадлежавшем местному монастырю панстве Осек. К 1732 г. на ней работало до 450 человек, главным образом — из деревенской бедноты. Мануфактура имела свой склад в Праге и сбывала продукцию в Моравию, Штирию, Австрию и Венг-

¹³ ТКС. III, 68—69; Klima A. Manufakturní... S. 244.

¹⁴ Klima A. Manufakturní... S. 236, 239.

рию¹⁵. Ко времени составления кадастра суконная (или полотняная) мануфактура существовала в панстве Липова, принадлежащем графу Л. А. Салму. Справка ревизионной комиссии сообщает о том, что большинство населения панства существует обработкой льняной пряжи, прядением полотна и его отбеливанием. Здесь же указано, что по деревням живет множество мелких подомовых торговцев пряжей и другими товарами, которые возили свой товар в Саксонию, Пруссию и другие земли¹⁶.

Во всех указанных случаях мы имеем дело как с рассеянной, так, реже, и с централизованной «крепостной» мануфактурой.

Наличие дешевого сырья, получаемого из собственного хозяйства и в виде ренты, а также огромной резервной армии труда в лице зависимого малоземельного и безземельного крестьянства создавали базу для дальнейшего развития полотняных и, особенно, суконных мануфактур в чешском поместье. Это расширение поместного текстильного производства происходит во второй половине XVIII в. Именно в это время в северных и центральных областях страны на смену находящейся в руках иностранного капитала рассеянной мануфактуре все шире приходит централизованная поместная мануфактура¹⁷.

Значительные лесные, нередко в сочетании с рудными, богатства горных краев Чехии явились основой для возникновения и развития здесь производства стекла, железа, бумаги.

Стекольное производство имело в Чехии давнюю традицию. В конце XVII — первой половине XVIII вв. в поместьях Чехии было уже значительное число стекольных «заводов» (гутей).

Судя по данным кадастра, зачастую эти гуты создавали с разрешения хозяев поместья пришлые мастера, которые за определенную плату получали право на строительство предприятия, порубку леса и наем из местных жителей нескольких работников.

¹⁵ ТКС. III, 286—287; Klima A. Čechy v období temna. Praha, 1958. S. 63.

¹⁶ ТКС. III, 290—291; I, 108—109.

¹⁷ Klima A. Čechy v období temna. S. 71—100.

В принадлежавшем графу Кинскому панстве Слоуп (Литомержичский край) имелась стекольная гуть, хозяин которой — мастер Шюрер — был, скорее всего, свободным человеком. Он имел богатое хозяйство (полевой надел, две мельницы с лесопильней, пивоварню) и платил соответствующие оброки. Лес для гуты закупался «в большом количестве» в соседнем Болеславском крае. Здесь же, в Слоупе, жило немало торговцев стеклом, имелись здесь и фурманы (возчики), которые могли заниматься перевозкой стекла¹⁸. При гуте могли найти работу на рубке леса, приготовлении флюса для производства стекла и других подсобных операциях жившие в панстве подёнщики из беднейших крестьян. Позднее, с 1756 г., граф Кинский взял стекольное производство в свои руки и начал строить две мануфактуры по изготовлению зеркал¹⁹.

В другом крупном поместье графов Кинских — Чешской Каменице — также существовала закупная стекольная гуть, вокруг которой группировалось значительное число местных ремесленников-стеклодувов, резчиков стекла и т. п. Не исключено, что они работали на хозяина гуты у себя дома, по деревням. В таком случае можно говорить о сочетании элементов централизованной и рассеянной мануфактуры, что весьма характерно для поместной мануфактуры в Чехии XVIII в. В кадастре названы также мелкие деревенские торговцы стеклом и фурманы, часть которых, безусловно, занималась перевозкой стекла. Годовой доход графа Кинского с этой гуты составлял 100 злотых²⁰.

Несколько стекольных гутей существовало в Горном Литвинове, ставшем во второй половине столетия значительным промышленным центром северной Чехии; в кадастре Болеславского края названы всего три стекольные гуты (панства Грубый Роговец и Семилы). Надо полагать, их было здесь больше, но, укрытые в лесах, они не включались господами в описи поместий, дабы избежать дополнительного налогового обложения. Еще в 1699 г. Антонивальдская гуть в Семилах была куплена мастером у господ «себе и своим потомкам наследственно» за 370 злотых и годовой чинш в 32 злотых 40 крейцеров. Затем, к 1725 г., она была вновь отстроена²¹.

¹⁸ ТКС. II, 122—124; III, 294—295.

¹⁹ Klíma A. Čechy v období temna. S. 101—102.

²⁰ ТКС. II, 89—90; III, 278.

²¹ Ibid. III, 280—281, 82—84; I, 105—106.

Судя по размерам годового чинша и лишь единичным упоминаниям в кадастре о местных ремесленниках-стеклодувах, производство стекла в Семилах, а также в других панствах края, не имело таких масштабов, как в панствах Литомержичского края.

В начале XVIII в. торговля стеклом была сосредоточена в окрестностях Слоупа и Каменицкого Шенова (панство Чешка Каменице). Фурманы из местных крупных седлаков возили стекло в города севера и юга страны. Отсюда городские торговцы стеклом развозили его во многие столицы и города Европы, где имели свои склады²².

Центром производства стекла на юге страны было панство Вимперк (Праженский край). Здесь имелось много гутей, принадлежавших, по-видимому, свободным людям. Надо полагать, что, подобно владельцам таких же гутей в северной Чехии, они платили господам определенный оброк. Судя по данным кадастра, это были небольшие предприятия: здесь работал обычно мастер с 2—3-мя подмастерьями-поденщиками. Тем не менее, в одной из них производилось даже зеркальное стекло²³. Интересно, что по деревням Вимперка и окрестных панств не названы мелкие ремесленники-стеклодувы, торговцы стеклом, фурманы. Это свидетельствует о сравнительно скромных масштабах местного стекольного производства.

Особенно подробно описана в кадастре стекольная гуть, находившаяся в панстве Крживоклат (Раковницкий край). Ее владелец мастер-стеклодун Ян Ригер был свободным человеком. На его наделе стояло 8 халуп, в которых жили помощники мастера. Яну Ригеру принадлежала мельница, кузница; он имел право свободной продажи пива. Годовой доход гуты оценен кадастром выше двух тысяч злотых. Мастер платил из этой суммы помощникам и ученику, а также делал необходимые для производства расходы. На него работали 5 подмастерьев и еще 30 — в деревне²⁴. Судя по годовому доходу и числу работников, это была сравнительно крупная гуть, сочетавшая в себе черты централизованной и рассеянной мануфактуры, что уже было отмечено нами в Чешской Каменице.

Таким образом, в первой половине XVIII в. стекольное производство в чешском поместье осуществлялось чаще всего

²² Klíma A. Čechy v období temna. S. 112.

²³ ТКС. II, 268—270.

²⁴ Ibid. II, 293—296.

свободными мастерами, приобретавшими на определенных условиях у господ право на строительство гуты, порубку или покупку у местного населения леса, наем подмастерьев и учеников. Гуты могли быть небольшими и значительных размеров, когда к производству привлекались десятки работников, с ним были связаны многочисленные торговцы стеклом и фурманы. По существу, это — уже мануфактура, ограниченная рамками феодального землевладения и полуфеодальной аренды.

В силу общего экстенсивного характера господского хозяйства устройство гутей самими владельцами поместий, повидимому, широко не практиковалось.

В поместьях ряда областей страны были условия для производства железа: залежи руд, лес (как топливо), возможности использования на работах крепостных крестьян.

Однако, судя по данным кадастра, даже в поместьях горнорудного Локетского края добыча и обработка металлов была далеко не в цветущем состоянии. Железодельные заводы (гамры) имелись здесь в Хржебенах, Бечове над Теплою, Индржиховице, шахты для добычи меди и плавильные печи — в Острове и Краслице. Некоторые из этих предприятий находились в состоянии упадка. Так, в Бечове над Теплою «были железные гамры, но из-за недостатка леса после использования запасов руды — разрушены»; в Индржиховице они работали лишь постольку, поскольку господа не могли иначе использовать свой лес²⁵. К тому же железную руду приходилось возить издалека, что также осложняло работу местных гамров.

Крупное предприятие по добыче и обработке меди имелось в лесах панства Краслице. На содержание шахт и штолен здесь шло около 3-х тысяч сажен леса. Имелась плавильная печь. Работала гута по изготовлению меди в слитках и волочению из нее проволоки. Многие крестьяне панства существовали изготовлением древесного угля, извозом железной и медной руды²⁶. В панстве Крживоклат (Раковницкий край) работали около 20 гамров, которые находились или в лесных заповедниках, или на прудах и реке Бороунке. Здесь же на реке были выстроены доменная печь и «тяжелый молот», имелись прокатные станы. Недалеко находилась каменоломня, устроенная специально «для нужд

²⁵ ТКС. III, 304—305, 310—311.

²⁶ Ibid. III, 312; II, 154.

доменной печи». Часть гамров, находящихся возле прудов, не работала из-за недостатка воды²⁷.

Из 13-ти панств соседнего Бороунского края в четырех имелось по несколько железодельных заводов (Добриш, Горжовице, Кралув Двур, Збируг). При них было занято огромное число поденщиков, несколько десятков мастеров и подмастерьев в шахтах и при доменных печах, на изготовлении древесного угля, многочисленные возчики леса, угля, руды, железа²⁸.

О масштабах этого производства можно судить на примере панства Рожмиталь под Тржемшинем (Раковницкий край), где были «железные гамры». В 1714 г. за один период производства, который длился 42 недели, было получено 2730 центнеров грубого железа. Из него было выковано и затем произведено 65 центнеров литейных изделий; часть пошла на нужды панства, остаток продан. Доход от продажи железа и литья составил 7055 злотых. За вычетом себестоимости чистый доход равнялся 2523 злотым. Примерно такими же были прибыли и других железодельных предприятий в поместье²⁹. Это немало, т. к. общий годовой доход поместья оценен кадастром в 8647 злотых (без промышленных предприятий). Тем не менее, только годовой доход от пивоварения составлял здесь 4504 злотых³⁰, т. е. превышал таковой от производства железа более чем в полтора раза. Если учесть, что процесс пивоварения обходился много дешевле, чем добыча (или покупка) и обработка железа, и организовать сбыт пива было куда проще, чем продажу железа (господа обычно имели монополию на производство и сбыт спиртных напитков, а также право принудительной продажи их зависимым крестьянам), то станет ясным отсутствие широкого интереса владельцев поместий к устройству железодельных заводов. Это вытекало также из общего экстенсивного характера поместной экономики в рассматриваемый период.

Тем не менее, часть железодельных заводов вместе с существовавшими при них подсобными предприятиями (шахты, каменоломни) может быть охарактеризована как

²⁷ Ibid. III, 400—401.

²⁸ Ibid. I, 28—31, 38, 66—68; III, 38—41, 44, 60—61.

²⁹ Klima A. Cechy v období temna. S. 124.

³⁰ ТКС. III, 376—378.

крупное производство мануфактурного типа, основанное на широком применении методов феодальной (барщина) и полуфеодальной (наемный труд несвободных поденщиков) эксплуатации зависимого населения поместья. В этом своем качестве заводы, безусловно, имели будущее.

Вывоз железа не приобрел большого значения для экономики страны. Его основная часть использовалась или продавалась на месте, нередко в порядке принудительного сбыта подданным поместья³¹.

На базе значительных лесных угодий во многих панствах Чехии существовало и развивалось производство бумаги. Бумажные фабрики назывались здесь папириями, иногда — бумажными мануфактурами. Их было много в поместьях Болеславского края: четыре — в Мимоне, по одной — в Беле под Бездезем, Фридланте, Свийянах и Семилах (последняя построена в 1722 г.); Литомержицкого края: в Духцове и Горни Литвинове, Теплице, Вшеборжице, Осеке, Липове; Локетского края: в Бечове над Теплоу и Хржебенах.

Папири закладывались обычно как господские предприятия и включались в домениальный кадастр без указания их производительности и возможного годового дохода. Иногда они сдавались в аренду местным зажиточным седлакам (панство Хржебены)³².

Чехия занимала ведущее место в монархии по производству бумаги. В 1746 г. здесь было 73 папири³³.

Не вызывает сомнений, что папири — производство мануфактурного типа, при котором в качестве подсобных работников могли быть заняты многочисленные местные поденщики (рубщики леса, извозчики и т. п.). В перспективе, особенно если они находились в руках предприимчивого арендатора, бумажные фабрики могли стать весьма доходными раннекапиталистическими предприятиями.

Наш материал позволяет заключить, что в чешском феодальном поместье первой половины XVIII в. существовало промышленное производство мануфактурного типа как в виде рассеянной, так и в форме централизованной мануфактуры.

³¹ Klima A. Cechy v období temna. S. 124.

³² ТКС. II, 148—149.

³³ Klima A. Cechy v období temna. S. 125.

Создание таких предприятий требовало больших средств и было поэтому под силу только богатым иностранным торговым фирмам или крупным землевладельцам типа Кинских и Вальдштейнов. Вместе с тем, большинство феодального дворянства продолжало вести экстенсивное барщинно-вольварочное хозяйство или сдавало в аренду имеющиеся в их владениях промышленные предприятия.

Поместное мануфактурное производство было основано на использовании феодальных и полуфеодальных методов эксплуатации зависимого крестьянства. Оно давало определенное средство существования значительной массе местного населения. Отмена крепостного права превратила бы эту группу в резервную армию наемного труда.

Развитие производства способствовало дифференциации крестьянства, выделению из него крупных торговцев, арендаторов предпринимательского типа.

Многие поместные промышленные предприятия имели перспективу дальнейшего развития и превращения в раннекапиталистические фабрики и заводы.

А. Н. Галямичев

К ОЦЕНКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МЕСТА ЧЕШСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГУСИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Изучение гуситского революционного движения занимает видное место в советской исторической славистике. В работах советских исследователей 50-х — начала 60-х гг. был заложен прочный фундамент научного понимания гуситской истории. Задачи перехода советского гуситоведения на новый исследовательский уровень обусловили увеличение удельного веса историографических работ. Закономерно, что объектом историографического анализа стала в первую очередь современная научная литература о гуситском движении. Дальнейшее развитие марксистской гуситологии едва ли возможно без основательного изучения основных этапов ее развития, опыта преодоления ошибочных оценок и выводов. Истории марксистской гуситологии, как отечественной, так и зарубежной, посвящено немалое число работ советских исследо-

вателей¹. Задачи современной идеологической борьбы, необходимость действительного отпора буржуазным концепциям истории гуситского движения диктуют необходимость критической оценки современной буржуазной гуситоведческой литературы². Однако обстоятельный анализ исторических концепций современной буржуазной историографии будет далеко не полным без знания буржуазной литературы прошлого, в особенности с середины прошлого века, куда уводят корни основных методологических и конкретно-исторических проблем современной науки. И если история отечественной гуситологии отражена у нас в целом ряде исследований³, то раз-

¹ См.: Митряев А. И. Вивчення в радянській історіографії соціально-економічних передумов гуситського руху//Вісник Харьк. ун-ту. 1967. № 22. Сер. історична. Вип. 2; Его же. Оцінка Яна Гуса в працях радянських істориків//Вісник Харьк. ун-ту. 1969. № 35. Сер. історична. Вип. 3; Его же. Дослідження з питань джерелознавства історії гуситського руху в працях радянських істориків//Вісник Харьк. ун-ту. 1970. № 45. Сер. історична. Вип. 4; Его же. Про оцінку в радянській історіографії соціальної суті ідеології і позицій Петра Хельчицького та Яна Желівського в гуситському руху//Вісник Харьк. ун-ту. 1974. № 49. Сер. історична. Вип. 8; Санчук Г. Э. Гуситское движение в советской историографии//Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1972; Иванов Ю. Ф. Становление марксистской концепции гуситского наследия в межвоенной Чехословакии//Советское славяноведение. 1977. № 2; Его же. Гуситские исследования советских историков (конец 30-х — 40-е годы)//Славяне в эпоху феодализма. М., 1978; Его же. Гуситское революционное движение в советской историографии (конец 30-х — начало 50-х гг.)//Советское славяноведение. 1982. № 5; Его же. Ян Гус в советской послевоенной историографии//Советское славяноведение. 1983. № 5; Озолин А. И. Гуситское революционное движение в работах историков народно-демократической Польши//Историкограф. сб. Саратов, 1965. Вып. 2; Его же. Историки ГДР о гуситском революционном движении//Историкограф. сб. Саратов, 1974. Вып. 5.

² См.: Лаптева Л. П. Освещение гуситского движения в новейшей исторической литературе США//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История. 1961. № 1; Её же. Проблемы истории гуситского движения в новейшей американской и английской исторической литературе//Славяно-германские отношения. М., 1963; Lapteva L. P. K hodnoceni husitskeho revolucniho hnuti soucasnou zapadni historiografii//Jihocesky sbornik historicky. Ceske Budejovice, 1964. С. 3—4; Митряев А. И. Оценка Яна Гуса в современной историографии//Советское славяноведение. Минск, 1969.

³ Здесь прежде всего следует назвать монографию Л. П. Лаптевой «Русская историография гуситского движения (40-е гг. XIX в. — 1917 г.)» (М., 1978). Из работ других авторов наиболее основательны статьи: Липатникова Г. И. К изучению гуситского движения в русской дореволюционной историографии//Вопросы истории славян. Воронеж, 1963. Вып. 1; Иванов Ю. Ф. Гуситское движение в русской историографии//Вопросы истории. 1973. № 9.

витие зарубежного гуситоведения в прошлом и первой половине нынешнего века остается неизученным. Нельзя не признать неестественность такого положения вещей, и в первую очередь — по отношению к чешской исторической науке, ведущая роль которой в развитии мировой гуситологии бесспорна⁴.

Наиболее полные сведения о развитии чешской историографии гуситского движения, опубликованные на русском языке, содержат историографические главы изданных у нас в стране в 50-е гг. работ И. Мацека⁵. Эти книги отразили уровень развития марксистской исторической науки в социалистической Чехословакии на одном из ранних и сложных его этапов, когда чехословацкие историки нередко допускали модернизаторские ошибки, упрощенчество в подходе к сложным историческим явлениям. Слабые стороны работ чехословацких историков того времени проявились и в освещении вопросов историографии. Развитие чешской гуситологии рисуется на страницах работ И. Мацека как круто нисходящая после появления главных работ Ф. Палацкого прямая, которая обретает продолжение и дальнейшее развитие лишь в исследованиях З. Неядлы и представителей марксистской исторической науки послевоенной Чехословакии. Таким образом, размашистым мазком объединяются либерально-позитивистская историография второй половины XIX в. и буржуазная гуситология периода кризиса буржуазной исторической науки. Сегодня едва ли кто не согласится с тем, что либерально-позитивистская историография второй половины XIX в. представляет собой важный этап прогрессивного развития буржуазной исторической науки, хотя и непосредственно предшествующий ее кризису. Кроме того, и буржуазная историография времен кризиса буржуазной исторической науки никогда не представляла собой совершенно однородного явления, в ней сохранились родники прогрессивной традиции, питаемые идеологией мелкобуржуазных и де-

⁴ Кроме названной выше работы Ю. Ф. Иванова о становлении марксистской концепции гуситского наследия в межвоенной Чехословакии нам известна лишь одна специальная работа, посвященная чешской историографии гуситского движения: Гранчак I. М. Оцінка гуситського революційного руху в працях чеських радикальних демократів//Тез. доповідей V Межвуз. республ. славистичної конф. Ужгород, 1962.

⁵ См.: Мацек И. Гуситское революционное движение. М., 1954. С. 210—217; Его же. Табор в гуситском революционном движении. М., 1956. Т. 1. С. 25—63.

мократических слоев общества. В Чехии, стране с запоздалым капиталистическим развитием, мощным мелкобуржуазным слоем, освободившейся от национального гнета лишь после первой мировой войны, прогрессивная традиция в историографии была особенно сильна, во второй половине XIX — начале XX вв. существовало и занимало прочные позиции яркое либерально-позитивистское направление, сохранившее большое влияние и в исторической науке межвоенной Чехословакии.

Работы представителей либерально-позитивистского направления в чешской историографии рассматриваются И. Мачеком как безусловное отступление от достижений Ф. Палацкого, подготовившее появление произведений главы реакционной чешской историографии первых десятилетий нашего века Й. Пекаржа и его последователей. Однако оценка либерально-позитивистской чешской гуситологии второй половины XIX в. как однозначно регрессивного явления представляется необоснованной. Конечно, либеральные чешские историки во главе с Я. Голлом нередко (хотя и не всегда) принижали значение гуситского движения в истории Чехии, выносили глубоко неверные суждения о программных требованиях и практической деятельности крестьянско-плебейского лагеря таборитов. Но наряду с этим чешская либерально-позитивистская историография имеет и свои преимущества перед трудом Ф. Палацкого. Не говоря о ее общепризнанных достижениях в области совершенствования техники исторического исследования, о достойной самой высокой оценки издательской деятельности чешских историков второй половины прошлого века, благодаря которой появились ценнейшие публикации источников, сохранившие свое научное значение и сегодня, следует указать на то, что чешские либеральные историки той поры в ряде важных вопросов оказались ближе к исторической истине (как она представляется нам сегодня), чем Ф. Палацкий. Они не разделяли точку зрения последнего в оценке гуситского движения как явления специфически чешского, а ясно видели его сущностное родство с антифеодальными движениями европейского средневековья, уделяли гораздо больше внимания исследованию социально-политической, а затем и экономической истории предгуситского и гуситского времени. Необходимо, наконец, указать и на то, что из «школы Голла» (этот термин часто употребляется в качестве синонима позитивистской историографии в Чехии) вышел не только Й. Пекарж, но и такие видные представители противостоявшей Пекаржу и

его единомышленникам либеральной традиции в чешской исторической науке нашего столетия, как К. Крофта, В. Новотный, Р. Урбанек, Ф. М. Бартош — ученые, без знания трудов которых немислимо серьезное изучение гуситской истории.

Отмечая ошибочность однозначно негативных суждений о чешской буржуазной гуситологии после Ф. Палацкого, следует, однако, заметить, что их появление отчасти объяснимо. Уникальность гуситского движения состоит в том, что гуситское наследие на протяжении веков оставалось и сегодня остается важным элементом национального сознания чехов, активно действующим фактором в общественно-политической борьбе.

В революцию 1848 г. чешская буржуазия вступила в антифеодальном лагере вместе с широкими трудящимися массами. Появившаяся в период революции «История чешского народа» Ф. Палацкого, отражая прежде всего интересы буржуазии, в известной степени отражала и настроения самых широких кругов чешского народа. События 1848 г. со всей очевидностью показали головокружительную глубину пропасти, разделявшей эксплуататорские классы чешского общества и трудящихся чехов. Послереволуционные годы характеризовались быстрым развитием капитализма в чешских землях, усложнением и обострением классовых противоречий в стране. В этих условиях происходят существенные перемены в развитии гуситской традиции в Чехии. Либеральная чешская буржуазия пытается подменить гуситскую революционную традицию гуситской реформационной традицией. Эта тенденция проявляется в послереволюционных работах самого Ф. Палацкого, в трудах либеральных историков «школы Голла» и находит свое логическое завершение в публицистике Т. Г. Масарика⁶.

Однако гуситская революционная традиция не сходит на нет. В 80—90-е гг. прошлого столетия появляются исторические романы выдающегося чешского писателя А. Ирасека, в которых гуситское движение в духе «Истории чешского народа» Ф. Палацкого изображается как кульминация чешской истории, решительный бой за национальное и социальное освобождение чешского народа⁷. Произведения Ирасека

⁶ Кавка Ф. Husitska revolucni tradice. Praha, 1953. S. 325—332.

⁷ См.: Востокова С. Роман А. Ирасека «Против всех» — эпопея гуситского революционного движения // Учен. зап. Курского пед. ин-та. 1956. Вып. 5.

питала и в то же время вдохновлялась ими гуситская революционная традиция в широких кругах чешских рабочих и крестьян, демократической интеллигенции. В начале XX в. роль вдохновителя гуситской революционной традиции переходит к научным и публицистическим работам З. Неedly, а с 20-х гг. — и к произведениям руководителей Коммунистической партии Чехословакии. Значение произведений Ирасека в этом смысле очень велико, но все же замечание И. Мацека о том, что его произведения выполняли ту роль, которую должна была выполнять историография⁸, представляется сомнительным. Чешская буржуазная историография выполняла ту роль, которую и призвана она была выполнять как представитель интересов определенного класса, и ни к какой иной роли призвана не была. Конечно, демократические, революционные традиции творчества А. Ирасека и З. Неedly несравненно ближе историку-марксисту, чем либерально-позитивистское истолкование истории гуситского движения, однако сугубо нигилистический подход к чешской буржуазной историографии без обстоятельного ее анализа противоречит марксистско-ленинской методологии и лишь осложняет борьбу с буржуазными концепциями истории гуситского движения.

На оценку исторического места либерально-позитивистской чешской гуситологии оказывает существенное влияние также и то обстоятельство, что первые шапы позитивизма в чешской исторической науке были связаны с именем В. В. Томека, за трудами которого в марксистской историографии закрепилась резко негативная оценка. В этой связи следует отметить, что Томек всегда стоял особняком от историков «школы Голла», и перенесение оценки творчества Томека на все проявления позитивизма в чешской исторической науке неправомерно. Да и само научное наследие Томека не нашло еще в марксистской историографии своего исследователя, хотя его никак нельзя отнести к разряду заурядных явлений в истории гуситологии. И сегодня изучение любого вопроса гуситской истории предполагает неперемное знакомство с освещением его у Томека. Без характеристики исследований последнего окажется неполным даже самый сжатый очерк развития историографии гуситского движения. В работах буржуазных гуситологов Томек наряду с Палац-

⁸ См.: Мацек И. Гуситское революционное движение. М., 1954. С. 204.

ким выступает как один из создателей фундамента современного гуситоведения⁹. Общей чертой имеющихся в марксистской литературе оценок научного творчества В. В. Томека является характеристика его как явления, не претерпевшего существенных изменений в течение жизни и деятельности историка. Имя Томека связывается обычно с его работами 60—70-х гг.¹⁰. При этом остается без внимания значительный отрезок исследовательской деятельности В. В. Томека, начавшейся еще в середине 30-х гг. прошлого века. Итог первому периоду научной деятельности Томека, который протекал под непосредственным влиянием и руководством Ф. Палацкого, подвела изданная им в 1849 г. монография «История Пражского университета»¹¹, содержание которой весьма далеко от того, что следовало бы ожидать на основании укоренившихся в нашей литературе представлений.

Думается, пришло время отказаться от априорных оценок и обратиться к всестороннему изучению научного наследия чешской гуситологии второй половины XIX в.

⁹ См., напр.: Goll J. Palackeho programy // Cesky casopis historicky. 1908. Roc. 4. S. 9; Ястребов Н. В. Этюды о Петре Хельчицком и его времени. СПб., 1908. Вып. I. С. 1; Kraus A. Husitství v literatuře, zejména německé. Praha, 1924. D. III. S. 268; Plaschka R. G. Von Palacky bis Pekar. Graz-Köln, 1955. S. 333. Это традиционное представление можно встретить и в ранних работах З. Неedly, автора самых резких из известных нам суждений о научном наследии Томека: Nejedly Z. Dejiny husitského zpevu za valék husitských. Praha, 1913. S. VIII.

¹⁰ Tomek W. W. Dejepis mesta Prahy: In 12 d. Praha, 1855—1901; Idem. Deje kralovství ceského. Praha, 1865; Idem. Jan Zizka. Praha, 1879. Две последних работы имеются в русских переводах: Томек В. В. История чешского королевства. СПб., 1868; Его же. Ян Жижка. СПб., 1889.

¹¹ Tomek W. W. Deje university Pražské. Praha, 1849.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Л. В. Венкстерн

ФРАНЦУЗСКИЕ ЛЕГИСТЫ И ИХ РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ НА РУБЕЖЕ XIII — XIV ВЕКОВ

Ученые юристы, или легисты, как их тогда называли, выходят на арену политической деятельности в период, когда процесс консолидации сделал уже значительные успехи. Основой, на которой развернулась их деятельность, был рост городов и усиление королевской власти. Развитие городов создало ту реальную базу, которая была необходима для политического сплочения. Именно «...городские бюргеры стали классом, который олицетворял собой дальнейшее развитие производства и торговых сношений, образования, социальных и политических учреждений»¹. Легисты были неразрывно связаны с городской жизнью, по существу своему «принадлежали к бюргерскому сословию»².

Юридической основой деятельности легистов явилось римское право, рецепция которого началась в феодальных государствах с XII в. Это было обусловлено рядом обстоятельств. Основным экономическим фактором было развитие городов как очагов товарно-денежных отношений. Усвоение римского права отвечало коренным интересам горожан — самостоятельных собственников-товаровладельцев. В римском праве «содержалось уже в готовом виде все то, к чему бюргерство позднего средневековья стремилось пока еще только бессознательно»³, поскольку оно являлось классическим выраже-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 407.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 412.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 412.

нием потребностей общества, в котором господствовала частная собственность.

Постепенно, с втягиванием деревни в товарные отношения, туда стало проникать и римское право. Вотчинное дворянство, ища выхода из нараставших экономических трудностей, старалось использовать его для усиления нажима на крестьян, в частности, как предлог для взимания таких платежей, которые фактически уже перестали выплачиваться, но никакими письменными документами отменены не были.

Огромное значение рецепция римского права имела также и как орудие усиления королевской власти. Самодержавные принципы римского императорского законодательства нашли благоприятную почву для своего возрождения при дворах феодальных монархов, стремившихся в борьбе с феодальным сепаратизмом превратить свою власть в неограниченную. Начиная с XIII в. во Франции усилиями легистов вводятся в употребление целый ряд новых юридических формул, укреплявших позиции королевской власти. В большинстве случаев это был вольный перевод излюбленных изречений болонских юристов вроде: воля короля имеет силу закона (*si veut le roi, si veut la loi*). Официальное употребление этих выражений впервые вводило во Франции идею неограниченной власти короля. В консолидирующихся феодальных монархиях легисты хотели видеть возрождение политического строя империи, период же феодальной раздробленности представлялся им узурпацией, обусловленной временным ослаблением королевской власти. Таким образом, новизна устанавливавшегося порядка прикрывалась авторитетом древнего римского права.

Но в политической централизации было кровно заинтересовано и городское сословие. Естественно, что именно в городской среде короли находили себе помощников, не связанных сословными интересами ни с мятежным дворянством, ни с подчиненным папе духовенством.

Со второй половины XII в. троны западно-европейских государств начинают окружать толпы светских знатоков римского права. Наибольшего влияния юристы достигли во Франции, где из скромного первоначального слоя ученых законоведов со временем выросло могущественное сословие служилой аристократии, так называемое «дворянство мантии». Не принадлежа к «благородным», легисты своим положением были обязаны исключительно своим заслугам перед монархией, и короли щедро жаловали энергичных помощников всевозможными почестями.

Центры, из которых распространилось римское право, лежали на юге Франции, в «области писанного права». Под влиянием юридической школы Болоньи крупным центром юридического образования во Франции становится во второй половине XIII в. университет в Монпелье. Позднее достигает большого расцвета юридический факультет в Орлеане, получивший в 1312 г. хартию от Филиппа IV.

Политическая деятельность легистов при французском дворе стала значительной во второй половине XIII в., в конце правления Людовика IX; уже тогда они во множестве проникают в аппарат государственного управления. Но настоящим царством легистов явилась эпоха Филиппа IV. При нем легисты составили многочисленную армию «королевских рыцарей» (*militum regis*). Из административного, финансового, судебного аппарата государства они вытеснили сеньоров не только потому, что у тех теоретическая и практическая выучка оказывалась уже недостаточной для ведения сложных дел, но также и потому, что король все больше тяготился зависимостью от своих знатных советников, легисты же были его слугами на жалованьи. Гийом Ногаре, один из наиболее видных легистов и по существу второе лицо после короля в государстве⁴, писал: «Легисты не принадлежат к числу благородных, но они — рыцари короля. Король приблизил их к себе: отсюда их честь, отсюда их достоинство... и им несть числа в королевстве»⁵.

Правление Филиппа IV во многом отличалось от предыдущих царствований. Оно было более самодержавным и потому всецело проникнуто духом императорского законодательства. Франция в его правление отказывается от грандиозных военных походов. Основными методами внешней и внутренней политики делаются дипломатия и судебные процессы, и в этом, без сомнения, сказалось влияние легистов. Для «рыцарей юриспруденции» (*milites legum*) судебная трибуна была родной стихией: они умели, используя искуснейшие адвокатские приемы, придать законную форму любому насилию, исходившему от короля. В этом причина того, почему важнейшие политические мероприятия проводятся в это время во Франции в форме судебных процессов (таковы процессы против Эдуарда I Английского, против графа

⁴ См.: Денисова Н. А. Из истории политической борьбы во Франции в начале XIV в. // Средние века. М., 1961. Вып. 20. С. 216.

⁵ Цит. по: Dupont-Ferrier G. La formation de l'Etat français. P., 1934. P. 94.

Фландрского, процесс против тамплиеров и др.). Судебный аппарат почти полностью переходит в руки легистов: в качестве «королевских прокуроров» они делают непеременимыми фигурами в каждом бальяже, в крупных превоствах и церковных судах. Это были деятельные и усердные должностные лица, усилия которых направлялись на укрепление королевского суда за счет сокращения юридической компетенции феодалов и церкви. Парижский парламент заполняют всякого рода судьи, советники, чиновники по налогам и т. д., охотно принимавшие жалобы на феодальные суды. Их деятельность немало способствовала ослаблению судебной власти феодалов и церкви и распространению единых юридических норм на всю территорию королевства. В дворцовом ведомстве, призванном вести частные дела короля, заседают всевозможные чиновники, клерки, секретари и т. д., которые, не знатностью своего происхождения, но лишь в силу близости к трону, приобретают большой политический вес.

На внешнеполитической арене, где Франция при Филиппе IV проявляла большую активность, легисты оказывали королевской власти не меньшие услуги, чем во внутригосударственных делах. Именно из их числа вышли наиболее ловкие дипломатические агенты и руководители посольств, наиболее преданные советники короля по внешнеполитическим вопросам типа Флотта, Ногарэ, Мариньи, проявившие часто незаурядные политические способности и темперамент. Легисты участвовали во всех дипломатических переговорах, без них не заключался ни один внешний договор. Своими внешнеполитическими успехами французская монархия была в значительной степени обязана энергичной деятельности все тех же легистов.

Весьма действенным оружием в руках королевской власти при Филиппе IV как во внутренней, так и во внешней политике стала публицистика. И этим оружием прекрасно овладели легисты. Французская публицистика конца XIII — начала XIV вв. имела на внешнеполитической арене двустороннюю направленность: во-первых, против притязаний на верховенство со стороны папства; во-вторых, — со стороны империи. Обе задачи были поставлены в связи с успехами, достигнутыми в области политической консолидации государства.

Вопрос о суверенности французского королевства дебатировался во французской публицистике уже во второй половине XIII в. Если в европейской публицистике XII — первой половины XIII в. велись споры о соотношении «двух мечей»,

Центры, из которых распространилось римское право, лежали на юге Франции, в «области писанного права». Под влиянием юридической школы Болоньи крупным центром юридического образования во Франции становится во второй половине XIII в. университет в Монпелье. Позднее достигает большого расцвета юридический факультет в Орлеане, получивший в 1312 г. хартию от Филиппа IV.

Политическая деятельность легистов при французском дворе стала значительной во второй половине XIII в., в конце правления Людовика IX; уже тогда они во множестве проникают в аппарат государственного управления. Но настоящим царством легистов явилась эпоха Филиппа IV. При нем легисты составили многочисленную армию «королевских рыцарей» (*militum regis*). Из административного, финансового, судебного аппарата государства они вытеснили сеньоров не только потому, что у тех теоретическая и практическая выучка оказывалась уже недостаточной для ведения сложных дел, но также и потому, что король все больше тяготился зависимостью от своих знатных советников, легисты же были его слугами на жалованьи. Гийом Ногаре, один из наиболее видных легистов и по существу второе лицо после короля в государстве⁴, писал: «Легисты не принадлежат к числу благородных, но они — рыцари короля. Король приблизил их к себе: отсюда их честь, отсюда их достоинство... и им несть числа в королевстве»⁵.

Правление Филиппа IV во многом отличалось от предыдущих царствований. Оно было более самодержавным и потому всецело проникнуто духом императорского законодательства. Франция в его правление отказывается от грандиозных военных походов. Основными методами внешней и внутренней политики делаются дипломатия и судебные процессы, и в этом, без сомнения, сказалось влияние легистов. Для «рыцарей юриспруденции» (*milites legum*) судейская трибуна была родной стихией: они умели, используя искуснейшие адвокатские приемы, придать законную форму любому насилью, исходившему от короля. В этом причина того, почему важнейшие политические мероприятия проводятся в это время во Франции в форме судебных процессов (таковы процессы против Эдуарда I Английского, против графа

⁴ См.: Денисова Н. А. Из истории политической борьбы во Франции в начале XIV в. // Средние века. М., 1961. Вып. 20. С. 216.

⁵ Цит. по: Dupont-Ferrier G. La formation de l'Etat français. P., 1934. P. 94.

Фландрского, процесс против тамплиеров и др.). Судебный аппарат почти полностью переходит в руки легистов: в качестве «королевских прокуроров» они делаются непременно фигурами в каждом балляже, в крупных превотствах и церковных судах. Это были деятельные и усердные должностные лица, усилия которых направлялись на укрепление королевского суда за счет сокращения юридической компетенции феодалов и церкви. Парижский парламент заполняют всякого рода судьи, советники, чиновники по налогам и т. д., охотно принимавшие жалобы на феодальные суды. Их деятельность немало способствовала ослаблению судебной власти феодалов и церкви и распространению единых юридических норм на всю территорию королевства. В дворцовом ведомстве, призванном вести частные дела короля, заседают всевозможные чиновники, клерки, секретари и т. д., которые, не знатности своего происхождения, но лишь в силу близости к трону, приобретают большой политический вес.

На внешнеполитической арене, где Франция при Филиппе IV проявляла большую активность, легисты оказывали королевской власти не меньшие услуги, чем во внутригосударственных делах. Именно из их числа вышли наиболее ловкие дипломатические агенты и руководители посольств, наиболее преданные советники короля по внешнеполитическим вопросам типа Флотта, Ногарэ, Мариньи, проявлявшие часто незаурядные политические способности и темперамент. Легисты участвовали во всех дипломатических переговорах, без них не заключался ни один внешний договор. Своими внешнеполитическими успехами французская монархия была в значительной степени обязана энергичной деятельности все тех же легистов.

Весьма действенным оружием в руках королевской власти при Филиппе IV как во внутренней, так и во внешней политике стала публицистика. И этим оружием прекрасно овладели легисты. Французская публицистика конца XIII — начала XIV вв. имела на внешнеполитической арене двустороннюю направленность: во-первых, против притязаний на верховенство со стороны папства; во-вторых, — со стороны империи. Обе задачи были поставлены в связи с успехами, достигнутыми в области политической консолидации государства.

Вопрос о суверенности французского королевства дебатировался во французской публицистике уже во второй половине XIII в. Если в европейской публицистике XII — первой половины XIII в. велись споры о соотношении «двух мечей»,

т. е. о соотношении власти императоров и папы, то основным международным вопросом, обсуждавшимся в публицистике конца XIII — начала XIV в., становится вопрос о том, что больше соответствует благу народа — объединение под властью императора или существование под властью независимых друг от друга государей⁶.

Для Франции, в которой королевская централизация уже к исходу XIII столетия достигла больших успехов, даже формальная зависимость от папы или императора сделалась совершенно нежелательной. Притязания на верховенство со стороны как папства, так и империи встречают теперь во Франции решительный отпор.

Поскольку международное право в эту пору еще не сложилось, публицисты для обоснования идей независимости французского королевства и для определения отношений между отдельными государствами, претендовавшими на суверенное существование, пользовались нормами того же римского права, а там, где оно было непригодно для этих целей, легисты апеллировали к «естественному праву» и «праву народов». Оба эти понятия были заимствованы легистами-публицистами у римских юристов и поставлены ими наряду с римским правом в положение общего права.

Особенно богатую публицистику породила эпоха борьбы Филиппа IV с папой Бонифацием VIII. Сторонники обеих партий изошрялись в аргументах, исторических, юридических, богословских и др., для доказательства: одни — верховного права папы над светскими государями, другие — суверенности французского королевства. Агенты Филиппа IV обрушили против папских притязаний всю силу университетской учености начала XIV в. Из-под их пера выходили многочисленные трактаты, отстаивавшие принцип независимости французского королевства с неменьшей непримиримостью, чем их противники — верховенство папы. Опираясь на нормы римского права, легисты доказывали, что французский король в мирских делах совершенно независим от власти церкви.

Хотя главный вопрос заключался во взаимоотношениях Франции с папским престолом, публицистика ставила одновременно и вопрос о взаимоотношении Франции с Империей. Для этого легисты выработали особую формулу, утверждав-

⁶ См.: Грабарь В. Э. «Священная Римская империя» в представлении публицистов XIV в. // Средние века. М., 1941. Вып. 1. С. 85.

шую, что король в своем королевстве является императором (*rex est imperator in regno suo*). Поскольку римское право обосновывало неограниченность власти императора, то приравнивание власти короля к власти императора переносило и на французского короля принципы самодержавной власти. Таким образом уничтожалось представление о принципиальном различии между императорской и королевской властью. Впервые эта мысль была высказана и обоснована еще в середине XIII в. легистом Жаном Блано. Широко использовалась в правление Филиппа IV и другая формула независимости Франции, имевшая в виду отношения Франции не только с папой, но и с императором: «король не зависит ни от кого, кроме бога и себя самого» (*le roy ne tient de nului fors de Dieu et de lui*).

Во многом верные схоластическим методам аргументации легисты ищут у старых авторитетов подтверждений новым тенденциям в международных отношениях. Так, на службу королевской власти они ставят идею современника падения Римской империи Августина о том, что благу людей более соответствует независимое существование отдельных народов, чем их насильственное объединение в составе всемирной империи. Эта идея в начале V в. была призвана как-то оправдать факт распада Западной Римской империи под ударами варварских нашествий, но вплоть до конца XIII — начала XIV вв. в Западной Европе она не находила благоприятной почвы для возрождения, т. к. отдельные государства были еще недостаточно сильны, чтобы противодействовать универсалистским притязаниям папства и Империи. Но в следующий период эта идея превращается в руках королей в одно из орудий борьбы за независимое от Рима и от «Священной Римской империи» существование государств.

В своих теоретических рассуждениях публицисты этой эпохи находились еще во власти схоластики. В их трактатах часто встречаются аргументы богословского характера, и основным доказательством для них, как и прежде для юристов-богословов, является цитата из священного Писания. Им свойственно средневековое преклонение перед авторитетами, они несколько не смущаются, если выводы подчас не согласуются со здравым смыслом. С точки зрения юридической их писания еще весьма несовершенны: правовые вопросы там чаще всего не отделены от вопросов нравственности и религии. С литературной стороны трактаты легистов-публицистов также отмечены значительным налетом схоластики: изложение нелогично, темно и витиевато, последова-

тельность часто нарушается пространными вставками теологического и астрологического характера.

Но, несмотря на все это, и публицистическая, и государственная деятельность легистов носила прогрессивный характер. Их литературное наследие явилось отражением реальных политических интересов централизованного феодального государства второй половины Средних веков, государства, которое в борьбе против феодальной раздробленности, против миродержавных притязаний Империи и папства было вынуждено выступать в союзе с городами, с поднимавшимся городским сословием.

М. Е. Карпачева-Беляева

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП АНТИИНКВИЗИЦИОННОЙ БОРЬБЫ В КАРКАССОНЕ

На рубеже XIII—XIV вв. королевская власть и римская курия продолжали поддерживать репрессивную деятельность инквизиции на Юге Франции, используя ее и как средство ограбления горожан, и как орудие подавления антикатолической оппозиции. Общая задача ликвидации гнета инквизиции цементирует все оппозиционные выступления населения городов юго-восточного Лангедока в первой половине XIV в. Центром этого движения, городом, в котором борьба достигла наивысшего напряжения, становится Каркассон.

Освободительная борьба в Каркассоне к началу XIV в. имела уже двухвековую традицию: против городских сеньоров, французов-завоевателей, католической реакции. Городской консулат принимал активное участие в этой борьбе за насущные социально-экономические отвоєвания, что выдвигало в его состав наиболее заинтересованных в коммунальных вольностях горожан, не дало ему аристократизироваться, обособиться от городской общины, отойти от ее жизни и борьбы¹.

¹ См.: Карпачева М. Е. Антифеодальная борьба горожан Каркассона в XII—XIII вв. // Средневековый город. Саратов, 1978. Вып. 5; Ее же. Освободительная борьба в Каркассоне в XIII в. // Там же, 1983. Вып. 7; Ее же. Борьба горожан Каркассона против инквизиции в конце XIII в. // Там же, 1987. Вып. 8.

Заговоры, бунты, открытые восстания в Каркассоне в 1285—1295 гг. подорвали безраздельное господство инквизиции, вынудили французского короля послать в Лангедок двух «реформатов» для предотвращения подобных мятежей. Особое внимание предписывалось обратить на конфликт горожан и доминиканцев в Каркассонском сенешальстве. В 1301 г. реформаторам Жану де Пикиньи, видаму Амьена, и Ричарду Невё, архиепископу Лизье, приказано расследовать протесты каркассонской депутации против действий инквизиции.

Городские антиинквизиционные восстания оказали влияние на обострение внутрицерковных противоречий, способствовали активизации оппозиции, выразившейся в движении спиритуалов². Оно возникло в 70—80-х гг. XIII в. внутри францисканского ордена и было направлено на первых порах против орденской верхушки, доминиканцев и папства. В целом же это движение отражало антифеодальное сопротивление городских масс³. В начале XIV в. активизировалась деятельность радикального крыла спиритуалов. Это, в свою очередь, ослабляя церковь изнутри, способствовало проявлению оппозиционного отношения горожан к официальной политике церкви.

На протяжении первой четверти XIV в. антиинквизиционную борьбу в Каркассоне, Альби, Безье, Корде возглавлял один из ярчайших вождей движения, францисканский монах, иоакимит Бернар де Ликгоси (в народе его звали Делисье или Сладкогласный)⁴. Пламенная вера в необходимость борьбы, смелость, верность своим убеждениям, сильный энергичный характер, огромный ораторский талант отличали этого ересиарха. Под влиянием освободительной борьбы городских масс Б. Делисье, начав с обличения злоупотреблений доминиканцев, приходит к поддержке движения кар-

² Подробнее см.: Керов В. Л. Борьба народных масс против католической церкви во Франции в конце XIII—начале XIV вв. М., 1977.

³ Там же. С. 244—257.

⁴ Подробнее о нем: Haugèau B. Bernard Délicieux et l'inquisition albigeoise (1300—1320). P., 1877; Dmitrowski Ph. M. Fr. Bernard Délicieux. Sa lutte contre l'inquisition de Carcassonne et l'Albi, son procès. 1297—1319. Archivum Franciscanum Historicum. 1923. T. 16. P. 195—196.

кассонцев за уничтожение самого института инквизиции. В 1300 г. в Каркассоне Бернар Делисье открыто выступил с протестом против незаконных действий священного трибунала по делу ложно обвиненного в ереси богатого и влиятельного каркассонца Кастеля Фабри⁵. Королевским реформаторам Делисье заявил: «Такая инквизиция способна не уничтожить, а распространить ересь. Теперь вовсе нет необходимости в инквизиции»⁶.

Учитывая обострение отношений между Филиппом IV и папой Бонифацием VIII, каркассонцы, организовав в 1301 г. депутацию к королю, потребовали: «Закреть в Каркассоне трибунал на некоторое время или, по крайней мере, передать его в другие руки»⁷. В январе 1302 г. был издан королевский ордонанс, по которому инквизитор Каркассона был смещен, на епископа наложен штраф, аресты подозреваемых в ереси могли производиться только с согласия сенешала и двух реформаторов⁸. Это послабление было временным, уже через год в Каркассоне новый инквизитор Жоффруа д'Абли (Аблюзий) возобновил инквизиционные судилища⁹. Король вовсе не собирался уничтожить учреждение, бывшее для него с XIII в. источником обогащения. Так, в 1305 г. конфискация части имущества каркассонца Фенаса, ставшего жертвой инквизиции, дала казне 606 ливров, а за 1306—1309 гг. он заплатил еще 1197 ливров¹⁰.

Действия консулата, обращавшегося к королю с многочисленными апелляциями против беззакония инквизиционного трибунала, — безуспешны. Злоупотребления Аблюзия, резко увеличившего число узников инквизиционных застенков, не пресечены, произвол его не остановлен. Вновь в Кар-

⁵ Cartulaire et archives des communes de l'ancien diocèse et de l'arrondissement administrative de Carcassonne/Ed. par M. Mahul. P., 1880. Vol. 5. P. 670 (далее: Cart. Carcas.)

⁶ Цит. по: Осокин Н. Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами. Казань, 1872. Т. I. С. 435.

⁷ Цит. по: Hauréau V. Op. cit. P. 37.

⁸ Histoire générale de Languedoc/Red. par Cl. Devic et J. Vaissete: In 10 t. Toulouse, 1872—1892. T. 4. P. 118—121 (далее: HGL).

⁹ Bullaire de l'inquisition française au XIV-e siècle et jusqu'à la fin du grand schisme/Ed. par J. M. Vidal. P., 1913. P. IX—X (далее: Bullaire).

¹⁰ Hauréau V. Op. cit. P. 133.

кассоне звучали обличающие сирвенты провансальских трубадуров. Один из них, Пейре Кардиналь, писал:

Повсюду инквизиторы и клир
Над горожанами стервятниками вьются,
Как ворон с коршуном из-за добычи бьются,
Устроили кровавый, страшный пир.

Высматривая жертвы отовсюду,
Верховной властью на смерть обрекают.
Награбили богатств и злата груды.
Руины за собой лишь оставляют¹¹.

В обстановке всеобщего недовольства проповеди Б. Делисье, обличающие инквизиторов, воспринимаются горожанами как призывы к открытой борьбе. Показательно, что одна из его проповедей, заканчивающаяся словами: «У нас нет никого, кто защитил бы нас от палачей. Кинемся же на них дружно и прогоним кровопийц», — была расклеена по всему городу как прокламация¹².

Второе восстание против инквизиции (первое произошло в 1295 г.) разразилось в Каркассоне в 1303 г. Показателен организованный характер выступления: по городу расклеены прокламации, призывающие всех жителей (по 1—2 человека от очага) собраться по делу «общей пользы города»¹³. Выбирается комитет из 24-х горожан — это вожаки восстания, действующие под руководством главного консула Эли Патриса. Характерно, что выступление началось с разгрома домов тех членов консулата, которые не примкнули к мятежу. Затем, объединившись с депутацией городов Альби и Корда, в которых до этого уже были подобные выступления, каркассонцы осадили доминиканскую церковь, закидали ее камнями, выбив окна и повредив статуи. В этом сказались не столько влияние радикального крыла каркассонских спиритуалов, сколько общая ненависть городов сенешальства к ордену доминиканцев, как проводнику реакционной деятельности римской курии.

Выполнение главной задачи — разгром тюрем инквизиции — взяли на себя около 80-ти ремесленников, вооруженных ломом и кирками¹⁴. Это были, в основном, цеховые

¹¹ Raynouard M. Choix des poésies originales des troubadours. P., 1819. Vol. I. P. 357. Перевод автора статьи.

¹² Hauréau V. Op. cit. P. 55—57.

¹³ Carayon Ch. L'inquisition à Carcassonne au XIII-e et au XIV-e siècle. Mazamet, 1903. P. 60.

¹⁴ HGL. T. 9. Note 5. P. 260.

мастера, чье организованное выступление — показатель того, что цехи аккумулировали антиинквизиционные настроения горожан, придавая им более действенный характер.

В августе 1303 г. все жертвы инквизиционного трибунала Каркассона были выпущены из застенков, где были погребены на долгие годы в цепях, без света, воздуха, движения, доведенные до отчаяния пытками или полным забвением. Должествующий соблюдать законность Ж. Пикинья приказывает временно препроводить освобожденных в королевские тюрьмы Ситэ, под охрану муниципальной власти. Здесь из опросов узников был собран огромный обвинительный материал против инквизиции. Горожане побуждают Б. Делисье довести эти разоблачающие сведения до короля.

В ответ на это, 29 сентября 1303 г. инквизитор Каркассона налагает интердикт на город, отлучает от церкви всех участников восстания, грозит им карами¹⁵. Это не произвело впечатления на горожан; церковные отлучения, по выражению Б. Делисье, «уже двадцать лет ничего не значат»¹⁶. Городской консулат, как и прежде, принимает меры по смягчению экономических последствий изоляции города через усиление торговых связей с окрестными городками: Лиму, Лаграссом, Монтолье и т. д. Необходимость ликвидации экономической блокады вынудила каркассонцев совместно с жителями Альби и Корда, используя продажность курии, предложить папе крупную взятку в 3000 ливров¹⁷. Однако сделка не состоялась, отлучение не было снято, а на вошедшего в церковь видама Ж. де Пикинья папский легат кричал: «Гоните прочь этого патарена»¹⁸. Обратим внимание: правоверного католика, облеченного государственной властью, церковники объявляют еретиком, — за то, что он выступает против инквизиции. Это не могло не усилить антипапские настроения в городе, чему способствовало ослабление римской курии, общее падение престижа папской власти во Франции.

Для разрешения слишком далеко зашедшего конфликта каркассонцы обращаются к королю. Посылается депутация горожан в Париж, затем в Тулузу. В Тулузе, на аудиенции у короля, Б. Делисье, оправдывая действия каркассонцев,

¹⁵ Carayon Ch. Op. cit. P. 64—65.

¹⁶ Цит. по: Dossat Y. Les crisis de l'inquisition toulousaine au XIII-e siècle. Bordeaux, 1959. P. 133—135.

¹⁷ Hauréau B. Op. cit. P. 72.

¹⁸ Цит. по: Carayon Ch. Op. cit. P. 65.

произносит свою знаменитую фразу: «Св. Павел и Св. Петр не смогли бы оправдаться от обвинения в ереси, если бы к ним были применены методы инквизиции. Для трибунала все еретики, его нельзя насытить»¹⁹. Требуя от лица горожан уничтожения инквизиции, вождь мятежных каркассонцев вызывает на себя огонь папских репрессий. В булле от 16 апреля 1304 г. папа Бенедикт приказывает схватить Б. Делисье и препроводить в курию²⁰.

Итак, ничто не могло на этот раз смягчить гнет инквизиции: ни открытый бунт, ни попытка подкупа папства, ни протесты королю. Всё же, после восстания эдиктом 1304 г. король приказывает прекратить открытый грабеж и навести хоть какой-то порядок в инквизиционных тюрьмах²¹. Вместе с тем, поощряя деятельность инквизиции, Филипп Красивый снимает с себя всякую ответственность, передавая папе право последней инстанции в разборе дел по злоупотреблениям доминиканцев. Инквизиция в Каркассоне вновь упрочивает свои позиции.

В начале 1304 г. запрещены все союзы (в том числе ремесленные) и собрания горожан Каркассона, все подозреваемые в ереси лишены права занимать должности в городском консулате²². Это наносило удар по социальной активности главной силы сопротивления — ремесленно-торговой массе, ее корпорациям.

Очевидно, протесты каркассонцев в этой связи были столь сильны, а оппозиция столь грозна и ощутима, что это вынудило короля к вояжу в Тулузу, а затем к посещению Каркассона в конце февраля 1304 г. Уже при въезде в город между королем и жителями Нижнего города (Бурга) возник весьма показательный инцидент. Бургожане, видя, что королевский кортеж направляется в Ситэ, посылают верховного консула города Эли Патриса повернуть его к Бургу. «Король Франции, повернитесь и посмотрите на этот несчастный город, с которым так жестоко обращались», — требует консул и, разоблачая действия инквизиции, просит заступничества Филиппа IV. Наконец, он прямо заявляет, что жители Каркассона найдут себе другого сюзерена, если король не примет мер для обуздания инквизиторов. Разгневанный

¹⁹ Ibid. P. 66.

²⁰ Bullaire. N 2. P. 3.

²¹ HGL. T. 4. Col. 130.

²² См.: Осокин Н. Указ. соч. С. 446.

угрозой Филипп IV приказывает убрать с дороги консула и направляется в Ситэ, где совместно с церковниками разрабатывает план усмирения Нижнего города. В ответ на это Бург отменяет встречу, спускает приветственные флаги, одевается в траур²³. Консулы Каркассона Эли Патрис и Пьер Арнаут заявили Б. Делисье, который еще пытался повлиять на короля: «Король нас бросил, папа нас предал»²⁴. Всесильный Г. Ногарэ, правая рука короля, объяснил всю бесплодность попыток найти в короле защитника от инквизиции: «Наши отношения с курией весьма щекотливы, а папа Бенедикт XI сам из доминиканцев»²⁵.

В этой крайне напряженной обстановке принимается решение инфеодироваться Фернанду, сыну арагонского короля Хайме II. По поручению консулата Б. Делисье встретился с принцем и от лица городской общины Каркассона, предъявив акт инфеодации, предложил оммаж при условии защиты и покровительства²⁶. Теперь это означало акт неслыханной смелости — отложиться от Франции и перейти в подданство арагонского короля. Кроме того, Каркассон должен был стать ядром лиги юго-восточных городов Дангедока, присоединившихся к антикоролевскому выступлению. Это Альби, Безье, Корд, Лиму, Монтолье и др.²⁷

Делисье обратился к трудовому люду Каркассона: «Оставьте свои ремесла, закройте свои мастерские... чтобы выступить против ненавистных людей, превративших страну в руины»²⁸. Из слов Делисье можно предположить, что основными участниками восстания были жители Бурга, в первую очередь ремесленники. Известно, что во главе встали консулы города: Эли Патрис, Арнольд Террьер, Раймун Белет, Гильем Лоран, Гильем де Сен-Мартен, Раймун де Пюсе, Гильем Монтолье, Бартоломей Кальверье, Раймун Андэ²⁹.

В этот грозный момент проявляется сознательная сплоченность горожан. Бург спешно укрепляется. Городская милиция во главе с консулом Эли Патрисом несет вооружен-

²³ Сагауон Ch. Op. cit. P. 67.

²⁴ Цит. по: Наугеан В. Op. cit. P. 95.

²⁵ Ibid. P. 94.

²⁶ Dmitrewski Ph. M. Op. cit. P. 336.

²⁷ Cart. Carcas. Vol. 5. P. 654.

²⁸ Цит. по: Dmitrewski Ph. M. Op. cit. P. 336.

²⁹ Bullaire. N 2. P. 6.

ную охрану города, обеспечивает порядок и дисциплину³⁰. Горожане спешно собирают деньги на общее дело, создается общегородская касса³¹. Мобилизуя всех горожан на борьбу, Эли Патрис в городской ратуше, а Делисье с церковной кафедрой произносят речи против инквизиции, но главным образом — против короля.

Однако письмо консулов с актом инфеодации попадает в руки арагонского короля, заговор каркассонцев с инфантом раскрыт. Король Арагона, владея доменом от Монпелье до Перпиньяна как вассал французского короля, не пожелал из-за мятежного города вступать в конфликт с могущественным сюзереном. Король Хайме II изгоняет «новых подданных» из Арагона, изолирует их несостоявшегося патрона на Майорке, сообщает об измене каркассонцев Филиппу IV.

Против восставших объединенным фронтом выступают король и папа. Король организует судилище, которое в присутствии папского легата все лето 1304 г. чинит расправу в Каркассоне, но даже в этой обстановке каркассонцы не оставляют деятельности по организации антиинквизиционной лиги городов. Их посланец и трибун Б. Делисье пытается поднять против короля и доминиканцев Тулузу, Альби, Ним. Напрасно, его призывы к сопротивлению и бунту находят безоговорочную поддержку только в Каркассоне. Горожане отказываются выдать своего вождя, когда папа, инкриминировав Делисье «преступление против инквизиции, королевской, папской и церковной власти», требует его ареста³². В городе опять начинаются волнения. Консулат предупреждает, что народ вооружен и в случае бунта он не отвечает ни за жизнь викария, должного произвести арест, ни за целостность дома инквизиции. Наконец, сам король потребовал осудить мятежника; 20 августа 1305 г. был издан документ об аресте Делисье³³. Он был схвачен, отправлен в курию, где оставался заложником Климента V до 1307 г.

Королевские войска, сломив сопротивление бургожан, вошли в Нижний город. На Каркассон обрушились королевские репрессии. Их классовый характер очевиден. Прежде

³⁰ М. Блок неправоммерно сужает функции этого городского органа только к выступлениям против доминиканцев (Bloch M. La France sous les derniers Capétins//Cahiers des Annales. P., 1958. N 13. P. 107).

³¹ HGL. T. 10. Col. 277, 328, 391, 461.

³² Cart Carcas. Vol. 5. P. 654.

³³ Dmitrewski Ph. M. Op. cit. P. 457.

всего был разгромлен консулат Каркассона, осуждены и повешены 28 сентября 1304 г. 8 консулов, начиная с главы Эли Патриса, за ним последовал Бартоломей Кальверье, Пьер де Арнаут, Гильем де Пюи, Бернар Марсель, Понс де Монтолье, Гильем Ружер де Буркафоль, Гильем де Сен-Мартен; казнены еще около 15 жителей Бурга — наиболее активные участники восстания³⁴. По указу короля от 1305 г. сенешал обязан отстранить от общественных должностей в городе не только обвиненных «в ереси» (следует понимать «в бунте»), но и всех их родственников. Запрещены все союзы и всякие сборы средств в помощь репрессированным мятежникам³⁵.

На основании этих указов сенешал Жан д'Онэ беспощадно чинит суд и расправу, карая горожан и вымогая огромные выкупные суммы. Инквизитор Ж. д'Абли тянет в трибунал всех подозреваемых в восстании, обвиняя их за «сочувствие ереси». Из 38 человек, обвиненных в этом, 11 были сожжены 12 июля 1305 г.³⁶ Последним ударом явились отмена 29 сентября 1305 г. консулата, прежних коммунальных вольностей, обложение города огромной контрибуцией в 60 000 ливров³⁷. Эти действия королевской власти были направлены на подрыв, даже на уничтожение общественных и материальных ресурсов коммуны Каркассона.

Новые волнения в городе, вызванные репрессиями и связанными с ними злоупотреблениями, вынудили Климента V временно смягчить режим инквизиционного террора и даже освободить 40 жертв инквизиции. Однако их имущество было конфисковано в пользу короля и епископа, что свидетельствует о продолжении политики грабежа³⁸. Из-за опасений возобновления «мятежей, восстаний, выступлений против господ, преступлений уголовного и правового порядка» в Каркассоне, королевская власть в 1306—1307 гг. издает указы о помиловании, по которым дано разрешение вернуться всем тем, кто бежал из города³⁹. Выплата реквизиционных сумм

³⁴ Cart. Carcas. Vol. 6. Part 1. P. 11—13; HGL. T. 9. Col. 271—276.

³⁵ Naugéau V. Op. cit. P. 123.

³⁶ Сагауон Сн. Op. cit. P. 75—76.

³⁷ Cart. Carcas. Vol. 6. Part 1. P. 11.

³⁸ HGL. T. 10. Col. 459.

³⁹ Известно, что вернулись даже катары Пьер Отье, Арнольд Боррель и др. (Schmidt Ch. Histoire et doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois. P., 1849. T. 1. P. 352, 355)

приостановлена. Обращает на себя внимание тот факт, что в королевских указах инициаторами бунтов названы «консулы и городская община Каркассона»⁴⁰. Король назначает теперь консулов сам⁴¹. Консулат перестает быть выборным органом городской власти, что означало подавление активности муниципальных органов Каркассона в начале XIV в. Происходит усиление социально-экономического и политического нажима со стороны правительственной власти⁴².

После этих мероприятий в событиях последующих лет действительно не видно активной роли каркассонского консулата. Но нет и смирения горожан перед лицом реакции, борьба против инквизиции продолжается; ее облегчает ослабление папства в связи с «авиньонским пленением». Под давлением многочисленных требований папа Климент V убрал из Каркассона инквизитора Ж. д'Абли, а новому строжайше приказал действовать так, чтобы не возбуждать гнева горожан⁴³. Однако «религиозное рвение» инквизитора Бернара де ла Гиони было столь велико, что вызвало столкновение между населением Каркассона (а также Альби, Корда) и инквизицией, новые расследования и новые распоряжения Климента⁴⁴.

В 1314 г. Каркассон вновь становится центром борьбы против доминиканцев, которые по приказу папства взяли окончательно искоренить движение спиритуалов. Горожане нападают на тюрьмы священного трибунала, выпускают осужденных мирян и миноритов, громят, как и в 1303 г., доминиканский монастырь. Это было последнее сражение каркассонцев, возглавляемое Бернаром Делисье. Для того, чтобы дезорганизовать восставших горожан, парализовать деятельность радикального руководства спиритуалов, в Каркассоне инспирирован «процесс против брата Бернара Делисье, орденна Миноритов», который обвинен в преступлениях против короля, папы и инквизиции. В 1319 г. Делисье осужден верховным трибуналом, но не на костер, т. к. выдержал страшные пытки, а на вечное заточение в тюрьме Каркассона⁴⁵.

⁴⁰ HGL. T. 10. Col. 459.

⁴¹ HGL. T. 9. Col. 279.

⁴² Проводником этой политики в Каркассоне становятся королевские чиновники: сенешал, балль, вигье, адвокат; позднее: казначей, коннестель (Cart. Carcas. Vol. 5. P. 568; Vol. 4. P. 590).

⁴³ Schmidt Ch. Op. cit. P. 355.

⁴⁴ Это фиксируется буллой Климента V от 13 марта 1306 г. (Bullaire. N 3. P. 10).

⁴⁵ Bullaire. N 22. P. 48—49.

Вслед за этим инквизиция в Каркассоне пытается нака-
зать бунтовщиков 1314 г. и отменить послабления, вырван-
ные горожанами у Клементя V. Из 64 миноритов-спиритуа-
лов, сторонников Делисье, 24 были переданы в руки инквизи-
ции, казни их продолжались до 1324 г.⁴⁶

Последние активные действия инквизиционного трибуна-
ла направлены на то, чтобы не дать распространиться в го-
роде народной ереси бегинов. С 1320 г. инквизитор Менэ де
Робекур начинает вести процессы против бегинов и своими
жестокостями и лихоимством вскоре вызывает ненависть и
протест каркассонцев⁴⁷. Источники за 1321 г. не случайно
упоминают «еретические безобразия на земле Каркассон-
ской»⁴⁸. Непрерывающейся упорной борьбой горожан была
вырвана первая победа: Менэ де Робекур смещен, новому
инквизитору, Жану Допра, папа в 1327 г. приказал прими-
риться с каркассонцами и не вызывать своими действиями
недовольства горожан⁴⁹. «Святой трибунал» явно ослабляет
свою хватку: в 1328 г. освобождены 23 узника инквизиции,
в 1329 г. — еще 10 человек⁵⁰. В 1330 г. папа Иоанн XXII
запретил инквизиторам Тулузы и Каркассона взыскивать
с наследников осужденных горожан их имущество, практи-
ковать для этого посмертное осуждение⁵¹. Папа извлек вы-
вод из действий посланной им комиссии, установившей фак-
ты незаконных конфискаций, учиненных каркассонским инк-
визитором Анри де Шамейя, который отнял имущество
у 18-ти наследников тех лиц, кто привлекался по обвинению
в ереси еще в 1250 г.

Так в конечном итоге горожане добились цели, за которую
боролись на протяжении двух столетий, — обеспечение иму-
щественных наследственных прав, — что составляло основу
свободы городской собственности.

После 1333 г. в Каркассоне прекращаются инквизицион-
ные процессы, связанные с обвинениями в ереси и с конфис-
кациями имущества⁵².

⁴⁶ Carayon Ch. Op. cit. P. 92.

⁴⁷ Vidal J. M. Menet de Robécourt, commissaire de l'inquisition de
Carcassonne (1320—1340)//Le Moyen Age. Vol. 16. P. 423—436.

⁴⁸ Summa Fratris Renerii de Ordine Fratrum Praedicatorum//Сборник
памятников по истории раннего вальденства. М., 1910. С. 123.

⁴⁹ Bullaire. N 76. P. 126—127.

⁵⁰ См.: Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века. СПб., 1911.
Т. 1. С. 313.

⁵¹ Dossat Y. Op. cit. P. 33.

⁵² Schmidt Ch. Op. cit. P. 359.

Показательно, что одновременно с победами, одержан-
ными над инквизицией, горожане ведут борьбу за восста-
новление отнятых королем коммунальных вольностей и при-
вилегий. В 1331 г. отвоения бургожан оформлены в «Ку-
тюме Бурга Каркассона»⁵³. Это — отмена торговых пошлин
на 3 года, сокращение талы, отсрочка уплаты реквизиций
в королевскую казну. В 1347 г. учреждается городская судеб-
ная палата в Нижнем городе, а не в Ситэ⁵⁴. На авансцене
общественной жизни города вновь появляется действующий
орган городского самоуправления. Акт от 28 июня 1348 г.
называет 6 консулов Бурга («consules burgi Carcassonet»),
выступающих от лица общины Бурга («pro se, et nomine
universitatis dicti burgi») ⁵⁵. Каркассонская коммуна возро-
дилась, ибо была, начиная с XI века, необходимой и жиз-
недеятельной силой.

Очевидно, консулат берет на себя функции регулятора
социально-экономической жизни города, что показывает кон-
фликт 1346 г. между городской общиной и инквизицией⁵⁶.

Консулат Каркассона постановил, что служители церкви
включаются в общую раскладку обложения горожан коро-
левскими налогами. Инквизитор Эмон де Комон и члены
трибунала отказались платить, ссылаясь на церковный им-
мунитет. Городская община наложила арест на их жалова-
ние. Конфликт был перенесен в папскую курию. Но позиции
самого авиньонского папства в этот период были настолько
ослаблены, что у Климента VI не было сил избавить инквизи-
ционный трибунал от требования каркассонского консулата.
Спустя два года было достигнуто соглашение, по которому
от налогов были освобождены только три чиновника и
один нотариус инквизиции⁵⁷. Вместе с тем, и они должны
были подчиниться системе регламентов, утвержденных кон-
сулами городской общины⁵⁸.

⁵³ HGL. T. 10. Col. 711.

⁵⁴ За это было уплачено 1300 ливров (Renoux C. Carcassonne et
la pays Carcassonnais pendant la premiere partie de la Guerre de Cent
Ans (1336—1391)//Mémoires de la Société des arts et des sciences de
Carcassonne/Publ. par Cros-Mayrevieille. Carcassonne, 1914—1919. Vol. 10.
2-e serie. P. 40.

⁵⁵ Bullaire. N 206. P. 316—317.

⁵⁶ Bullaire. N 162. P. 242; N 205. P. 314—316.

⁵⁷ Bullaire. N 206. P. 316—317.

⁵⁸ Ibid. N 207. P. 319.

Члены инквизиции были обязаны соблюдать муниципальные статуты города Каркассона как существующие, так и будущие, под угрозой штрафа с санкциями, принятыми для нарушителей. Относительно окончательного падения роли инквизиции в Каркассоне достаточно привести один весьма характерный случай. В 1354 г. монахи жалуются королю, что кузнец устроил в Бурге кузню рядом с доминиканской церковью Каркассона, так что не слышно богослужения⁵⁹. Видно, ни инквизитор, ни епископ не могли ничего сделать с дерзким бургожанином, пришлось в этот конфликт вмешаться королю.

Не случайно после ликвидации в Каркассоне инквизиции, как орудия папского и королевского нажима на жизненные интересы горожан, были изданы в 1363 г. «Привилегии Бурга или Нижнего города Каркассона», которые зафиксировали все важнейшие отвоевания каркассонцев за два столетия их освободительной борьбы⁶⁰. Следовательно, антиинквизиционную борьбу в Каркассоне первой половины XIV в. можно считать важной вехой в длительном и сложном процессе антифеодальной, освободительной борьбы ремесленно-торгового населения города Каркассона.

⁵⁹ См.: Ли Г. Ч. Указ. соч. С. 436.

⁶⁰ HGL. Т. 9. Р. 779.

ТЕКСТЫ

ПЕРЕПИСКА СЕМЕЙНОЙ КОМПАНИИ КУПЦОВ СЕЛИ (XV ВЕК)

В XV в. в английскую Компанию купцов-складчиков Кале (основана в XIV в.) входили различные мелкие объединения. Изучение их деятельности должно пролить дополнительный свет на историю знаменитой компании. Наиболее известным и значительным было семейное объединение Сели, состоявшее сначала из отца и двух сыновей (Ричарда-старшего, Ричарда-младшего и Джоржа), а с 1482 г. — из двух братьев.

Главным источником для изучения деятельности этой малой семейной компании является переписка между отцом и сыновьями, родственниками, агентами. Письма (всего их 247) содержат сведения о структуре малых семейных компаний, характере кредита, степени его распространенности; при тщательной обработке сведений, содержащихся в переписке, представляется возможность вычислить объем вывоза шерсти из Англии, колебания цен и пр.

РИЧАРД СЕЛИ СТАРШИЙ — РОБЕРТУ СЕЛИ¹ (из Лондона в Кале, 5 июля 1474 г.)

Приветствую тебя и сообщаю: твое письмо, написанное 23 июня в Кале, я получил и узнал, что ты продал большую часть твоих овчин. Я рад за тебя. Кроме того, от Томаса Кестена² я получил письмо, в котором он сообщает, что выслал на мое имя для передачи тебе обязательство от Грейса, мерсера³, которое должно быть оплачено в Лондоне 10 сентября. Я ничего не знаю о получении шерсти, и нет никаких директив от главного управления Компании купцов-

складчиков в Кале ни в отношении торговли, ни по другим делам... Передай Томасу Кестену, что я был в Кеттеринге⁴ в воскресенье после дня св. Петра. Узнал от людей, что шерсть продают по 28 пенсов за стоун⁵. Можешь распространить об этом Джона Рэниса⁶. Что касается Уила Дерлингтона, то он продал землю в Бартоне⁷, но известий от него у меня нет никаких... Передай это Уитхиллу⁸ или кому-нибудь из его людей. Я кончаю, да хранит тебя Бог. И скажи Джоржу, что я не получил от него ни слова с тех пор, как он уехал в Кале.

РИЧАРД СЕЛИ-СТАРШИЙ — ДЖОРЖУ СЕЛИ
(из Лондона в Кале, 26 января 1477 г.)

Приветствую тебя. Я очень удивлен, что ты не написал о делах в Кале, о которых так много говорят в Лондоне. Из-за отсутствия информации я ничего не могу написать тебе о состоянии дел в землях герцога Бургундского и короля Франции, — оттуда неожиданные известия; учитывая это, прошу тебя быть осторожным и не действовать опрометчиво в торговле и в доставке товаров во Фландрию: я опасюсь большой войны. Ходят слухи, что герцог убит⁹ и король Франции вошел в Пикардию... Напомни Томасу Кестену, что он обещал мне уплатить Джону Тэйту¹⁰ 10 шиллингов за сэрпль шерсти¹¹. Этого не сделано, и у меня требуют оплаты здесь...

РИЧАРД СЕЛИ-СТАРШИЙ — ДЖОРЖУ СЕЛИ
(из Лондона в Кале, 23 мая 1477 г.)

Приветствую тебя. Я узнал, что в Кале не прибыли купцы для закупки шерсти и овчин; это накладно для купцов-складчиков. Я опасюсь, что из-за этого каждый будет искать свой канал для продажи и передачи шерсти и овчин иноземным купцам, которые будут в Кале в это время, за наличный расчет. Я поговорю с некоторыми купцами, среди которых ты найдешь верных людей и сможешь рискнуть продать некоторое количество моей шерсти и овчин... Я полагаю, что вполне заслуживает доверия Джон Андерхэй¹² и кое-кто еще. Действуй незамедлительно, поскольку я опасюсь, что другие члены Компании купцов-складчиков в Кале будут вынуждены продавать шерсть с условием выплаты денег в три срока по 22 ш. 8 п. за фунт стерлингов¹³. В то же

время обменный курс в Лондоне составляет 7 ш. 10 п. фландрских за 6 ш. 8 п. английских... Ввиду больших потерь в этом сезоне денег мне можешь не высылать.

РИЧАРД СЕЛИ-СТАРШИЙ — ДЖОРЖУ СЕЛИ
(из Лондона в Кале, 26 июня 1477 г.)

Приветствую тебя. Я жив-здоров и долго обдумывал дела, которые прошу тебя сделать для меня во время ярмарки. Да пошлет тебе Бог хорошую торговлю, и мне тоже. Ты должен знать, что Роберт Сели и Томас Фолборт, мой ученик, придут в Кале. Я должен сделать Томаса полноправным членом (freemen) Компании купцов-складчиков после четырех лет ученичества (из восьми по договору); прошу твоего участия в этом деле...¹⁴

ЯН ВАНДЕРХЕЙДЕН — ДЖОРЖУ СЕЛИ
(из Мехельна в Кале, 9 октября 1477 г.)

Я приветствую Вас, дорогой друг, господин Джорж, и подтверждаю в письме, что мы пришли к соглашению относительно присылки мне некоторого количества шерсти через Райкена, фактора Джойса Уренкса. Дорогой друг Джорж Сели, я, Ян Вандерхейден, написал Вам, чтобы напомнить, что Вы должны прислать 4 сэрпля котесволдской шерсти второго сорта, хорошо упаковав ее; я доверяю Вам 3 сэрпля новой и 1 старой. Клянусь Богом, я уплачу Вам при встрече в Берген-оп-Зом... Дайте знать, что я могу сделать для Вас.

РИЧАРД СЕЛИ-СТАРШИЙ — ДЖОРЖУ СЕЛИ
(из Лондона в Кале, 18 мая 1478 г.)

Приветствую тебя. 18 мая получил твое письмо, посланное 8-го из Кале; из него все хорошо понял. Что касается отправки шерсти и овчин, то на сегодняшний день у меня нет транспорта. 3—4 тысячи овчин и часть шерсти из тех 20 или больше сэрплей, что принадлежат мне, я хотел бы с Божьей помощью отправить в следующую навигацию, которая пока не началась и откроется, я думаю, не раньше, чем суда снова возвратятся из Кале. Есть известия об Антверпенской ярмарке: она была неблагоприятной для членов Компании складчиков, надеюсь, что эта окажется хорошей. Томас Бэргейн, мерсер, просит сообщить тебе: если его человек на

ярмарке будет располагать деньгами, он не забудет обо мне, и я надеюсь, что ты опередишь других. Что касается торговли на ярмарке за наличные, действуй, как получится... Я прошу тебя поддерживать постоянную связь с нами: и до ярмарки, и в ее время, и после нее... так как здесь будет тяжело. Пока все, да хранит тебя Бог. Написано в Лондоне, 18 мая, срочно.

РИЧАРД СЕЛИ-СТАРШИЙ — ДЖОРЖУ СЕЛИ
(из Лондона в Кале, 17 июня 1478 г.)

...Я хочу знать точнее, должен ли я посылать шерсть и овчины. Я купил в Котсволде 5 тысяч овчин; они хорошего качества. Я не стану переправлять ни того, ни другого, пока не получу соответствующего известия и денег, с Божьей помощью вырученных тобой на ярмарке в Брюгге. Да дарует Господь землям герцога Бургундского свою милость, без чего не будет хорошей торговли...

РИЧАРД СЕЛИ-СТАРШИЙ — ДЖОРЖУ СЕЛИ
(из Эссекса в Кале, 29 октября 1480 г.)¹⁵

...Письмо от тебя, посланное 26 октября из Кале, я получил и узнал из него, что ты продал сэрпль принадлежащей мне хорошей шерсти из Котсволда по 19 марок за тюк¹⁶ и 6 сэрплей котсволдской шерсти второго сорта по 13 марок за тюк. Все продано за наличные деньги Джону ван Андерхею из Мехельна. Как я понимаю, вес шерсти и общая сумма наличных денег указаны в купчей. Из письма Уильяма Сели¹⁷ я узнал, что 11 сэрплей моей шерсти и овчин, переправленных из Лондона позже, еще находятся в Кале: пусть Уильям Сели останется там и поможет упаковать 20 сэрплей шерсти, которая была переправлена в прошедшем марте. Что касается Роберта Гуда, думаю, он скоро возвратится из дальней поездки. Я давно не слышал о нем.

Я оплатил в Лондоне 23 ш. 4 п.; платежное обязательство отправил в Кале с купцом из Беверли¹⁸. Я не купил еще ни клочка шерсти, так как в Котсволде ее скупил ломбардцы. Из-за этого я задерживаюсь с упаковкой всего товара. Теперь у меня большие финансовые затруднения. Да пошлет тебе Бог хорошую торговлю. На этом кончаю. Да хранит тебя Господь.

РИЧАРД СЕЛИ-МЛАДШИЙ — ДЖОРЖУ СЕЛИ или
ТОМАСУ ГРЭНДЖЕРУ¹⁹
(из Лондона в Кале, 12 декабря 1480 г.)

Возлюбленный сударь, шлю Вам сердечный привет. Извещаю Вас, что я отправил на судне «Grace a Dew», где капитаном Джон Маркенсон, 1093 овчины; из них 446 отмечены котсволдским клеймом, остальные овчины (летние и зимние) — из Лондона отмечены знаком О. Все три сорта лежат вместе с другими у мачты с подветренной стороны...²⁰

РИЧАРД СЕЛИ — МЛАДШИЙ — ДЖОРЖУ СЕЛИ
(из Лондона в Кале, 8 апреля 1482 г.)

Дорогой и любимый брат, прими мой самый сердечный привет! Сообщаю, что письмо от тебя получил, узнав из него о смерти леди Бургундской²¹ и о предполагаемой сдаче Сент-Омера [французам]. Молю Бога спасти Фландрию. Из письма Уильяма Сели я узнал, что вы продали 6600 котсволдских овчин, и что они в безопасности в Голландии.

УИЛЬЯМ СЕЛИ — РИЧАРДУ И ДЖОРЖУ СЕЛИ
(из Кале в Лондон, 3 марта 1484 г.)

Милостивые господа, после всех приветствий я нижайше обращаюсь к вашим милостям. Довожу до сведения, что к вам прибудет посланец по имени Джон Клифтон, поверенный Гарри Кебеля, с письмом, в которое вложено платежное обязательство купцов из Брюгге Джона Делоуписа и Джейсбрайта ван Уинсбарджа. Оно должно быть оплачено к следующей Пасхе, сумма — 242 фунта 17 шиллингов.

Сэр! В этом письме я также сообщаю вашим милостям номер и вес 6 сэрплей и 1 тюка шерсти, отправленных к названным купцам... На этом кончаю, да хранит вас милосердный Бог. Написано в Кале 4 марта.

Ваш слуга Уильям Сели.

УИЛЬЯМ СЕЛИ — РИЧАРДУ И ДЖОРЖУ СЕЛИ
(из Кале в Лондон, 10 апреля 1484 г.)

Милостивые господа и мои добрые хозяева! После всех должных приветствий я нижайше обращаюсь к вашим милостям. Ставлю вас в известность, что я продал Эдриену Виль-

ямсону и его компании из Layth 1500 штук ваших котсволдских овчин, привезенных в июле 1482 г.; их продажа зафиксирована в этом письме...

Также уведомляю вас, что сегодня, 10 апреля, флотилия с шерстью, слава Богу, в полной сохранности прибыла в Кале. Здесь находятся французы, но деньги, которыми они располагают, не рассчитаны на этот сезон, и мы не знаем других путей для продажи; кроме того, этим летом на материке идет война с Францией.

Я должен был бы написать вашим милостям о многом еще, но время мое ограничено, рейс не может быть задержан...

Ваш слуга Уильям Сели.

УИЛЬЯМ СЕЛИ — ДЖОРЖУ СЕЛИ
(из Кале в Лондон, 14 апреля 1484 г.)

Милостивые господа!²² После всех должных приветствий обращаюсь нижайше к Вашей милости. Уведомляю Вас, что флотилия с шерстью прибыла в Кале 10 апреля, и большая часть принадлежащего Вам товара сгружена и укрыта... Далее, сэр, из Вашего письма я понял, что Питер Бейль виделся с Вашей милостью. Какие же он хотел бы дать гарантии за шерсть, которую Джон Делоупис должен взять у Вас? Сэр, если гарантии будут надежными и долгосрочными (be of substaince and abydyng), то я советовал бы Вам дать согласие, поскольку я не могу сказать, будет ли у нас договоренность с Фландрией. Я опасаясь, что фламандцы могут порвать с нами, так как человек, посланный Компанией складчиков в мэрию Гента (Lordys of Gaunte) с просьбой обеспечить безопасность для всей компании, возвратился без возмещения (убытков. — М. Я.). Ему сказали, что фламандцы потерпели большой ущерб от англичан и не получили никакого возмещения убытков; они больше не намерены подобного терпеть. Что касается гарантий безопасности, то они не хотят их давать. Как сложится дальше, я не берусь сказать...

Ваш слуга Уильям Сели.

УИЛЬЯМ СЕЛИ — ДЖОРЖУ СЕЛИ
(из Кале в Лондон, 23 апреля 14...)

...Уведомляю Вас, что получила Ваше письмо, переданное человеком Роберта Херикиса; из него я понял, что Вы просите послать Вам 50 ф. с человеком по имени Джон Барн, суконщиком из Кале... Времени мало, и больше названной суммы я достать не могу. При следующей okazji пошлю еще 20 или 30 ф., больше до ярмарки послать не смогу. Сэр, я посылаю Вам платежное письмо (specyallys), которое должно быть оплачено Уильямом Хиллом на ярмарке, на сумму 100 ф.

Я оплатил часть Ваших таможенных пошлин и других платежей, остальное должно быть оплачено как только закончится ярмарка; поскольку солдаты ждут выплаты жалованья, никому не будет дано никакой отсрочки. Что касается здешних новостей, то соблаговолите, пожалуйста, встретиться с предьявителем [этого письма], и он Вам все расскажет. Писать я не осмеливаюсь. На этом кончаю. Да хранит Вас Бог. Написано в Кале, 23 апреля, в спешке.

Ваш слуга Уильям Сели.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Роберт Сели — старший из трех сыновей этой семьи, однако в делах семейной компании он участвовал только на первых порах. Письма дают основания для предположения, что он был отстранен от участия в торговых операциях из-за неблагоприятного поведения.

² Томас Кестен — служащий купеческого объединения Сели в 70-е гг. Мерсер — торговец предметами роскоши, член самой богатой ливерской компании Лондона, известной под тем же названием.

³ Кеттеринг находится в графстве Нортгемптоншир, где был один из складов шерсти.

⁴ Стоун был равен 14 фунтам.

⁵ Джон Рэнис был, видимо, одним из тех купцов, с которыми торговали Сели. Его имя неоднократно упоминается в письмах.

⁶ В Бартоне (Ланкашир) у Эгнесс Сели, жены Ричарда-старшего, была земельная собственность.

⁷ Эдриен Уитхилл — контролер Компании купцов-складчиков Кале.

⁸ Карл Смелый был убит в сражении при Нанси 5 января 1477 г. Письмо написано спустя три недели; сведения уже дошли до Лондона, хотя Ричард отец пишет об этом очень осторожно.

⁹ Джон Тэйт — мерсер не одновременно член Компании купцов-складчиков Кале. В то время, к которому относится письмо, был казначеем компании.

¹⁰ Сэрпль был равен 728 фунтам, Тюк — несколько меньше половины сэрпля.

- ¹² Джон Андерхэй — купец из Мехельна.
- ¹³ Реальное содержание английского и фландрского фунтов не совпадало, соотношение их колебалось, что создавало известные трудности при торговле и возможности для денежных спекуляций.
- ¹⁴ Существовал обычай, согласно которому ученика можно было сделать членом компании до истечения срока обучения; не исключено, что в этом случае он получал ограниченные привилегии.
- ¹⁵ В Эссексе у семьи Сели был дом и земельная собственность.
- ¹⁶ Английская марка равнялась 13,6 шиллингам.
- ¹⁷ Уильям Сели — служащий семейной компании Сели, однофамилец.
- ¹⁸ Беверли находится в графстве Йоркшир.
- ¹⁹ Томас Грэнджер, член Компании купцов-складчиков Кале, был близок к семье Сели. Об этом можно судить хотя бы по тому, что именно он выступал в роли арбитра, когда в 90-е гг. между Ричардом и вдовой Джоржа начались раздоры из-за имущества.
- ²⁰ Корабль фрахтовался несколькими купцами, поэтому важно было указать точное расположение товара.
- ²¹ Речь идет о Марии, герцогине Бургундской, которая скончалась 27 марта 1482 г.
- ²² Привычное обращение к двум братьям, хотя на этот раз письмо адресовано только Джоржу.

Перевод со староанглийского М. М. Ябровой
сделан по кн.: The Cely Letters, 1472—1488/Ed.
by Alison Hanham. Oxford, 1975.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Негуляева Т. М. (Саратов). Условия возникновения средневекового городского права	3
Солодкова Л. И. (Ульяновск). Складывание торгово-ремесленного центра в Кёльне в XI—XIII веках	18
Очерет Ю. В. (Майкоп). Литературная и социальная жизнь Арраса XII—XIII веков	26
Краснова И. А. (Ставрополь). К вопросу об истоках ренессансного рационализма	34
Прокопович С. С. (Москва). Об идеальном городе в городской литературе XIII—XIV веков и в «Декамероне» Боккаччо	44
Десяткина Н. И. (Саратов). Петрарка о тирании (по трактату «О средствах против всякой судьбы»)	51
Ревякина Н. В. (Иваново). У истоков гуманистической педагогики итальянского Возрождения	63
Стам С. М. (Саратов). Антиаскетические идеи в искусстве Рафаэля («Мадонна Альба»)	72
Постников В. А. (Москва). Франческо Гвиччардини о религии и церкви	97
Никулина Т. С. (Куйбышев). Новые тенденции в любекской торговле второй половины XV—первой половины XVI веков	108
Молдавская М. А. (Донецк). К вопросу о положении городских низов во Франции в первой половине XVI века	115
Принцева Т. А. (Ленинград). Некоторые вопросы торговой политики Генриха VIII. 1509—1533 гг. (выдача лицензий на экспорт шерсти)	121
Мосолкина Т. В. (Саратов). Развитие буржуазного представления о богатстве у английских пропагандистов колониальной экспансии в начале XVII века	127
	181

- Фишер И. Р. (Йошкар-Ола). Промышленные предприятия в феодальном поместье Чехии конца XVII — первой половины XVIII веков 133
- Галямичев А. Н. (Саратов). К оценке исторического места чешской историографии гуситского движения второй половины XIX века . 147

Исторические очерки

- Бенкстерн Л. В. (Иваново). Французские легисты и их роль в политической централизации страны на рубеже XIII—XIV веков . 154
- Карпачева-Беляева М. Е. (Саратов). Завершающий этап антиинквизиционной борьбы в Каркассоне 166

Тексты

- Переписка семейной компании купцов Сели (XV век)/Пер. со староангл. М. М. Ябровой (Саратов) 173

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД

Межвузовский научный сборник

Выпуск девятый

Вопросы социально-экономической истории, права, идейного и культурного развития западноевропейских городов XI—XVII веков

Редактор Л. А. Горюнова
Художественный редактор Е. И. Бочаров
Технический редактор Л. В. Агальцова
Корректоры Л. И. Зильбер, В. С. Парсамов

ИБ № 2774

Сдано в набор 07.06.88. Подписано к печати 19.01.89. ИГ43013. Формат 60×84^{1/16}. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,69(11,5). Уч.-изд. л. 9,6. Тираж 1000. Заказ 918. Цена 1 р. 90 к.

Издательство Саратовского университета. 410601, Саратов, ул. Университетская, 42.

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В 1989 ГОДУ ВЫХОДЯТ КНИГИ:

1. **Хрестоматия по истории древнего мира**/Под ред. проф. В. Г. Боруховича. 2-е изд. Объем 20 п. л. Тираж 15 тыс. экз.
2. **Археология Восточно-европейской степи**/Под ред. В. Г. Миронова. Объем 10 п. л. Тираж 800 экз.
3. **Средневековое городское право XII — XIII вв.** Хрестоматия/Отв. ред. Т. Н. Негуляева. Объем 12 п. л. Тираж 5 тыс. экз.

1 р. 90 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА